

О нем

ПЕРЕВОД RUBY_MILLER

АВТОР БЕСТСЕЛЕРОВ NEW YORK TIMES

КРИСТИНА ЛОРЕН

Три года назад семья Таннера Скотта переехала из Калифорнии в Юту, из-за чего бисексуальному подростку пришлось временно скрывать свою идентичность. А сейчас, когда до окончания школы осталось совсем немного и больше никаких препятствий между ним и будущей свободной жизнью в колледже почти не осталось, Таннер планирует сдать основные экзамены и наконец убраться из Юты. Но когда его лучшая подруга Отем уговаривает принять участие в престижном семинаре Прово Хай Скул — где лучшие студенты усердно трудятся над проектом написания книги за семестр, — спорить с ней Таннер оказывается не в силах и соглашается, хотя бы для того, чтобы показать Отем, насколько глупа эта затея. Написать книгу за четыре месяца — проще не бывает. Ведь четыре месяца — это целая вечность. В итоге Таннер лишь отчасти оказывается прав: четыре месяца — это действительно долгий срок. В конце концов, ему понадобилось всего мгновение, чтобы обратить внимание на Себастьяна Бразера, мормона и вундеркинда, в прошлом году издавшего свою книгу, написанную во время подобного семинара, а сейчас курирующего проекты и помогающего студентам. И спустя всего месяц Таннер окончательно и бесповоротно в него влюбился.

- [Кристина Лорен](#)
-

Кристина Лорен

О нём

Автор: Кристина Лорен

Название: «О нём»

Жанр: слэш, ЛГБТК+, YA

Серия: вне серий

Возрастное ограничение: 14+

Русифицированная обложка: Оля Грачева

Перевод и оформление: Ruby_Miller специально для группы <https://vk.com/rubymiller>

Книга предназначена только для ознакомительного чтения.

Публикация данного материала без ссылки на переводчика и группу строго запрещена.

Пожалуйста, уважайте чужой труд.

Посвящается Мэтти, потому что без тебя этой книги не было бы.

*И каждому подростку, которому просто необходимо это услышать:
ты идеален. Именно такой, какой есть прямо сейчас.*

*«А любовь — это любовь, любовь, любовь, любовь. Не отмести в сторону и не убить».
(Лин Мануэль Миранда)*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Окончание зимних каникул очень похоже на стартующий круг почёта. Позади семь семестров нашей школьной жизни, и остался только один — символический — последний. Мне хочется отпраздновать это со среднестатистическим размахом: на несколько бестолковых часов нырнув в кроличью нору Ютуба. К сожалению, этому не бывать.

Потому что рядом со мной на кровати лежит Отем и сверлит меня взглядом в ожидании, когда я объяснюсь.

Мое расписание составлено не до конца, а занятия начнутся уже через два дня, и лучшие

предметы разбирают как горячие пирожки, и вообще — «Это так типично для тебя, Таннер».

В общем-то, она не ошибается. Это действительно типично для меня. И мне на ум постоянно приходит метафора, что в наших отношениях она муравей, а я стрекоза. Так было всегда.

— Все хорошо.

— Все хорошо, — повторяет она и бросает карандаш. — Тебе бы футболку с такой надписью.

Отем моя опора, мое убежище, лучшая из лучших — но когда речь заходит об учебе, она становится невероятно дотошной. Я переворачиваюсь на спину и смотрю в потолок. На день рождения Отем в девятом классе — спустя год, как я переехал сюда, и она взяла меня под свое крыло, — я подарил плакат с котенком, прыгающим в ванну с клубками. Плакат по-прежнему висит на том же месте. Котенок, конечно, милый, но в одиннадцатом классе его невинная простота омрачается нелепостью самого факта наличия подобного постера. Поэтому поверх мотивационной фразы «ПОГРУЖАЙСЯ С ГОЛОВОЙ, МАЛЫШ!» я написал то, что предположительно и имел в виду автор: «НЕ БУДЬ СЛАБАКОМ!»

Должно быть, с моими правками Отем согласна, раз не сняла плакат.

Я поворачиваю голову, чтобы посмотреть на нее.

— Почему ты так беспокоишься? Это же мое расписание.

— Я не беспокоюсь, — отвечает она, с хрустом уминая крекеры. — Но ты и сам знаешь, как быстро разбирают интересные предметы. И я не хочу, чтобы ты в итоге пошел на оставшуюся органическую химию к Хою, ведь он задает вдвое больше домашки, а это значит, что я буду отрезана от мира.

Отчасти это правда. Ходить к Хою на химию значит отрезать ее от остального мира — из нас двоих машина только у меня, и большую часть времени я Отем повсюду вожу. Но на самом деле она терпеть не может, что обычно я дотягиваю до последнего, а потом все равно умудряюсь получить желаемое. Мы с ней хорошо учимся, но каждый по-своему. Оба с отличием прошли АСТ-тест, но если Отем подходила к учебе неугомонной ищейкой, я же был похож на кота, валяющегося на залитом солнцем подоконнике. Если задание мне по силам и представляет интерес, так и быть, я за него возьмусь.

— Да, твоя жизнь вне учебы — наш основной приоритет, — я ложусь поудобней и смахиваю с руки крошки от крекеров, на которых лежал. Они оставили еле заметный след на коже, как мелкая галька на пляже. Отем пора перенести свою дотошность на уборку. — Отем, господи. Ты поросенок. Только взгляни на кровать.

В ответ она лишь засовывает еще несколько крекеров в рот, насыпав крошек на простыню с изображением Чудо-Женщины. Рыжие волосы Отем собраны в растрепанный пучок, и на ней сейчас все та же пижама со Скуби-Ду, в которой она ходила еще в четырнадцать лет. Она ей по-прежнему впору... в основном.

— Если ты когда-нибудь приведешь сюда Эрика, — говорю я, — он будет в ужасе.

Эрик — наш друг и один из немногих не мормонов в нашем классе. Думаю, чисто технически он все-таки мормон, как минимум из-за родителей. Таких обычно называют «Джек-мормон». Они употребляют алкоголь и кофеин, но при этом достаточно активно участвуют в делах церкви. «Пользуемся всем лучшим из обоих миров», — как он говорит. Хотя очевидно, что большинство учеников-мормонов Прово Хай Скул с ним не согласны. Когда дело доходит до социума, быть Джеком-мормоном означает не быть мормоном вообще. Как я, например.

Из ее рта вылетает несколько кусочков крекера, когда Отем кашляет и изображает отвращение.

— Я не подпущу Эрика к своей кровати.

Но тем не менее я здесь, лежу на ее кровати. Тот факт, что я в принципе допущен в спальню Отем, свидетельствует о большом доверии ее матери по отношению ко мне. Или же миссис Грин чувствует, что между нами двумя ничего быть не может.

Однажды мы попробовали, это случилось на зимних каникулах в девятом классе. На тот момент я жил в Прово пять месяцев, но влечение между нами возникло практически мгновенно — сдобренное почти одинаковым расписанием и общим ощущением себя лишним среди учеников-мормонов. К сожалению, с моей стороны влечение исчезло, как только дело дошло до дела, и каким-то чудом мы сумели избежать неловкости после ни к чему не приведших поцелуев. И больше я рисковать не готов.

Кажется, вслед за мной Отем так же ясно ощущает, что мы лежим слишком близко, и оттягивает низ своего пижамного топа. Я сажусь и прислоняюсь к деревянному изголовью. Так безопасней.

— Что у тебя первым уроком?

Она заглядывает в свое расписание.

— Поло. А потом современная литература.

— У меня то же самое, — стащив у нее крекер, я — как цивилизованный человек — съел его, не уронив ни крошки. Проведя указательным пальцем по списку, я начинаю понимать, что с этим семестром проблем не будет. — В целом, расписание нормальное. Нужно только добавить что-то на четвертый урок.

— Ты можешь добавить Семинар, — радостно хлопает в ладоши Отем.

Ее сверкающие глаза почти освещают темную комнату: Отем мечтала об этом курсе с девятого класса.

Семинар — я абсолютно серьезно, в школьных газетах это слово всегда пишут с большой буквы — это настолько пафосный курс, что дальше просто некуда. «КНИГА ЗА СЕМЕСТР» — бросает вызов его программа. Можно подумать, подобное возможно только на их занятиях. Или что обычный человек за четыре месяца не в состоянии сложить слова и сам. Четыре месяца — это же целая жизнь.

Туда принимают только тех учеников, кто прошел хотя бы один курс углубленного английского и за прошлый семестр имеет средний балл как минимум 3,75. Так что из семидесяти учеников учитель берет лишь четырнадцать.

Два года назад в Нью-Йорк Таймс вышла статья, назвавшая Семинар «блестящим курсом с амбициозной программой, которым самоотверженно руководит автор бестселлеров, бессменный Тим Фудзита». (Эта цитата была напечатана, увеличена чуть ли не в тысячу раз и повешена в рамке у кабинета администрации. В ответ на это я всегда злоупотреблял разными непечатными наречиями, что Отем называла мелочностью). В прошлом году выпускник Себастьян Бразер прошел курс Семинара, и какое-то крупное издательство выкупило права на его рукопись. Не зная, кто он, я слышал его историю тысячу раз. Сын епископа! Написал фэнтези-роман! Понятное дело, это впечатляло. Мистер Фудзита отправил рукопись агенту, а тот — своим людям в Нью-Йорк, потом за нее даже возникла борьба, а потом — бум! — и вот он зачислен в Университет Бригама Янга, что через дорогу, и явно отложил свое грядущее миссионерство, чтобы отправиться в книжный тур. И практически стал новым Толкином.

Или Л. Роном Хаббардом. Хотя мормонам вряд ли придется по душе такое сравнение. Они не любят, когда их имена смешивают с последователями разных культов. С сайентологами, например.

В любом случае, сейчас Семинар — это единственное — за исключением футбольных матчей УБЯ [Университет Бригама Янга — прим. перев.] и огромного количества мормонов, — что соотносят с Прово.

— Тебя приняли? — скорее утверждаю, нежели спрашиваю я, совершенно, впрочем, не удивляясь. Этот курс для Отем много значит, и помимо соответствия всем требованиям, она поглощала книги одну за другой, надеясь, что однажды напишет свою.

Она улыбается. А улыбка безбрежная, как океан.

— Крутьшка.

— Ты тоже сможешь попасть, если поговоришь с Фудзитой, — говорит она. — У тебя проходной балл. И пишешь ты хорошо. А еще он обожает твоих родителей.

— Да ну, — я готов ждать ответа о зачислении из любого колледжа, лишь бы не местного — мама умоляла меня подать заявку за пределами этого штата — и он будет положительным, только если закончу последний семестр с хорошими оценками. Независимо от того, что дело мне представляется несложным, искушать судьбу все-таки не стоит.

Отем покусывает свой многострадальный ноготь.

— Потому что тогда тебе придется, ну, сам знаешь — закончить начатое?

— Но ведь с твоей мамой я закончил? Понимаешь, о чем я?

Она дергает за волоски на моей ноге, и я пронзительно взвизгиваю.

— Таннер, — сев на кровати, говорит она. — Я серьезно. Тебе будет полезно. Запишись со мной на этот курс.

— Ты так говоришь, будто уверена, что мне хочется.

Сердито посмотрев на меня, она ворчливо произносит:

— Это же *Семинар*, придурок! Все на него хотят.

О чем я и говорил. Она поставила этот курс на пьедестал, и это настолько глупо, что я чувствую необходимость быть защитником при Будущей Отем, когда она выйдет в большой мир и начнет вести свои девичьи битвы в стиле Гермионы. Поэтому я улыбаюсь ей своей самой неотразимой улыбкой.

— Хорошо.

— Может, ты беспокоишься, что не сможешь придумать ничего интересного? — интересуется она. — Я тебе помогу.

— Да ладно. Я приехал сюда, когда мне было пятнадцать — и, думаю, мы оба с тобой согласимся, это было не лучшее время для переезда из Пало-Альто (Калифорния) в Прово (*Юта*) — без друзей и с полным ртом брекетов. Так что у меня полно историй.

Не говоря уже о том, что я наполовину еврей, квир [от англ. queer «странный» — термин, для обозначения любой модели поведения, отличающейся от традиционной — прим. перев.] *и живу в городе мормонов и натуралов.*

Последним я ни с кем не делюсь, даже с Отем. В Пало-Альто не было проблемой, когда в тринадцать лет я обнаружил, что идея целоваться с парнями мне нравится так же сильно, как и идея целоваться с девушками. Здесь же это будет *огромной* проблемой. Да, Отем моя лучшая подруга, но я не хочу рисковать. Что, если внезапно выяснится, что она прогрессивная лишь в теории, а на практике ей не понравится, что в ее спальне сидит парень с нетрадиционной ориентацией?

— Брекеты были у всех, и с тобой дружила я, — она снова плюхается на спину. — И потом, быть пятнадцатилетним мало кому нравится, Таннер. Это период внезапных месячных и стояков некстати, где-нибудь в бассейне, например. Прыщей, тревог и полного непонимания, как себя вести. Так что гарантирую, что за неимением лучшей идеи для книги десять человек из пятнадцати будут писать о школьных трудностях.

Мысленно пролистав события своего прошлого, я чувствую, как внутри что-то кольнуло: может быть, она и права. Может, я и правда *не смогу* придумать ничего интересного и глубокого, а художественная литература рождается в глубинах души. Меня поддерживают родители —

иногда даже *слишком*. У меня есть сумасшедшие, но замечательные многочисленные родственники. Умеренно кошмарная и повернутая на эмо-культуре сестра. Своя машина. Я мало что знаю о серьезных проблемах.

Но, решив поупрямиться, я щипаю Отем за ногу.

— Ну а что такого глубокого в *тебе*?

Это, конечно, шутка. Отем о многом может рассказать. Ее отец погиб в Афганистане, когда ей было девять. После чего ее мать — озлобленная и убитая горем — разорвала отношения с мормонской церковью, что в этом городе приравнивается к дезертирству. Больше девяноста процентов населения принадлежат к Церкви СПД [Церковь Иисуса Христа Святых Последних Дней — прим. перев.]. Поэтому быть другим — значит оказаться за пределами активной общественной жизни. Плюс ко всему, они с Отем с трудом перебиваются на одну зарплату миссис Грин.

Отем невозмутимо смотрит на меня.

— А я понимаю, почему ты не хочешь за это браться, Танн. Придется ведь пахать. А ты тот еще лентяй.

Сначала Отем уговаривала меня пойти на этот идиотский курс, но сегодня, по дороге в школу в первый день после зимних каникул, ее задело, когда я сказал ей, что меня приняли.

Она сверлит меня взглядом, пока я сворачиваю на Бульдог Бульвар.

— И что, Фудзита тебя принял? — спрашивает она. — Вот так просто?

— Одди, ты спятила, если злишься из-за этого. Ты сама-то понимаешь?

— И... что? — говорит она, не обращая внимания на мой риторический вопрос и глядя вперед. — Значит, будешь ходить?

— Ага. Почему нет? — я заезжаю на студенческую парковку и ищу свободное место где-нибудь поближе к входу, но, поскольку мы опаздываем, естественно, ничего удобного уже не осталось. Так что паркуюсь позади здания.

— Таннер, ты вообще понимаешь, что это такое?

— Как я мог учиться в этой школе и не знать о *Семинаре*?

Отем агрессивно смотрит на меня, потому что я ответил ей насмешливым тоном, который она терпеть не может.

— Тебе придется написать книгу. Целую книгу.

Мое терпение лопается с присущим мне спокойствием: я чуть сильнее обычного открываю дверь и выхожу на мороз.

— Одди, какого черта? Кажется, именно ты уговаривала меня подать заявку.

— Да, но ты не должен этого делать, если сам не хочешь.

Я демонстрирую улыбку, которая так нравится Отем. Конечно, мне не стоило бы, но иногда приходится пользоваться всеми доступными приемами.

— Тогда не надо было обзывать меня лентяем.

Она издает сердитое рычание, которое, в свою очередь, нравится мне.

— Ты счастливчик, о чем даже не подозреваешь.

Не удостоив ее ответом, я достаю из багажника рюкзак. Она совершенно сбила меня с толку.

— Ты ведь понимаешь, что я имею в виду? Что для тебя это было легко? — догнав меня, продолжает Отем. — Мне пришлось отправить запрос, пройти собеседование и чуть ли не начать *пресмыкаться*. Ты же вошел к нему в кабинет и просто записался.

— Не совсем так. Я вошел в кабинет, поболтал с ним немного, рассказал, что нового у

родителей, и только *потом* он меня записал.

Ничего не услышав в ответ, я поворачиваюсь и вижу, что Одди идет в другую сторону, к боковому входу.

— Увидимся за ланчем, лучшая подруга! — кричу я ей. В ответ она показывает мне средний палец.

В помещении приятно тепло, но шумно, а еще мокро от тающего грязного снега с обуви. Я протискиваюсь к своему шкафчику, зажатому между шкафчиками Саша Сандерсон и Джека Торна, самых симпатичных и милейших учеников Прово Хай.

В социальном плане здесь все неоднозначно. Даже спустя два с половиной года я чувствую себя новичком. Возможно, это потому, что большинство учеников знакомы друг с другом со времен детского сада — живя в одной общине, помимо школы они виделись еще и на миллионе церковных мероприятий. А у меня, в общем-то, есть только Одди, Эрик и еще несколько друзей, которые хоть и мормоны, но клевые и не сводят нас с ума. Как и их родители — не беспокоящиеся, что мы их развращаем. А в Пало-Альто в девятом классе я, можно сказать, встречался с одним парнем в течение нескольких месяцев, и там у *меня* были друзья, которых я знал со времен детского сада и которые даже глазом не моргнули, увидев нас с Гейбом держащимися за руки. Жаль, что тогда я не ценил ту свободу.

Конечно же, местные девушки со мной флиртуют, но они мормонки, и им ни за что на свете не будет позволено со мной встречаться. Большинство родителей, принадлежащих к Церкви СПД, планируют, что свадьба их детей произойдет в Храме в Солт-Лейк-Сити, и это просто невозможно с кем-то вроде меня, не мормоном. Разве что я стану новообращенным... чего не произойдет *никогда*. Вот, например, Саша. Я чувствую, как между нами что-то назревает; она очень эмоциональная и обожает флиртовать, но Отем уверяет, что из этого ничего не выйдет. Еще меньше шансов у меня насчет парней, причем не важно, мормоны они или нет. Прощупывать почву в Прово я просто не готов. С десятого класса я увлечен Джеком Торном, но он под запретом по трем важным причинам: 1) парень; 2) мормон; 3) живет в Прово.

Прежде чем разозлиться на меня утром, Отем молча вручила мне лист блестящих наклеек с динозаврами. Так же молча я убрал их в карман; Отем известна тем, что часто дарит мне вещи неизвестного до определенного момента назначения, с чем я давно смирился. А когда открыл шкафчик, мне тут же стал понятен смысл ее подарка: все давно знают, что я вечно путаю четные и нечетные недели — в этой школе у нас чередующееся расписание, когда на одной неделе в определенные дни уроки идут с первого по четвертый, а на другой — с четвертого по восьмой. Так что каждый семестр я вынужден вешать расписание на внутреннюю сторону дверцы шкафчика, и каждый семестр у меня не оказывается под рукой скотча.

— Ты великолепен, — говорит Саша и подходит ближе, чтобы посмотреть, чем я занят. — И, *боже мой*, такой милаш! Динозаврики! Таннер, тебе восемь?

— Отем подарила.

Я буквально слышу реакцию Саша в наступившей тишине, ее не произнесенное вслух «*Так они вместе или нет?*». Всем интересно, спим ли мы с Отем.

Как и всегда, я ничего не отвечаю. Такие подозрения мне только на руку. А Отем, сама того не подозревая, служит мне прикрытием.

— Симпатичные сапоги, — замечаю я. Они наводящей на размышления длины: чуть выше колена. Интересно, чье внимание Саша пытается привлечь — парней в школе или родителей дома. Я даю ей одну наклейку, целую в щеку и с книгами в руке ухожу.

Прово Хай Скул — не религиозная школа, но иногда кажется именно такой. И почти сразу же вы узнаете один факт про мормонов: они всегда сосредоточены на позитиве. Позитивные мысли и чувства, счастье-счастье, радость-радость. Так что урок современной литературы у

миссис Поло ознаменован неожиданной и *нерадостной* преамбулой: первым мы прочитаем роман «Под стеклянным колпаком».

В классе раздается шепоток, и все, ерзая на стульях, чересчур драматично оглядываются друг на друга, чтобы убедиться в не напрасно потраченных попытках привлечь внимание. Но миссис Поло — с торчащими в разные стороны волосами, носящая цветастые юбки и кольца на больших пальцах рук, в общем, понимаете, да? — на всеобщее беспокойство внимания не обращает. Я думаю, на самом деле, ей оно даже нравится. Покачиваясь на пятках взад-вперед, она ждет, когда мы успокоимся, чтобы вернуться к программе курса и посмотреть, что еще нас ждет.

«Библия ядовитого леса» Барбары Кингсолвер, «Ночь» Эли Визеля, «Невыносимая легкость бытия» Милана Кундеры, «Замок из стекла» Джаннетт Уоллс и так далее вплоть до «Сулы» Тони Моррисон и даже липовых мемуаров чертова Джеймса Фрея. Пожалуй, самый шокирующий — роман Синклера Льюиса «Элмер Гентри». О религиозных фанатиках и изгоняющем дьявола жутком проповеднике. Прямо щелчок по носу. Миссис Поло бесстрашная. Ну а мне будет интересно полюбоваться, как мои одноклассники выйдут из себя.

Рядом со мной сидит, вытаращив глаза, все еще играющая в молчанку Отем. Из этого списка она прочитала почти все и, насколько я ее знаю, сейчас думает, не пора ли перевестись на курс по Шекспиру к мистеру Гайзеру.

Повернувшись, она смотрит на меня и прищуривается, явно прочитав мои мысли. Потом снова ворчит, и я уже не могу сдержать рвущийся наружу смех.

Я тоже прочитал почти все эти книги. Отем заставила.

Откинувшись на спинку стула и сцепив пальцы закинутах за голову рук, я еще раз довольно улыбаюсь.

Плевое дело. Это будет самый легкий семестр.

ГЛАВА ВТОРАЯ

К концу четвертого урока Отем начала дергаться. От предстоящего Семинара она была в восторге, но все равно сердилась, что я проник на него якобы нечестным путем. Я шел прямо за ней по коридору и постарался скрыть улыбку, когда она, умышленно меня избегая, выбрала стол только с одним свободным местом.

— Давай лучше сюда, Одди, — стоя у заднего ряда, я держу для нее свободный стул, сама намереваясь занять соседний.

Если не присоединится ко мне, то будет выглядеть загадочной и капризной, поэтому она, угрюмо глядя на меня, нехотя подходит.

— Ты невыносим.

— Я люблю тебя, детка, но самую малость.

Она смеется.

— Вот только не порти мне эту фразу.

И сейчас, вот именно в этот момент, такое запросто возможно. Я могу все испортить, если поведу себя как придурок относительно чего-то, во что Отем вложила все свое сердце. Неужели она думает, будто я хочу этого?

Если судить по тому, как я себя веду, то да, видимо, так и думает.

— И в мыслях не было, — я кладу ей на стол свой счастливый ластик — тот, что она подарила мне на Рождество пару лет назад, с Хи-Меном. Из белого кирпичика он давно превратился в серый бесформенный кусок. И на сегодняшний день у Хи-Мена почти нет лица и

осталась только одна нога.

Сморщив веснушчатый нос, Одди без особого на то желания хмуро смотрит на меня. Я прощен.

С огромной стопкой книг в руках входит мистер Фудзита. Он неловко сгружает свою ношу на стол, стоящий в центре полукруга из наших, не глядя в сторону, когда книги расплзаются бесформенной кучей. «Противостояние» Стивена Кинга, раскрывшись обложкой вверх, громко шлепается на пол. Фудзита не обращает внимания и на это; краем глаза замечаю, как Отем села ровнее, и я знаю, что чем дольше на полу валяется книга, тем сильнее моя подруга переживает о ее смятых страницах.

— Доброе утро! — нараспев говорит мистер Фудзита, а потом смотрит на настенные часы. — Ой, то есть день! Я Тим Фудзита, но все зовут меня просто Фудзита.

Он всегда мне очень нравился, но от того, с какой легкостью он позволяет всем себя называть только по фамилии, моя любовь к нему уменьшается примерно на семь процентов.

Раздаются ответные приветствия — тихие то ли от страха, то ли от послеобеденной усталости — и в этот момент учитель с улыбкой рассматривает каждого. Я тоже оглядываю класс: Джош, Дастин, Аманда. Бекс, Джули, Клайв, Буррито-Дэйв. Сабина, Футболист-Дэйв, Эшер. Кайли, Маккенна, Джеймс, Леви.

Все они мормоны. У каждого аккуратная прическа, приличной длины рукав и хорошая осанка. Мы с Отем на заднем ряду словно два корявых дерева на ухоженной лужайке.

Увидев меня, Фудзита подмигивает. Он считает мою маму супергероиней. Сидящая рядом со мной Отем громко вздыхает — потому что из-за моих мамы (компьютерного гения) и папы (высокопрофильного кардиохирурга, который, согласно газетным новостям, спас жизнь губернатору Юты) с первого дня учебы здесь я заработал особое отношение всех учителей. Одна из подобных привилегий — мое присутствие на Семинаре благодаря инициативе Фудзиты.

— Добро пожаловать, ребята, — раскинув руки в стороны, говорит он и еще раз бегло оглядывает класс. — А где он?

В ответ на наше недоуменное молчание учитель продолжает выжидающе смотреть на нас.

— Кто? — наконец спрашивает сидящий, как обычно, на первом ряду Дастин.

Фудзита бросает взгляд на часы, словно в поисках подтверждения, что он не ошибся классом.

— Я просто надеялся, что получится классный сюрприз — и по-прежнему так считаю — но, судя по всему, он опаздывает.

Поскольку мы продолжаем молчать, его брови медленно приподнимаются.

— На весь курс у вас будет специальный помощник, — говорит Фудзита. Мне кажется, с этой драматической паузой он мысленно представил себе барабанную дробь, но вместо нее ощущается только разочаровывающее недоумение. — Уверен, вы будете рады услышать, что работу каждого из вас будет курировать Себастьян Бразер!

Раздаются восторги всех присутствующих четырнадцати человек — еще бы, с нами проведет время героический мормон. Отем ошарашенно прикрывает рот ладонью. Для нее Себастьян — даже если не брать во внимание Церковь СПД — местная знаменитость.

Сложив руки перед собой, Фудзита покачивается на пятках вперед-назад.

— Конечно же, у Себа очень напряженный график, — я мысленно издаю стон: у Себа. — Но мы с ним считаем, что его опыт может пойти всем вам на пользу. Надеюсь, он вас вдохновит. После этого курса в его девятнадцать у Себастьяна впереди блестящая писательская карьера, — подавшись вперед, Фудзита доверительно добавляет: — Естественно, я читал его роман. Он потрясающий. Просто потрясающий!

— А он о Кристофере Паолини вообще слышал? — шепчу я Отем.

Ее ледяной взгляд велит мне заткнуться.

Фудзита берет несколько листов бумаги из разорванной папки и начинает их раздавать.

— Думаю, мы опустим вопрос «Зачем вы здесь?». Вы здесь, чтобы написать книгу, верно? — практически все с энтузиазмом кивают. — И вы напишете. Четыре месяца, правда, не такой большой срок, но вам хватит. Вы справитесь. Вот почему я здесь.

— И браться за дело я предлагаю без промедления, — продолжает он, вышагивая по аудитории. — Я подготовил вам список для чтения, множество советов, как начать, и подсказок о типах писательства, но, если честно, единственный способ написать книгу — это ее написать. Как вы будете это делать — решать вам.

Я смотрю на программу курса и предложенное нам расписание, которое Фудзита положил передо мной, и чувствую, как лоб начинает гореть, а по шее покалывающе проносится панический холодок.

У меня есть неделя, чтобы придумать идею.

Одна неделя.

Ощувив на себе взгляд Отем, я поворачиваюсь и беззаботно ей улыбаюсь. Но, на самом деле, улыбка получилась не настолько беззаботной, как я понадеялся; ее тоже вышла перекошенной и неуверенной.

— Ты сможешь, — тихо говорит Одди, глядя куда-то сквозь меня.

Погоняйте меня по тригонометрическим функциям, и я даже не запнусь. Дайте набор для молекулярного моделирования, и я создам самые красивые органические соединения, какие вы только видели. Но при просьбе говорить от чистого сердца и делиться этим с миром... меня клинит. Удовольствия от этого я не получаю, при этом делать лишь бы как тоже не хочу. Я еще никогда не пытался сочинять и понял это только сейчас, сидя здесь.

Будто желая сделать еще хуже, Фудзита добавляет:

— По своему опыту могу сказать, что у большинства из вас идея уже есть. В течение следующей недели мы с Себастьяном поможем ее отточить. Придать законченность. А потом вы просто погрузитесь в работу с головой!

Я даже не в состоянии посмеяться, что он слово в слово повторил ванильный мотивирующий плакат Отем, потому что впервые за... хм, вообще впервые я чувствую, что моих мозгов на все это просто не хватит.

Отем пододвигает ластик с Хи-Меном в мою сторону и пользуется этим, чтобы ободряюще сжать мою руку.

В этот момент открывается боковая дверь, а когда все поворачиваются, раздается шарканье стульев по деревянному полу. Мы и так знаем, кто это, но все равно хотим увидеть.

Первый и единственный раз, когда я видел Отем пьяной, был прошлым летом — тогда она в первый и единственный раз призналась, что влюблена в меня. Я думал, после затянувшихся поцелуев два года назад в этом вопросе у нас с ней полное взаимопонимание, но, как оказалось, нет. Где-то после четырех хард-лимонадов, но до того как разбудить меня, спящего у нее на полу, и, обдавая алкогольным дыханием, попросить забыть обо всем, что она наговорила, Отем битый час болтала о своих тайных чувствах, которые она скрывала от меня в последние два года. Из тумана собственного опьянения и ее беспорядочного трепа я смог выудить только три фразы:

1. «Твое лицо важно для меня».

2. «Иногда у меня возникает странное чувство, что одной меня тебе не будет достаточно».

3. «Я люблю тебя, но самую малость».

Единственным для нас с ней способом избежать глубочайшей неловкости в будущем

оказались шутки на эту тему неделю напролет.

«Я люблю тебя, но самую малость» стало нашим новым дружеским девизом. Отем неоднократно, но без особых успехов пыталась пояснить, в чем смысл ее фразы «Твое лицо важно для меня» — что-то о симметрии черт и о том, как они доставляют ей удовольствие на каком-то инстинктивном уровне, — но это по-прежнему моя самая любимая белиберда, которую я возвращаю ей всякий раз, когда вижу расстроенной: «Одди, расслабься, твое лицо для меня все равно важно». И каждый раз она смеется.

Вторая фраза — «Иногда у меня возникает странное чувство, что одной тебя не будет достаточно» — оказалась для меня слишком болезненной. Хотя я уже планировал рассказать ей о себе, после тех ее слов передумал. Они отозвались во мне диссонансным аккордом, продемонстрировав внутренний конфликт моей бисексуальности. На одном моем плече сидит дьявол — невежественное восприятие, которое я замечаю со всех сторон, как снаружи, так и изнутри квир-сообщества, говорящее, будто бисексуальность — это на самом деле вопрос неопределенности. Будто для бисексуала невозможно довольствоваться одним человеком и что это ярлык не способных на постоянные отношения людей. На другом плече обосновался ангел — в которого побуждают меня верить квир-поддерживающие книги и листовки — говорящий, что нет, я всего лишь открыт к чувствам по отношению к любому, что буду счастлив иметь с кем-нибудь длительные отношения и что имеют значение не столько эти детали, сколько сам человек.

Но поскольку я никогда и ни в кого не был влюблен и никогда не ощущал почти мучительное стремление к кому бы то ни было, то так и не знаю, кто из них прав: дьявол или ангел. Когда Отем сказала, что ее одной не будет достаточно, я не стал заострять на этом внимание и сделал вид, будто забыл. Вот только проблема в том, что на самом деле я все отлично помнил. Даже заиклился на этом, продолжая делать вид, будто не жду момента, когда из-за кого-нибудь потеряю покой и когда благодаря кому-нибудь стану уверен в своих чувствах — так уверен, как еще никогда в своей жизни.

И вот когда Себастьян Бразер входит в аудиторию, замечает меня, а я его, у меня возникает чувство, будто я сейчас свалюсь на бок со стула.

Будто я пьян.

И теперь мне понятно, что имела в виду Отем, когда говорила про лица.

Я уже видел его в коридорах школы, но особого внимания никогда не обращал: он один из тех идеальных детей мормонов, к тому же сын епископа и, насколько мне известно, чрезвычайно набожный.

Но прямо сейчас я не в силах отвернуться. Себастьян больше не ребенок. Я замечаю жесткую линию челюсти и миндалевидные глаза, покрасневшие щеки и дернувшийся кадык, когда под тяжестью наших взглядов он нервно сглотнул.

— Привет, народ, — приветственно помахав рукой, Себастьян неуверенно идет к центру класса и пожимает руку Фудзите. Никто не спускает с него глаз, словно держа под прицелом.

Сияя, Фудзита говорит нам:

— Ну, что я вам говорил!

Волосы Себастьяна сбриты на висках и длинные на макушке. А улыбка настолько широкая и искренняя... Он просто офигенно красивый. Но в нем есть что-то еще, усиливающее мое влечение, что-то большее, чем просто красота. Может, это его взгляд, надолго не задерживающийся ни на одном из нас. А может, возникшее у меня ощущение, что Себастьян нас немного опасается.

Когда он встает лицом перед всем классом, его глаза вспыхивают, встретившись взглядом с моими — всего на долю секунды, а потом еще раз. Будто призма, поймавшая луч света. Этого

кратчайшего промежутка времени Себастьяну более чем достаточно, чтобы увидеть мое мгновенное увлечение им. Ну ничего себе, как быстро он понял. Должно быть, с ним такое происходит не в первый раз — обожающий взгляд с противоположного конца аудитории, — но такая стремительная влюбленность мне совершенно чужда. Мои легкие — словно дикие животные, стремящихся выбраться из клетки.

— Блин, — бормочет Отем рядом со мной. — Он заставляет меня глупо улыбаться.

Ее слова — приглушенный отголосок моих мыслей: его улыбка не оставляет и следа от меня прежнего. Я ощущаю беспокойство — что-то внутри уверяет меня, что мы должны быть вместе, иначе мне никогда не будет хорошо.

Не имея понятия о моей внутренней катастрофе, Отем разочарованно вздыхает.

— Как жаль, что он мормон.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Вторая половина дня понедельника выглядит следующим образом: домашнего задания у нас нет, мама приходит с работы пораньше и решает воспринять это как знак, что с детьми нужно поехать по магазинам. Моя сестра Хейли в восторге от идеи купить побольше прикидов в похоронном стиле. А я соглашаюсь поехать — хоть и без особого энтузиазма — в основном потому, что если останусь один, то проведу несколько часов за ноутбуком, открыв кучу вкладок и попытаюсь узнать побольше про Себастьяна Бразера.

К счастью, нам составила компанию Отем. Мне кажется, суперспособность мамы в том, чтобы по каким-то сверхъестественным причинам выискивать самую уродливую одежду для своих отпрысков. Так что в этом случае Отем идеальная поддержка. Но, к сожалению, с ними тремя поблизости осуществлять поиск информации о Себастьяне мне приходится более скрытно. Отем может сильно удивиться, если увидит, что я гуглю фото нашего симпатичного помощника учителя. Мама с Хейли знают о моем увлечении парнями, но та же мама точно не будет в восторге, узнав, что объект моего текущего интереса — сын местного епископа.

Организованная религия — это не та тема, которую с теплом встречают в нашем доме. Мой отец еврей, но не был в синагоге уже несколько лет. Мама выросла в традициях СПД в Солт-Лейк-Сити, что к северу отсюда, но в девятнадцать лет разорвала все отношения с общиной, когда ее младшая сестра, моя тетя Эмили, в старших классах открыто заявила о своей нетрадиционной сексуальной ориентации, после чего от нее отвернулись *и* родители, *и* церковь. Конечно же, меня тогда и в помине не было, но я слышал кое-какие рассказы и видел, как на лбу у мамы набухла вена, когда при ней заходила речь об узколобых религиозных взглядах. Мама продолжает общаться с родителями, но, как и любой отзывчивый человек, не хочет оправдывать гонения на близких из-за кучки устаревших книжных правил.

В связи с этим, вам, наверное, хочется спросить, почему мы живем здесь, где мормонов больше всего в мире? По иронии судьбы, снова из-за мамы. Два с половиной года назад один крупный стартап по разработке программного обеспечения переманил ее из Гугла, где она была единственным старшим инженером-программистом с женским генотипом и при этом могла заткнуть за пояс любого. В NextTech ей предложили должность генерального директора, но мама предпочла работу технического, что означало почти неограниченный бюджет на технологические разработки. Сейчас ее команда создает для НАСА какое-то ПО для 3D-моделирования.

В любой другой семье, которая, несмотря на две шестизначные зарплаты, с трудом

позволяла себе жизнь в районе Саут-Бей, это решение принялось бы на раз-два. Предстоит повышение зарплаты в городе, стоимость жизни в котором равна стоимости содержимого нашего самого маленького шкафа в Пало-Альто? Отлично! Но из-за маминого прошлого решение о переезде было мучительным. Я до сих пор помню, как однажды поздно вечером родители спорили об этом, думая, что мы с Хейли уже спим. Папа считал это возможностью, которую мама не должна отбрасывать и которая будет подпитывать ее воображение. Она была согласна — но переживала о том, как это повлияет на детей.

В частности, на *меня*. За два месяца до поступившего предложения я признался родителям, что бисексуален. Ну, «признался», наверное, слишком громко сказано. В рамках своего выпускного проекта мама создала скрытое от пользователя программное обеспечение, которое позволяло работодателям отслеживать, чем заняты сотрудники. Оно оказалось настолько простым и удобным, что сделали и потребительскую версию, после чего продали практически в каждый дом, где есть компьютер, по всей стране. Наверное, мне стоило бы сложить два и два и догадаться, что мои родители тоже его используют, прежде чем смотреть порно с телефона.

Это был неловкий разговор, но, по крайней мере, он привел к компромиссу: я мог без надзора посещать некоторые сайты, если только они, по словам мамы, «не дают мне нереалистичного представления о сексе или о том, как должны выглядеть наши тела».

И вот мои родители, ярые анти-мормоны, вместе с эмо-дочерью и бисексуальным сыном переехали в мормонскую страну чудес. Чтобы компенсировать свою вину и быть при этом уверенными, что я всегда сумею себя защитить (что означало: быть очень и очень осторожным насчет того, кому открыться), они сделали наш дом воплощением гей-прайда. Большую часть времени мы с Отем проводим у нее дома, а Хейли ненавидит почти всех (и к ней никто никогда из ее ведьминского шабаша не приходит), поэтому ЛГБТ-статьи, PFLAG-листовки [PFLAG — некоммерческая организация «Родители, семьи и друзья лесбиянок и геев» — прим. перев.] и футболки с радугой дарились мне по поводу и без, сопровождаемые поцелуями и гордыми взглядами. Иногда мама клала мне на наволочку стикер на баннер с мотивирующей надписью, который посреди ночи впивался острым углом мне в щеку.

НЕ БУДЬ ТЕБЯ НА СВЕТЕ, ВСЕ БЫЛО БЫ ИНАЧЕ!

СМЕЛОСТЬ — ЭТО ОСТАВАТЬСЯ САМИМ СОБОЙ В МИРЕ, КОТОРЫЙ ДИКТУЕТ БЫТЬ ДРУГИМ.

ЛЮБОВЬ НЕ ЗНАЕТ ГРАНИЦ.

НОРМАЛЬНЫЙ — ЭТО ВСЕГО ЛИШЬ РЕЖИМ СТИРАЛЬНОЙ МАШИНЫ.

Много лет Отем находила их то тут, то там, но не особенно обращала внимания, бормоча: — Опять эти штучки из Сан-Франциско.

Сейчас, когда я сижу в машине и с отвисшей челюстью тайком просматриваю фотографии Себастьяна, думать об этом смешно, потому что я начинаю фантазировать, как он зачитывает мне эти надписи своим низким и мягким голосом. Даже простое воспоминание о тех трех фразах, которые он произнес сегодня, превращает меня в перепившую цветочного нектара пчелу.

Привет, народ.

О, моя книга выходит в июне.

Я здесь, чтобы помочь. Поэтому, если я вам нужен, пользуйтесь мной.

Я чуть с ума не сошел, когда он так сказал.

Поиск в интернете ничего нового мне не дал. Большинство результатов на запрос «Себастьян Бразер» вели в стейк-хаус в Омахе, на ссылки со статьями о Семинаре и анонсами его книги.

А вот в Гугл-фото я получил даже больше ожидаемого. Тут есть фотографии, где он играет в бейсбол и футбол (да-да, одну я себе сохранил), и несколько, сделанных во время интервью местным газетам. Его слова мало что говорят о нем самом — они явно уже заученные наизусть — но на большинстве снимков он в галстуке, а в сочетании с его волосами... Я готов начать делать папку с порно-коллекцией имени Себастьяна.

Он и вправду самый красивый парень из всех, кого я когда-либо видел лично.

В Фейсбуке ничего. У него закрытый аккаунт (ну еще бы), поэтому мне не видны ни его фото, ни статус отношений. Не так уж меня это и волнует — и не будет волновать, ведь времени прошло совсем немного. Он просто лакомый мормонский кусочек, и все. И это внезапное влечение не приведет ни к чему интересному. Я просто не допущу этого — мы с ним по разные стороны очень высокого забора.

Я закрываю все вкладки в телефоне, а то вот-вот начну превращаться в сетевого сталкера. Охотиться на него в Инстаграме или Снэпчате бесполезно. Даже сама возможность наткнуться на селфи сонного Себастьяна без футболки способна погубить всю мою нервную систему.

В торговом центре мы с Отем идем за мамой, петляющей мимо стоек с одеждой в магазине «Нордстром». Я как послушная глина в их руках. Мама тянет меня к столу с рубашками и прикладывает несколько к моей груди. Прищурившись, она интересуется мнением Отем, и после того как они безмолвно посоветовались, мама откладывает почти все рубашки в сторону. Я не отпускаю ни единого комментария, поскольку знаю, как надо себя вести.

Моя сестра где-то в одиночестве ищет себе одежду, дав нам приятную передышку от ее постоянной потребности препираться. Отем с мамой хорошо ладят, и, когда они вместе, на какое-то время мне не нужно фокусироваться на общем разговоре; они сами себя неплохо развлекают.

Мама прикладывает к моей груди отвратительную ковбойскую рубашку.

На это я не обращать внимания не могу.

— Нет.

Проигнорировав меня, она снова смотрит на Отем в ожидании вердикта. Но Одди всегда на моей стороне, поэтому неприязненно морщит нос.

Повесив рубашку обратно, мама спрашивает:

— Как твое расписание в этом семестре?

— Мне очень нравится, — Одди дает маме синюю рубашку с коротким рукавом RVCA. Я незаметно поднимаю два больших пальца. — Правда, придется поменять современную литературу на Шекспира, а матан, наверное, станет моей погибелью, но в остальном — хорошо.

— Уверена, Таннер будет рад тебе помочь с ним, — отвечает мама, и я чувствую, что Отем закатывает глаза. — А как у тебя, дорогой?

Я облокачиваюсь на стойку, скрестив поверх нее руки.

— После ланча добавил биологию, и теперь на последнем уроке мне хочется спать.

Мама собрала свои прямые светлые волосы в хвост и перед выходом переоделась из рабочей одежды в джинсы и свитер. Так она выглядит моложе, и если Хейли снимет свою жуть в стиле Уэнзди Аддамс, то они с мамой будут выглядеть как сестры.

Словно читая мои мысли, позади меня в ту же секунду материализуется Хейли и сгружает маме целый ворох черной одежды.

— Штаны мне ни одни не понравились, но эти футболки крутые, — говорит она. — Может, пойдём поедим? Я умираю с голоду.

Мама смотрит на кучу тряпок у себя в руках, и я вижу, как она мысленно считает до десяти. Сколько себя помню, родители всегда поощряли каждого из нас быть самим собой. И когда я начал задаваться вопросом относительно своей сексуальности, они сказали, что их любовь ко

мне не зависит от того, куда я суну свой член.

Ладно, они выразились несколько иначе; просто мне нравится так говорить.

В прошлом году, когда моя сестра решила выглядеть как труп, они прикусили язык и сказали, что она может самовыражаться, как ей того хочется.

Мои родители святые, когда речь заходит о терпении, но я понимаю, что оно у них уже на исходе.

— Три рубашки, — говорит мама и отдает кипу тряпок обратно Хейли. — Я сказала тебе выбрать три рубашки и две пары брюк. А черных футболок у тебя и так несколько десятков. Еще десять тебе не нужны.

Пресекая попытку Хейли поспорить, мама поворачивается ко мне.

— Значит, на биологии тебе хочется спать. Какие еще новости?

— Одди стоит оставить себе современную литературу. Это стопроцентная пятерка.

— О! Наш помощник учителя на Семинаре суперсекси! — говорит ей Отем.

Будто инстинктивно желая меня защитить, мама скользит взглядом в мою сторону, а уже потом смотрит на Одди.

— И кто он?

— Себастьян Бразер, — с придыханием отвечает Отем.

Стоя позади нас, Хейли издает стон, и мы оборачиваемся в предчувствии неизбежного.

— Его сестра Лиззи в моем классе. Она вечно такая *счастливая*.

Я усмехаюсь.

— Какая гадость, да?

— Таннер, — предупреждая говорит мама.

А моя сестра толкает меня в плечо.

— Заткнись, Таннер.

— *Хейли!*

Отем решает сменить направление нашего внимания.

— Себастьян учился на Семинаре в прошлом году. Видимо, его книга на самом деле была хороша.

Мама протягивает мне футболку с узором пейсли, которая настолько ужасна, что я даже не готов это вслух произнести. Она прикладывает ее к моей груди и строго на меня смотрит.

— О, значит, он ее продал, да? — спрашивает она у Отем.

Та кивает.

— Надеюсь, по ней снимут фильм, причем с ним в одной из ролей. У него такие мягкие волосы и такая улыбка... *Господи*.

— Он часто краснеет пятнами, — не думая, добавляю я.

Мама застывает, но Отем, кажется, в моих словах не замечает ничего странного.

— Точно.

Мама вешает рубашку и сдержанно смеется.

— Кажется, нас ждут проблемы.

При этих словах она смотрит на Отем, но я не сомневаюсь, что имеет в виду меня.

Мой интерес к внешнему облику Себастьяна Бразера к пятничному занятию не уменьшился. Впервые с тех пор как переехал сюда, я стараюсь ничем себя не выдать. Если бы я увлекся помощником учителя женского пола, то не было бы ничего странного, если кто-нибудь поймал меня на взглядах в ее сторону. Но с ним мне попадаться никак нельзя. И, откровенно говоря, поддержание нейтрального выражения лица сильно утомляет. Фудзита с Себастьяном обходят

аудиторию, пока мы записываем идеи всеми возможными способами — план-конспект, отдельные фразы, тексты песен, рисунки, — я же на чистом листе бумаги рисую спирали, лишь бы не следить за его передвижениями. Сидящая рядом со мной Отем стучит по клавиатуре со скоростью тысяча слов в минуту, не поднимая головы для передышки. Это отвлекает и раздражает. Абсурд, конечно, но мне кажется, будто она каким-то образом высосала из меня всю творческую энергию. Но когда я встаю, чтобы уйти в другой конец аудитории и побыть одному, едва не сталкиваюсь с Себастьяном.

Грудь к груди, мы стоим и смотрим друг на друга, прежде чем отойти на шаг.

— Извини, — говорю я.

— Да нет, это ты меня извини, — его голос низкий и тихий, с каким-то гипнотизирующим ритмом. Интересно, когда он начнет давать проповеди, будет ли его голос звучать менее осуждающе, чем у других?

— Фудзита сказал, что я должен поработать с тобой более тесно, — говорит Себастьян, и я понимаю, что он шел поговорить со мной. Его щеки раскрашивает румянец. — Он сказал, что ты немного... м-м-м, отстаешь по части планирования идеи, и мне стоит обсудить это с тобой.

Внутри формируется готовность защищаться. Прошло всего три занятия, а я уже отстаю? Да и еще приходится выслушивать это от *него*: застегнутого на все пуговицы религиозного шарлатана, которого я не могу выкинуть из головы! Я смеюсь — чересчур громко.

— Да все нормально. Серьезно. К следующей неделе догоню. Я не хочу, чтобы ты тратил свое время...

— Я не против, Таннер, — он сглатывает, и впервые за все это время я замечаю, какая длинная у него шея и какая гладкая кожа.

Мое сердце колотится сильнее. Мне не нравится находиться под его воздействием.

— Мне нужно в уме разложить все по полочкам, — отвечаю я, а затем ухожу, сгорая от стыда.

Я ожидал, что Себастьян будет просто кратким увлечением, мимолетной фантазией на одну ночь. И все. Но я ошалело наблюдал всего лишь за его хождением по классу. А пока стоял рядом с ним, чуть в панике не разучился дышать. Он словно контролирует окружающее его пространство, но не потому что качок внушительных размеров или какой-нибудь агрессивный мачо. Складывается впечатление, что свет падает на черты его лица как-то иначе. Не так, как на остальных.

Несколько минут спустя подходит Отем и кладет руку мне на плечо.

— Ты в порядке?

Ни капли.

— Конечно.

— Не стоит волноваться, насколько далеко ушли остальные.

Нырнув из одного стресса в другой — написание книги, — я смеюсь.

— Вот спасибо тебе, Одди, за лишнее напоминание.

Она издает стон и, положив голову мне на плечо, смеется.

— Я не это хотела сказать.

Глянув в сторону, замечаю, что на нас смотрит Себастьян, после чего тут же отворачивается. Привстав на цыпочки, Отем целует меня в щеку.

— Вечеринка в честь дня рождения Мэнни по-прежнему в силе?

Лазертаг на восемнадцатилетие? Эксклюзивно, только в Юте.

— Не знаю.

Мне нравится Мэнни, но, если честно, я человек простой. И вряд ли смогу выдержать длинный вечер с лазертагом.

— Да ладно, Танн. Там будет Эрик. Мне нужен кто-то для поддержки, чтобы не только выглядеть по-идиотски в присутствии Эрика, но и заняться чем-то еще.

Школа — это такая кровосмесительная тусовка. Отем увлечена Эриком, который сохнет по Рейчел — сестре девчонки, которую я поцеловал на Хоумкаминг в прошлом году и с которой сейчас встречается брат лучшей подруги Хейли. Ткни пальцем практически в любого — каждый находится друг от друга на расстоянии шести поцелуев.

Но тут ничем более интересным и не заняться.

Сквозь двойные стеклянные двери боулинг-клуба Fat Cats просачиваются звуки электронной музыки. Парковка забита до отказа. В любом другом городе я бы этому удивился, но это же Прово, а сейчас вечер пятницы, поэтому мини-гольф, лазертаг, космический боулинг заняты по-максимуму.

Подсветка телефона Отем освещает ее профиль, пока она умудряется что-то быстро печатать и идти рядом со мной по обледеневшему тротуару.

Взяв под руку, я веду ее мимо группки ребят помладше, глаза которых тоже прикованы к телефонам, и завожу внутрь.

Спустя год после приезда мы все вместе отправились на папином Приусе в Вегас на свадьбу моей тети Эмили с ее девушкой Шивани. У нас с Хейли были вытаращены глаза на протяжении всех выходных: цифровые билборды, стрип-клубы, выпивка и полуголые тела... От подобного зрелища отвести взгляд было нереально.

Вот и здесь, несмотря на очевидные различия вроде размера заведения или отсутствия не совсем одетых официанток, в воздухе витает примерно такое же безумие. Fat Cats — это Вегас для детей и трезвенников. Будто загипнотизированные, посетители кидают жетон за жетоном в мигающие лампочками автоматы в надежде выиграть *хоть что-нибудь*.

Я замечаю группу людей, которых знаю по школе. Джек Торн рубится в какую-то зажигательную, как я понимаю, игру, похожую на скибол, и у его ног уже свисает лента билетов. Футболист-Дэйв играет в пинбол с Клайвом, зажав свой неизменный футбольный мяч между стоп. Сам именинник, наш друг Мэнни Лавеа, отлынивает от веселья, стоя вместе со своими братьями у дальних столиков. К огорчению Отем, Эрика нигде не видно.

Я оглядываю силуэты на фоне гигантского экрана, висящего над дорожками — прости, Thunder Alley, — но быстро сдаюсь.

— Ему пицешь? — спрашиваю я у Отем, заметив, что она пристально смотрит на экран своего телефона.

— Нет.

— Тогда почему пропала в телефоне? Ты едва поднимаешь голову, чтобы глотнуть воздуха.

— Просто делаю заметки, — говорит она, потом берет меня за руку и ведет мимо кассы, где обналичивают билеты, к столикам. — Для книги. Ну, знаешь, всякие мысли, появляющиеся в голове, обрывки диалогов. Это лучший способ сделать намеченное. В понедельник Фудзита будет ждать подвижек в работе.

От напряжения все внутренности сжимаются, и я меняю тему.

— Пойдем, Одди. Выиграю тебе что-нибудь.

Я выигрываю огромного тигра, который — признаю это не без чувства вины — в скором времени отправится на свалку, после чего мы с Отем возвращаемся к столикам, как раз когда приносят еду. Уставшая на вид женщина по имени Лиз пытается навести хотя бы подобие порядка на этой вечеринке, но в итоге сдается и ставит в центр стола поднос с овощами и дип-соусом. Честно говоря, мы бываем тут так часто, что она прекрасно понимает: можно смело

уйти и выкурить пачку сигарет, пока идет веселье.

К нам присоединяется Эрик, когда мама Мэнни раздает бумажные тарелки и вся группа — порядка двадцати человек — выстраивается в очередь у другой стороны столов. Тут стандартный набор в виде плохой пиццы и Спрайта, но я еще кладу себе немного из блюд, которые приготовила мама Мэнни. Его семья родом с Тонга, и когда я в десятом классе переехал сюда из многообразия Саут-Бей, был несказанно рад увидеть в море улыбчивых белых лиц хотя бы одно смуглое. Из-за миссионерской работы на Гавайях и других островах Тихого океана здесь, в Юте, удивительно много полинезийцев. Мэнни и его родные не исключение, но они из тех СПД-семей, которые открыты к общению. Мэнни большой и веселый; парень, который почти всегда улыбается. Наверное, я мог бы им даже увлечься, не будь это такой очевидной потерей времени: он на миллион процентов гетеро. И я готов поставить все свои деньги вплоть до последнего пенни, что в день свадьбы Мэнни будет девственником.

Встав рядом с Отем, я уже открыл было рот, чтобы подколоть насчет всего одной хлебной палочки у нее на тарелке, но слова исчезли, так и не появившись. В другом конце зала стоит Себастьян Бразер и разговаривает с двумя братьями Мэнни. Мой пульс срывается на бешеный галоп.

Я и не знал, что он сюда придет.

Одди тянет нас сесть на скамейку и, погруженная в свои мысли, делает глоток воды. Посмотрев на нее повнимательней, я замечаю, что, готовясь к сегодняшнему вечеру, она приложила дополнительные усилия: выпрямила волосы, нанесла этот липкий блеск для губ. Уверен, даже блузка на ней новая.

— Ты почему не ешь? — достав салфетку из упаковки, спрашиваю ее я.

Чтобы доказать, что она не смотрит на Эрика, Одди делает фото своей еды на тарелке, внимательно рассматривает получившийся снимок, потом что-то пишет и поворачивает телефон ко мне экраном. На белой бумажной тарелке лежит одна хлебная палочка, а под ней красуется подпись «Ужин».

Она серьезно?

— Пицца выглядела бы слишком жирной, а все остальное слишком странное, — показывая на мою тарелку, говорит Отем. — Вот в этом подобии салата, например, сырая рыба.

Снова подняв голову, я незаметно смотрю ей за спину и вижу, что Себастьян подошел к столику недалеко от нашего. Рядом с ним на скамье лежит его рюкзак, и мне мгновенно становится интересно, где Себастьян побывал до этого. На занятиях? В библиотеке? Он живет в кампусе университета? Или дома с родителями?

Я возвращаюсь к своей еде.

— Это севиче. Помнишь, ты пробовала его в Парк-Сити? Тебе понравилось.

— Не припомню, чтобы это мне могло понравиться, — но Отем все равно берет вилку, чтобы утащить кусочек. — Кстати, ты видел, кто здесь?

Можно подумать, я бы пропустил его появление.

Эрик с Отем какое-то время болтают, и хотя я не особенно обращаю на них внимания, все равно чувствую время от времени появляющуюся неловкость. Да и кто бы ее не заметил? Отем смеется чересчур громко. А после затянувшегося молчания они то и дело начинают говорить одновременно. Может, Эрику она тоже нравится? Тогда это объясняло бы, почему они оба ведут себя словно парочка семиклассников. Наверное, плохо, да, что я испытываю по этому поводу облегчение, хоть эти отношения и могут повлиять на всех нас? Моя дружба с Одди значит для меня очень и очень много, поэтому я не хочу, чтобы между нами оставались даже самые малозаметные намеки на предполагаемый роман. Если ситуация вырвет в сторону нормальной, возможно, я смог бы ей все рассказать о себе.

Может, мне нужно обсудить с кем-нибудь дилемму насчет Себастьяна?

И при этой мысли мои воображаемые кошачьи уши поворачиваются назад, в его сторону. Как будто само присутствие Себастьяна распространяет вокруг звуковые волны. И я хочу каждую секунду знать, где он. Хочу, чтобы он меня заметил.

Но план срывается, когда Мэнни тащит всех нас играть в лазертаг. Я неохотно иду вслед за ними в отдельную комнату для получения инструкций.

Отем решила просто понаблюдать из специального соседнего помещения, а я стою рядом с Эриком и гадаю, смогу ли улизнуть незамеченным, прежде чем начнется игра. Но как только делаю шаг в сторону выхода, на арене появляются Себастьян с Коулом, братом Мэнни. Я чуть жвачкой не подавился.

Мне даже не удалось притвориться, будто я слушаю инструктаж. Не в состоянии оторвать взгляд от Себастьяна, рассматриваю его лицо, челюсть и волосы в этом необычном освещении. Судя по всему, он тоже не особенно внимательно слушает, потому что оглядывает помещение и замечает меня.

В течение одной,
двух,
трех,
четырех секунд
он не отводит взгляд.

Узнав меня, Себастьян улыбается, а у меня появляется ощущение, будто пол резко уходит из-под ног.

Помогите...

Я неуверенно и ошалело улыбаюсь ему в ответ.

— Меня зовут Тони, и я буду вести вашу игру, — представляется инструктор. Я отвожу взгляд от Себастьяна и смотрю прямо перед собой. — У вас уже есть капитаны? — когда никто не вызывается добровольцем, он показывает на Себастьяна и Коула, стоящих поодаль, после чего жестом говорит нам идти вслед за ним взять жилеты.

Каким-то образом в этой толпе Эрик оказывается в самом конце, а я прямо рядом с Себастьяном. Да благословит Господь Эрика. В комнате с двух сторон висят оборудованные блоками питания жилеты. Словно бортпроводник перед взлетом, Тони показывает, как надеть жилет и как застегнуть его спереди.

— Отключите бластер от зарядного устройства и нажмите на спусковой крючок, — говорит он. — На экране появится кодовое имя. Все увидели свои имена?

Делаю, как он говорит, и на экране появляется имя «Патриот». Украдкой глянув в сторону Себастьяна, я вижу, что у него на экране написано «Сержант Синий».

— Запомните это имя. После игры на табло у каждого имени будет стоять счет. Чтобы набрать очки и выиграть, вам нужно уничтожить противников из другой команды. Попасть вы сможете в одно из шести мест, — Тони тянет к себе за рукав Мэнни. — Вот куда нужно целиться, — говорит он и пальцем показывает на каждую подсвеченную область на жилете.

— Если вам попадут в плечо или в спину, вспыхнет световой сигнал на жилете, и противнику будет засчитано очко. Если же попадут в грудь, то помимо прочего у вас будет еще временно заблокирован бластер. И стрелять вы не сможете. Тогда вы пригнетесь и будете прятаться, до тех пор пока бластер не разблокируется.

Отпустив Мэни, он оглядывает арену.

— На арене будет две команды, и жилеты каждой будут подсвечены определенным цветом, — показав на Коула, он говорит: — Команда красных, — а потом показывает на Себастьяна. — Команда синих. Главное, стреляйте не в свой цвет. База каждой команды соответствует ее цвету.

За уничтожение базы противника вы получите тройные очки.

Стоящий рядом со мной Себастьян переминается с ноги на ногу, и я вижу, как мельком он смотрит на меня, опускает взгляд мне на ноги, а потом отводит его. По моей коже бегут мурашки.

— И прежде чем мы приступим, — добавляет Тони, — несколько правил. Быстро не бегать: вы можете натолкнуться на что-нибудь или на кого-нибудь. Не ложиться на пол, иначе на вас кто-нибудь наступит. Запрещен любой физический контакт, включая парное уединение в темноте. Мы вас увидим.

Я кашляю, и Себастьян снова переминается с ноги на ногу.

Заканчивает Тони предупреждением о том, что нельзя бить друг друга оружием и — не дай бог — использовать ненормативную лексику, после чего мы начинаем.

В комнате с жилетами было довольно тускло, но к полутьме арены моим глазам все равно приходится привыкнуть. Команды рассредоточились вдоль стен, которые выглядят сделанными из неоновых кирпичей, и в центре арены я вижу нашу базу. Темные лампы обрамляют светящиеся декорации, но в целом мало что можно разобрать. Раздается звук включаемых один за другим лазеров, и начинается обратный отсчет.

Пять...

Четыре...

Три...

Два...

Один...

Воздух разрезает звук сирены. Я бегу сначала вдоль одной стены, а потом вдоль другой. Тут так темно, что едва можно что-нибудь различить, но по периметру арены нарисованы неоновой краской полосы и проложены цветные лампы. На фоне зеленой бочки в углу мелькает подсветка чьего-то жилета.

Я стреляю, и жилет вспыхивает красным, зарегистрировав попадание. Мой собственный жилет так же загорается лампочками, когда я заворачиваю за угол. «Цель поражена», — написано на моем бластере, но, видимо, я попал в плечо, потому что как только кто-то пытается увернуться, я еще могу стрелять, поразив его в датчик на груди и вырубив тем самым его оружие.

С другой стороны появляются два других игрока, и, развернувшись, я бегу к базе. На арене жарко и душно. По шее течет струйка пота, а пульс зашкаливает. Грохочет музыка и звуковые эффекты, и если закрыть глаза, не трудно представить, что все мы коллективно бредим, а не носимся в темноте с пластмассовыми бластерами и палим друг в друга. Попад еще в двоих игроков, я выдаю серию выстрелов по базе красных и получаю один в спину.

Вернувшись тем же путем, каким пришел сюда, я натыкаюсь на Эрика.

— Рядом с бочкой сидят в засаде, — говорит он. — Ждут, когда кто-нибудь пробежит мимо.

Я киваю, в состоянии узнать его в этой темноте лишь по белой футболке и датчикам на жилете.

— Обойду кругом! — ору я, пытаюсь перекрычать музыку. — Попробую напасть на них сзади.

Эрик хлопает меня по плечу, и я несусь вокруг перегородки.

Арена представляет собой двухуровневый лабиринт с пандусами, на которые можно запрыгнуть, спасаясь от стрельбы, или же чтобы лучше прицелиться.

«Цель поражена», «Цель поражена», «Цель поражена», — высвечивается на экране моего бластера, а на моем жилете загораются лампочки. Позади раздаются звуки шагов. Но когда я поднимаю бластер, чтобы выстрелить, он не срабатывает. Значит, попали мне в грудь. Я оглядываюсь по сторонам, чтобы найти свою базу или место, где спрятаться, как вдруг в меня

кто-то врезается всем телом и оттаскивает за угол, как раз когда мимо пробегают Коул и кто-то из его команды.

— Мать твою... спасибо, — вытерев вспотевший лоб, говорю я.

— Не за что.

Пuls сбивается с ритма. Я чуть не забыл, что здесь Себастьян. Он глубоко вздыхает, и у меня по позвоночнику пробегают дрожь.

Здесь слишком громко для разговоров, а он стоит слишком близко, чтобы я мог повернуться и посмотреть на него, и это не выглядело бы странно и интимно. Поэтому я просто продолжаю стоять, пока плавится мой мозг.

Себастьян не убрал руки с моего жилета, и я спиной прижат к его груди. Все это длится секунд десять — ровно столько нужно, чтобы снова включился мой бластер — но клянусь, я кожей ощущаю каждый миг. Даже среди всего этого шума могу расслышать биение своего сердца. Пальцы покалывает от желания протянуть руку назад и прикоснуться к его лицу — почувствовать, как он покраснеет.

Я хочу остаться в этой темноте навечно, но чувствую, как в руке возвращается к жизни бластер. Больше не выжидая ни секунды, Себастьян отталкивает меня и кричит следовать за ним к базе красных. Из-за угла появляется Эрик, и все мы бежим вдоль перегородки.

— Давай! Давай! — кричит Себастьян, и мы одновременно стреляем. Несколько выстрелов — и база вспыхивает красным, после чего откуда-то сверху раздается голос:

— База красных уничтожена. Игра окончена.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Впервые за все время учебы в школе мне не нужно приклеивать расписание к дверце шкафчика, чтобы не перепутать четные и нечетные недели. В первую учебную неделю Семинар Фудзиты был в понедельник, среду и пятницу. На этой — во вторник и четверг. И до конца года недели так и будут чередоваться.

Я вижу три возможных варианта развития событий.

При первом я полюблю недели с понедельником, средой и пятницей, потому что у меня есть возможность три раза увидеть Себастьяна.

При втором я возненавижу эти же недели, поскольку несмотря на три возможности его увидеть, он присутствует только на одном занятии.

А при третьем я возненавижу их, потому что даже если Себастьян будет присутствовать на всех трех занятиях, внимания мне все равно не уделит.

В случае реализации последнего сценария я буду чувствовать досаду, что запал на твердолобого последователя Церкви СПД, утоплю свою печаль в сырном соусе к картошке-фри, отращу себе пузо и, провалившись на Семинаре, потеряю шанс поступить в колледж в другом штате.

— О чем задумался? — спрашивает Отем, подойдя сзади и положив подбородок мне на плечо.

— Ни о чем, — я захлопываю шкафчик и застегиваю рюкзак. На самом же деле я думаю, что считать Себастьяна твердолобым было бы несправедливо. Не знаю, как это объяснить, но его вера кажется более глубокой.

Отем раздраженно фыркает и идет по коридору на Семинар.

Я догоняю ее, лавируя в толпе бегущих и тащащих друг друга на спине одиннадцатиклассников. И тут же задаю свой вопрос, чему научился у нее же.

— А о чем задумалась *ты*? — по крайней мере, ее подробный ответ отвлечет меня от погружения в безумие.

Отем берет меня под руку.

— Мне интересно, что у тебя с планом книги.

Ах, да. План. Пустынный документ, по которому гуляет ветер и катится перекасти-поле.

— Нормально.

Раз... два... три...

— Хочешь, я посмотрю, прежде чем мы войдем в класс?

Я расплываюсь в улыбке.

— Нет, Одди, там все в порядке.

Она останавливается прямо у входа в класс.

— Так ты закончил?

— Что закончил?

По ее раздувшимся ноздрям я понимаю, что моя подруга представляет меня валяющимся на полу в луже собственной крови.

— Составлять план.

В голове всплывает образ вордовского документа с двумя написанными предложениями: *«Наполовину еврей, наполовину непонятно кто, этот парень-квир живет в наводненном мормонами городе. И он ждет не дождется возможности уехать»*.

— Нет.

— Как считаешь, может, *стоит*?

В ответ я лишь вскидываю бровь.

Сегодня всего лишь четвертое занятие, и, несмотря на благопристойную атмосферу, царящую в этой аудитории, мы уже сделали традицией вести себя по-хулигански, пока не приходит Фудзита. Футболист-Дэйв с неизменным мячом начинает чеканить им попеременно то одной, то другой ногой, в то время как Буррито-Дэйв считает, сколько раз подряд мяч не коснется пола. Джули и Маккенна громко обсуждают грядущий выпускной, а Эшер делает вид, будто их не слышит (Макэшеры — их общее прозвище — это бывшая парочка, и с тех пор как он просто взял и бросил ее, перед нами время от времени разыгрываются увлекательные сцены). Отем идет за мной по пятам, чтобы я показал ей свои наброски — помните, да, что я говорил про неугомонную ищейку? — и я решаю отвлечь ее игрой в камень, ножницы бумагу, потому что подсознательно нам с ней по-прежнему лет по десять.

По аудитории проносится шепоток, и я поднимаю голову, ожидая увидеть Фудзиту, но с папкой в руке входит Себастьян. Эффект от его присутствия сродни звуку, который издает игла, царапая старые папины пластинки, — только в моем случае прямо по мозгу. Я показываю Отем какую-то несуществующую фигуру, отдаленно похожую на когти птицы.

Она шлепает меня по руке.

— Мой камень бьет даже вот это.

— В чем дело, народ? — со смехом говорит Себастьян и кладет папку на стол.

Единственная, кто не обращает на него внимания, — это Отем, намеревающаяся продолжать играть. А мне тут же вспоминается арена лазертага и как он ко мне прижался. Себастьян окидывает аудиторию спокойным и немного отстраненным взглядом.

— Вам не обязательно переставать разговаривать, когда я вхожу.

Маккенна с Джули предпринимают вялые попытки возобновить разговор, но в наступившей тишине, а также в присутствии Себастьяна, уже трудно сохранять скандальный оттенок беседы. А он своим присутствием заполняет все вокруг. Себастьян красивый — конечно же — но еще его окружает аура доброты, как и у любого другого действительно хорошего человека. Это заметно

даже на расстоянии. Он всем улыбается, и, я уверен, моя мама назвала бы его осанку идеальной. А еще я готов поставить все деньги со своего накопительного счета, что он никогда не произносит — даже мысленно — ни одно из моих любимых нецензурных слов.

Тут мне в голову приходит ужасающая мысль, и я поворачиваюсь к Отем.

— Как думаешь, на нем храмовое белье?

Если она и думает, что странно спрашивать, носит ли Себастьян то самое скромное нижнее белье, которое принято надевать среди большинства верующих взрослых мормонов, то виду не подает.

— Мормоны не могут носить храмовое белье, пока не получают облечение [в других источниках эндаумент — прим. перев.].

— *Что-что* получают? — видимо, моей маме нужно было уделять большее внимание образованию ее детей.

Отем вздыхает.

— Пока не пройдут обряд в Храме.

Я пытаюсь говорить как ни в чем не бывало, будто просто болтаю от скуки.

— То есть обряд он еще не прошел?

— Сомневаюсь, конечно, но откуда мне знать? — наклонившись, она достает содержимое своего рюкзака.

Я киваю, хотя ее ответ мне мало помогает. У мамы я поинтересоваться тоже не могу, потому что она обязательно спросит, зачем мне это.

Одди садится и берет остро заточенный карандаш.

— Он пройдет обряд, когда будет готов жениться или перед миссией.

Похлопывая кончиком ручки по губе, я смотрю по сторонам, делая вид, будто слушаю ее вполуха.

— А-а.

— Сомневаюсь, что он женат, — уже с большим любопытством замечает она, кивком показывая на Себастьяна.

Он стоит недалеко от входа и что-то читает, и при мысли, что он *может* быть женат, я на мгновение теряю дар речи. Думаю, ему лет девятнадцать.

— У него на руке нет кольца, — продолжает Отем. — И разве он не отложил свою миссию на время выхода книги?

— А что, отложил?

Она смотрит сначала на него, потом на меня. Еще раз на него и снова на меня.

— Не совсем понимаю, что ты мне пытаешься сказать, Одди.

— Что он *здесь*, — отвечает Отем. — И что обычно они уезжают служить на миссию — на два года — почти сразу после окончания школы.

— То есть он все-таки не носит то бельишко?

— Господи, Таннер! Тебя действительно волнует, какое у него нижнее белье? Давай лучше поговорим о твоём чертовом плане!

Знаете, да, такие моменты? Когда в столовой девушка громко говорит: «У меня начались месячные!» Или парень: «Я хотел пернуть, но случайно наложил в штаны!» И наступает тишина. Именно это и происходит. Прямо сейчас. Где-то между «То есть он все-таки не носит то бельишко» и «Господи, Таннер» появляется Фудзита, и все, кроме нас с Отем, замолкают.

Фудзита усмехается и, глядя на нас, качает головой.

— Отем, — добродушно говорит он, — уверяю тебя, нижнее белье мужчины не настолько интересно, как ты на то надеешься.

Все смеются, в восторге от этого детсадовского происшествия. Отем открывает рот, чтобы

возразить и объяснить, что это я интересовался нижнем бельем, но как только Фудзита заводит разговор про наши планы к книгам, возможность упущена.

Качнувшись влево, когда Отем отталкивает мою правую руку, я рассеянно размышляю, что об этом диалоге думает Себастьян. Поднимаю на него взгляд, как раз когда он резко отворачивается куда-то в сторону.

Его щеки покрываются пятнами румянца.

Фудзита просит нас достать свои наброски, и у меня возникает ощущение, будто все разворачивают длинные рукописи с подробнейшим описанием.

С глухим шлепком Отем кладет на стол стопку бумаги. А я даже не открываю ноутбук с хранящимися там двумя предложениями, которые и составляют весь мой план. Вместо этого достаю файл с пустыми листами бумаги из блочной тетради и, постучав им по столу, изо всех сил притворяюсь сосредоточенным.

— Таннер, может, хочешь начать? — предлагает Фудзита; видимо, его внимание привлек мой шум.

— М-м-м, — я смотрю вниз. Только сидящей рядом со мной Отем видно, что на листе, с которого я якобы читаю, ничего нет. — Я все еще работаю над общей идеей...

— Это нормально! — кивая и поддерживая, восклицает Фудзита.

— ...но думаю, это будет... подростковый роман про парня... — я не произношу вслух слово «квир», — который переехал в один довольно религиозный городок из большого города, и...

— Замечательно! Отлично! Еще в процессе формулировки, я понял. Тебе нужно сесть с Себастьяном и обсудить это, да? — Фудзита кивает уже на середине фразы, как будто это была моя идея. Не могу понять, помогает он мне или наказывает. Фудзита отворачивается и оглядывает аудиторию. — Кто хочет поведать нам о своем плане?

Все, кроме Отем, поднимают руки. Что любопытно, ведь идея ее книги расписана, наверное, подробнее, чем у всех. Она работала над ней почти год. Но еще она моя лучшая подруга, поэтому я не сомневаюсь, что тем самым Отем мне помогает. На ее фоне моя бессвязная болтовня будет выглядеть еще хуже.

Класс разбивается на небольшие группки, и мы набрасываем идеи, помогая друг другу с сюжетом. Я попал к Джули и Маккенне, но поскольку книга Маккенны о девушке, которую бросили, после чего она превратилась в ведьму и начала мстить своему бывшему, мы всего минут десять обсуждаем саму книгу, после чего беседа переключается на будущий выпускной и детали ругани Макэшеров.

Мне так скучно, что я отодвигаюсь вместе со стулом и рисую на бумаге буквы и закорючки, надеясь, что меня посетит вдохновение.

Снова и снова я пишу одно и то же слово.

ПРОВО.

ПРОВО.

ПРОВО.

Это место одновременно и странное, и такое же, как любое другое. Хотя в моих венах течет смесь венгерской и шведской крови, у меня нет соответствующих черт лица, которые в любой другой части страны сильно выделялись бы — но в Прово наличия темных волос и темно-карих глаз достаточно, чтобы я привлекал внимание. В Саут-Бей большинство жителей уже давно не среднестатистические консервативные белые американцы, и уж тем более не последователи Церкви СПД. И при этом никто дома не объяснил мне, что значит быть бисексуальным. Лет в

тринадцать я понял, что мне нравятся парни. А до этого — что и девочки.

Внезапно мои слова постепенно трансформируются во что-то иное. В лицо. В мысль.

Я ТЕБЯ ДАЖЕ НЕ ЗНАЮ.

ТОГДА ПОЧЕМУ У МЕНЯ ТАКОЕ ЧУВСТВО,

БУДТО Я МОГУ ТЕБЯ ПОЛЮБИТЬ?

(НО ТОЛЬКО САМУЮ МАЛОСТЬ).

Я оглядываюсь назад, забеспокоившись, что Отем может увидеть, как я использую нашу с ней фразу, в то время как думаю о чем-то — о *ком-то* — еще, но резко перестаю дышать, потому что он стоит прямо за мной и читает через мое плечо.

С розовыми щеками и неуверенной улыбкой.

— Как твои наброски?

Пожав плечами, я провожу рукой по четырем только что написанным безумным фразам.

— Кажется, я сильно отстал, — мой голос дрожит. — Не ожидал, что прежде чем начать писать, мне понадобится план. И предполагал, что мы будем заниматься этим как раз здесь.

Себастьян кивает. Потом наклоняется ко мне и тихо говорит:

— У меня несколько недель не было плана книги.

По рукам бегут мурашки. От него так интенсивно пахнет *парнем* — смесью аромата дезодоранта и чего-то необъяснимо мужского.

— Правда? — переспрашиваю я.

Он выпрямляется и качает головой.

— Ага. Я пришел на Семинар совсем без идей, о чем писать.

— Но в итоге ты написал нечто, судя по всему, гениальное, — говорю я, а потом показываю на свой почти пустой лист бумаги. — Вряд ли за два года в этот класс молния успеха попадет еще раз.

— Как знать, — отвечает он, а потом улыбается. — Когда я писал, то чувствовал присутствие Духа. Я ощущал себя вдохновленным. Заранее не предугадаешь, что вдохновит именно тебя. Просто оставайся открытым, и оно придет.

Он поворачивается и направляется к следующей группе, а я совершенно растерян.

Себастьян знает — *не может не знать*, — что меня к нему влечет. Мой лишенный воли взгляд постоянно скользит по его лицу, шее и груди всякий раз, когда он в классе. Интересно, Себастьян прочитал, что я написал? Он понимает, что сам меня и вдохновил? И если да, то зачем упоминать про Дух?

Со мной играют?

Поймав мой взгляд с другого конца класса, Отем беззвучно спрашивает меня: «В чем дело?» Наверное, потому, что я выгляжу так, будто пытаюсь решить в уме какую-то сложную математическую задачу. Помотав головой, я убираю руку от страницы, и передо мной снова открываются написанные слова.

Внезапно меня осеняет, и в голове возникает слабое подобие идеи, нить, что ведет от того вечера в комнате Отем прямо сюда.

Квир. И мормон.

— Себастьян! — зову я его.

Когда он оглядывается через плечо, у меня возникает ощущение, что наши взгляды связаны воедино чем-то невидимым. Через пару секунд Себастьян разворачивается и идет ко мне.

Я демонстрирую ему лучшую из своих улыбок.

— Фудзита считает, что мне необходима твоя помощь.

Его взгляд дразнит.

— А *ты* считаешь, что тебе необходима моя помощь?

— Я написал всего два предложения.

Он смеется.

— Значит, да.

— Да.

Я ожидал, что он предложит сесть за дальний стол у окна или встретиться в библиотеке на перемене. Но никак не этого:

— В эти выходные я свободен. Могу помочь.

После его слов аудитория с учениками словно куда-то исчезает, а мое сердцебиение становится просто бешеным.

Думаю, это все-таки ужасная идея. Да, я им увлечен, но беспокоюсь, что если копну поглубже, он мне *разонравится*.

Но это как раз и к лучшему, верно ведь? Мне не повредит выйти за пределы этого класса, чтобы получить ответ на вопрос: можем ли мы хотя бы дружить, не говоря уже о большем?

Боже, мне стоит действовать осторожнее.

Себастьян сглатывает, и я наблюдаю за его шеей.

— Подойдет? — спрашивает он, и мой взгляд возвращается к его глазам.

— Да, — отвечаю я и тоже тяжело сглатываю. На этот раз наблюдает *он*. — Во сколько?

ГЛАВА ПЯТАЯ

Когда в субботу утром прихожу на кухню, за столом вижу отца в обычной своей зеленой хирургической форме, склонившегося над тарелкой овсяных хлопьев, будто те хранят все секреты мира. Подойдя ближе, я понимаю, что он спит.

— Пап.

Он вздрагивает, отпихнув тарелку в сторону, и дрожащей рукой тянет ее назад. Потом наклоняется и хватается за грудь.

— Ты меня напугал.

Обняв папу за плечи, я сдерживаю смех. Он выглядит таким потрепанным.

— Извини.

Положив руку поверх моей, он ее сжимает. Рядом с сидящим отцом я чувствую себя огромным. Так странно, что я сейчас уже такой же высокий, как и он. От маминой внешности я почему-то ничего не унаследовал. Темные волосы, высокий рост и даже ресницы — это все от папы. А вот Хейли вся в маму: рост, цвет волос и глаз, и в особенности дерзкий характер.

— Ты только что пришел домой?

Отец кивает и погружает ложку в хлопья.

— Около полуночи поступил пациент с пробитой сонной артерией. Поэтому меня вызвали на операцию.

— Пробитая *сонная артерия*? Это он сам себе так?

Папа отвечает едва заметным покачиванием головой.

Ой. Тогда его изможденная поза понятна.

— Паршиво.

— У него осталось двое детей. И ему было всего тридцать девять.

Наклонившись над столом, я ем хлопья прямо из коробки. Папа делает вид, будто ему все равно.

— А как он...

— Попал в аварию.

В животе становится неприятно. Всего год назад папа рассказал нам с Хейли, как три его лучших друга погибли в автокатастрофе почти сразу же после окончания школы. Он тоже был с ними в машине, но выжил. После чего уехал из Нью-Йорка учиться в UCLA, а потом ради медицинской школы переехал в Стэнфорд, где познакомился с мамой, бывшей последовательницей Церкви СПД, и женился на ней — к большому огорчению своей матери и живущих в Венгрии родственников. И даже после стольких лет, проведенных вдали от дома, каждый раз, когда он приезжает в Нью-Йорк, потеря друзей по-прежнему отзывается болью.

Когда мама настояла, чтобы у меня была своя машина, это был один из тех несчастных моментов, когда родители спорили в нашем присутствии. Папа считал, я могу обойтись и без нее. Но выиграла мама. Проблема Прово в том, что тут совершенно нечем заняться и негде ходить пешком. Но большой плюс этого города в его безопасности — тут никто не пьет, а ездят все, как восьмидесятилетние старики.

Кажется, папа только сейчас заметил, что я одет и готов уходить.

— Ты куда так рано собрался?

— Дружеская встреча. Надо поработать над проектом.

— С Отем?

Блин. Зачем я упомянул дружбу?

Надо было сказать, что с одноклассником.

— С Себастьяном, — в ответ на неуверенное выражение его лица я добавляю: — Он помощник учителя на Семинаре.

— Парень, который продал книгу?

Я смеюсь.

— Ага, парень, который продал книгу.

— Он мормон, да?

Я оглядываю нашу кухню, будто тут полным-полно мормонов, которые правда при этом не пьют наш кофе.

— Как и все вокруг, разве нет?

Отец пожимает плечами и возвращается к своим хлопьям.

— Кроме нас.

— А кто мы?

— Либеральные евреи, — отвечает мама, входя на кухню в одежде для йоги и с пучком на макушке. Она подходит к папе, отвратительно долго его целует, от чего я засовываю всю голову в коробку с хлопьями, а потом направляется напрямик к кофеварке.

Наливает себе кофе и спрашивает папу, обернувшись через плечо.

— Поли, ты во сколько пришел домой?

Поморгав, он смотрит на свои часы и прищуривается.

— Где-то полчаса назад.

— Пробитая сонная артерия, — в двух словах рассказываю я ей. — И все безуспешно.

Папа неодобрительно хмурится.

— Таннер, — низким голосом говорит он.

— А что? Я просто избавляю тебя от необходимости проходить через это снова.

Мама тихо подходит к нему и обхватывает его лицо ладонями. Мне не слышно, что она говорит, но тихий звук ее голоса заставляет и меня чувствовать себя лучше.

В черной пижаме и с птичьим гнездом на голове, шаркая ногами, заявляется хмурая Хейли.

— Почему вы так орете?

Забавно, что она выбрала момент, когда все молчат.

— Это просто высокофункциональные люди, — отвечаю я. Она шлепает меня по груди и

пытается уговорить маму позволить ей кофе. Как и ожидалось, мама отказывает и предлагает ей апельсиновый сок.

— Кофе затормозит твой рост, — говорю я Хейли.

— Вот, значит, почему твой пенис такой...

— Таннер собрался идти работать над своим заданием, — с нажимом в голосе перебивает ее папа. — Кое с кем по имени Себастьян.

— Ага, с парнем, который ему нравится, — говорит Хейли. Мама резко поднимает голову и смотрит на меня.

Все внутри превращается в сгусток чистейшей паники.

— Ничего подобного.

Она скептически смотрит на меня.

— Ну ладно.

Папа подается вперед, выглядя уже более проснувшимся.

— Нравится в смысле *нравится*?

— Нет, — я мотаю головой. — В смысле, что он хороший человек и может помочь мне получить пятерку. Он всего лишь наш помощник учителя.

Папа широко улыбается, словно дает понять, что даже если мне и не нравится парень, которого мы сейчас обсуждаем, он нормально воспринимает мою сексуальную ориентацию. Этому моменту не хватает разве что мотивационного стикера.

С тяжелым стуком Хейли ставит стакан апельсинового сока на стол.

— Ага, всего лишь ваш помощник учителя, которого Отем описала как суперсекси, а ты сказал, что он краснеет пятнами.

— Но он просто помогает тебе с книгой, да? — вмешивается мама.

Я киваю.

— Ага.

Сторонний наблюдатель приписал бы мамину нервозность тому, что речь идет о парне. Но нет — она дергается из-за того, что Себастьян мормон.

— Ладно, — мама говорит это так, будто мы только что заключили с ней сделку. — Хорошо.

От беспокойства в ее голосе внутри у меня все горит и вот-вот прожжет дыру. Я хватаю стакан Хейли и выпиваю ее сок до дна, чтобы потушить это пламя. Она смотрит на маму, ожидая, что та меня отчитает, но они с папой молча обмениваются взглядами, будто что-то обсуждают.

— Мне интересно, может ли парень-мормон и парень-анти-мормон быть друзьями? — говорю я им.

— То есть ты рассматриваешь это как эксперимент? — осторожно интересуется папа.

— Вроде как. Да.

— Хорошо, но только не играй с ним, — просит мама.

Я издаю стон. Разговор становится утомительным.

— Народ, хватит, — я иду к двери и беру рюкзак. — Это для школы. Мы просто поработаем над моим планом.

МЫ ПРОСТО ПОРАБОТАЕМ НАД МОИМ ПЛАНОМ.

МЫ ПРОСТО ПОРАБОТАЕМ НАД МОИМ ПЛАНОМ.

МЫ ПРОСТО ПОРАБОТАЕМ НАД МОИМ ПЛАНОМ.

Я пишу в блокноте эти слова раз семнадцать, пока жду Себастьяна в условленном месте: в Писательском алькове Городской Библиотеки Прово.

Когда идеальным почерком он написал мне свой электронный адрес, я почему-то был уверен, что он ожидал от меня предложения встретиться в «Шейк Шаке» — только не в «Старбаксе», ни дай бог, — после чего мы бы прошлись по моему плану. Но сидеть с ним в публичном месте, где нас может увидеть кто угодно из школы, означало бы слишком открыться. Терпеть не могу так думать, но что, если кто-нибудь решит, будто я захотел стать мормоном? Или что, если кто-нибудь увидит его и задастся вопросом, чем это он занят с *не* мормоном? Что, если Футболист-Дэйв заметит, как на занятиях я глаз не спускаю с Себастьяна, а епископ наведет справки у кого-нибудь из Пало-Альто — и кто-то скажет, что я би, — и он расскажет Себастьяну, а Себастьян, в свою очередь, расскажет всем остальным?

Кажется, я чересчур много думаю об этом.

МЫ ПРОСТО ПОРАБОТАЕМ НАД МОИМ ПЛАНОМ.
МЫ ПРОСТО ПОРАБОТАЕМ НАД МОИМ ПЛАНОМ.
МЫ ПРОСТО ПОРАБОТАЕМ НАД МОИМ ПЛАНОМ.

Позади меня на лестнице раздаются шаги, и времени у меня остается лишь на то, чтобы встать и уронить блокнот на пол, когда появляется Себастьян, выглядящий как модель одежды «Патагония»: в синей дутой куртке, черных брюках-чинос и кроссовках «Меррелл».

Он улыбается. Его лицо покраснелось от холода, а меня что-то колет изнутри — так сильно я люблю смотреть на него.

Это плохо. Очень плохо.

— Привет, — немного запыхавшись, говорит он. — Извини, что опоздал на пару минут. Сестре на день рождения подарили огромный домик для Барби, и мне пришлось помочь отцу его собрать перед уходом. А там не меньше миллиона деталей.

— Не беспокойся, — отвечаю я и начинаю протягивать руку для пожатия, после чего резко отдергиваю, потому что — *какого черта я творю?*

Себастьян замечает, тоже протягивает руку и тоже ее убирает.

— Не обращай внимания, — говорю я.

Он смеется, несколько озадаченный, но при этом явно забавляясь.

— Ох уж этот первый день с новой рукой.

Господи, это просто ужасно. Мы всего лишь два парня, которые встретились, чтобы подготовиться к занятиям. Два бро. Бро не нервничают. *Будь бро, Таннер.*

— Спасибо, что встретился со мной.

Кивнув, Себастьян наклоняется подобрать мой блокнот. Я выхватываю его, прежде чем он успеет прочитать бесчисленные фразы, которыми я себя успокаивал, пусть и не особенно успешно. Не глядя мне в глаза, Себастьян решает оставить это без внимания, после чего смотрит в пустую комнату за моей спиной.

— Мы сядем здесь? — спрашивает он.

Я киваю, и, зайдя вслед за мной в комнату, он наклоняется заглянуть в окно. Над горами Уосатч плотным туманом нависли снеговые тучи — будто призраки, парящие над нашим тихим городком.

— Знаешь, что странно? — не оборачиваясь, говорит Себастьян.

Я стараюсь не обращать особого внимания на то, как льющийся из окна свет озаряет одну половину его лица.

— Что?

— Я никогда здесь не был. Заходил в книгохранилище, но как следует осмотреться в библиотеке мне ни разу не доводилось.

У меня готова вырваться колкость: «*Это потому что все, чем ты занят вне школы, происходит в церкви*». Но я сдерживаюсь. Ведь он здесь, чтобы мне помочь.

— А сколько лет твоей сестре? — интересуюсь я.

Повернувшись ко мне, Себастьян снова улыбается. Эта улыбка так легко появляется на его лице. И так часто.

— У которой домик для Барби?

— Ага.

— Фейт десять, — он делает в мою сторону шаг, а потом еще один, и до сих пор незнакомый мне голос кричит прямо из сердца: «*ДА, ИДИ СЮДА!*». Но потом я понимаю, что так Себастьян дает понять, чтобы мы сели за стол и начали работать.

Будь бро, Таннер.

Разворачиваюсь, и мы усаживаемся за стол, который я занял, как только пришел, — хотя могли бы сесть вообще за любой. В девять утра в субботу в библиотеке больше никого нет.

Ножки его стула с неприятным звуком царапают пол, и, засмеявшись, Себастьян тихо извиняется. Я нахожусь так близко к нему и могу вдохнуть его запах, от чего начинает слегка кружиться голова.

— У тебя есть еще сестра и брат, да?

Он смотрит на меня краем глаза, и мне тут же хочется пояснить свой вопрос — что я не собираюсь отпускать ядовитые комментарии о размерах семей мормонов. Тем более что Хейли учится с Лиззи в одном классе.

— Моей второй сестре, Лиззи, пятнадцать, — отвечает Себастьян. — А еще у меня есть брат Аарон, которому тринадцать, но скоро, конечно же, будет двадцать три.

Мой смех слишком вежливый. Внутри же я клубок нервов — даже не знаю, почему.

— Лиззи учится в Прово Хай, правильно?

Себастьян кивает.

— В десятом классе.

Я как-то видел ее в школе, и Хейли права: Лиззи очень улыбчивая и часто помогает уборщику во время большой перемены. Она почти вибрирует от наполняющей ее радости.

— Она милая.

— Да. Фейт тоже. А Аарон... ну, он любит проверять границы на прочность. Но он хороший парень.

Я киваю. Знакомьтесь — Таннер Скотт, отупел вплоть до окончания времен. Себастьян поворачивается ко мне; я почти физически ощущаю его улыбку.

— А у тебя есть братья или сестры? — спрашивает он.

Видишь? Вот так это и делается, Таннер. Общайся.

— Сестра, — отвечаю я. — Хейли. Кстати, кажется, она с Лиззи в одном классе. Хейли шестнадцать, и она самое настоящее исчадие ада, — сообразив, что именно сейчас сказал, я в ужасе поворачиваюсь к нему. — Господи. Не могу поверить, что сказал это. Или вот *это*, про господа.

Себастьян издает стон.

— Ну ты молодец. Теперь я не смогу с тобой разговаривать.

На моем лице появляется маска презрения, и я слишком поздно понимаю, что он шутит. Улыбка Себастьяна тоже исчезает. Она сползла с его губ в тот самый момент, когда он понял, как сильно я запутался и насколько легко верю в самое худшее относительно его религии.

— Извини, — говорит он и улыбается одним уголком рта. Внешне кажется, Себастьян совершенно не испытывает дискомфорт. Его это словно даже развеселило. — Я пошутил.

Мне так неловко и стыдно. Я изо всех сил пытаюсь вернуть свою уверенную улыбку — ту,

благодаря которой всегда получаю желаемое.

— Полегче со мной. Я все еще учусь, как разговаривать с мормонами.

К моему глубочайшему облегчению, в ответ на это Себастьян искренне смеется.

— Готов перевести с одного языка на другой.

После этого мы склоняемся над моим ноутбуком и читаем написанные мной скупые строки.

Наполовину еврей, наполовину непонятно кто, этот парень-квир живет в наводненном мормонами городе. И он ждет не дожидается возможности уехать.

Я чувствую, как сидящий рядом Себастьян замирает, и тут же понимаю свою ошибку: идея книги так и осталась без изменений. Мое сердце ухает куда-то вниз.

Я не против рассказать Себастьяну, что хочу уехать. И даже не чувствую вину за грубоватые слова про наводненный мормонами город, хотя, наверное, должен бы. Но все это затмевает единственное слово.

Я забыл удалить «квир».

Никто здесь — по крайней мере, помимо моей семьи — не знает этого обо мне.

Незаметно стараюсь оценить реакцию Себастьяна. У него розовые щеки, а взгляд прыгает на начало фразы, чтобы перечитать.

Я открываю было рот, чтобы что-то сказать — и объяснить, — но тут Себастьян говорит:

— Значит, это твоя основная идея, так? Ты будешь писать о некоем гомосексуале, живущем в Прово?

По всему кровотоку приятной прохладой разливается облегчение. Конечно же, он и не подумал, что книга будет обо мне.

Я энергично киваю.

— Решил, что он будет бисексуалом. Но да.

— И он недавно сюда переехал...

Снова киваю, но потом улавливаю в его интонации что-то привлекающее внимание, какую-то догадку. Если Себастьян захочет разузнать побольше про Таннера Скотта, то выяснит, что я переехал сюда как раз перед началом десятого класса и что мой отец еврей и врач в долине Юты.

Он даже может узнать, что моя мама была отлучена от церкви.

Когда мы встречаемся взглядами, Себастьян улыбается. Кажется, он давно отточил свою реакцию на подобное. И я уверен, что он знает. А мои страхи насчет того, что Футболист-Дэйв расскажет епископу, а епископ — Себастьяну, кажутся теперь чересчур надуманными. Потому что я просто взял и сам себя выдал.

— Больше никто не знает, — слова вылетают сами собой.

Качнув один раз головой, Себастьян говорит:

— Все в порядке, Таннер.

— Буквально — *больше никто*, — говорю я, проведя рукой по лицу. — Я собирался удалить слово «квир», и это одна из причин, почему у меня все застопорилось. Мне по-прежнему хочется оставить главного героя бисексуальным, но я не понимаю, как напишу подобную книгу во время этого курса. И захочет ли Фудзита — или родители, — чтобы я это сделал.

Наклонившись, Себастьян ловит мой взгляд.

— Таннер, ты можешь написать книгу о чем хочешь.

— Родители установили твердое правило не рассказывать о себе, пока мы живем здесь. Разве что этому человеку действительно доверяю.

Я не рассказал своей лучшей подруге, а сейчас откровенничаю с тем, кому, наверное, вообще не стоило бы об этом говорить.

Его брови медленно поднимаются.

— Твои родители знают?

— Ага.

— И они нормально к этому относятся?

— Мама... вообще-то, она меня яростно поддерживает.

После секундного молчания Себастьян снова поворачивается к ноутбуку.

— Думаю, это будет отличная идея — написать об этом, — тихо говорит он. Подавшись вперед, Себастьян показывает на экран указательным пальцем. — В этих двух предложениях уже немало сказано. Много чувств и боли, — потом он снова смотрит мне в глаза. В его радужках безумный микс из зеленого, коричневого и желтого цветов. — Точно не скажу, насколько смогу быть полезен по этой теме, но буду рад обсудить.

У меня такое ощущение, словно его слова меня поцарапали, и я морщу нос.

— Ты был бы так же готов помочь, решишь я написать про драконов и зомби, да?

Смех Себастьяна тут же становится моим любимым звуком.

— Верно подмечено.

На восстановление нормального сердечного ритма уходит минут двадцать, а все это время Себастьян продолжает говорить. Я практически чувствую, что он в курсе моего умственного затыка и нарочно успокаивает меня разговором, но его слова лишь завораживают ритмом.

Он говорит мне, что все в порядке и в наличии одной только идеи нет ничего страшного. Что каждая книга начинается с чего-то вроде этого — с предложения, образа или кусочка диалога. Он предлагает мне для начала решить, кто главный герой и в чем основной конфликт.

— Сосредоточься на этих двух важнейших сторонах его личности, — говорит Себастьян и показывает два пальца. — Герои книги анти-мормон и...

Он замолкает, а второй палец так и остается не загнутым.

— Квир, — заканчиваю я вместо него.

— Точно, — Себастьян сглатывает и сжимает пальцы в кулак. — А что, этот парень ненавидит всех мормонов и замышляет побег, в итоге которого его родители вернутся в Церковь и отрекутся от него?

— Нет... — видимо, он знает обо мне не так уж и много. — Думаю, семья его будет поддерживать.

Себастьян в задумчивости откидывается на спинку стула.

— Тогда может, он ненавидит Церковь СПД и уедет, чтобы примкнуть к какому-то другому «культу»?

Я смотрю на него и поражаюсь способности смотреть на свою религию глазами неверующего и даже представить ее в негативном свете.

— Возможно, — отвечаю я. — Но я точно знаю, что не хочу при этом демонизировать Церковь.

Себастьян встречается со мной взглядом, после чего быстро отворачивается.

— Какую роль в книге будет играть... м-м-м... бисексуальность? — за все время это первый раз, когда он запнулся. И по всему его лицу разлился румянец.

Я хочу ответить ему, что *мне интересно, могу ли я тебе понравиться. И вообще — может ли кто-то вроде тебя дружить с кем-то вроде меня.*

Но ведь он уже — *здесь*. Уже бескорыстен и искренен с кем-то вроде меня. Я думал, Себастьян придет и всего лишь проявит себя хорошим помощником учителя, ответит на несколько вопросов и заставит меня писать, пока я буду таращиться на него. И совершенно не ожидал, что он станет спрашивать обо мне, чтобы понять. Не ожидал, что он мне по-настоящему понравится. Теперь же, когда конфликт очевиден, я ощущаю, как что-то до сих пор устойчивое внутри меня с тревогой сворачивается в плотный клубок, потому что писать об этом еще

страшной.

— Подумай об этом, — крутя в руке скрепку, тихо говорит Себастьян. — Сюжет может свернуть куда угодно. И во многом все зависит от того, куда направится герой и что отыщет. Повествование начнется с его обиды и возмущения, ведь он чувствует себя подавленным в этом городе и обязанным сдерживать самого себя. Как он найдет свободу: оставшись или уехав? Случится ли что-то, способное изменить его решение?

Глядя на экран ноутбука, я киваю, потому что прямо сейчас не могу смотреть на Себастьяна, не выдав при этом свои чувства. От этого влечения моя кровь закипает.

Снаружи начинает идти снег, и, к счастью, мы пересаживаемся в кресла у окна, чтобы полюбоваться видом и на время отложить книгу в сторону. Себастьян рассказывает, что родился в этом городе и живет в нескольких километрах отсюда. Его отец, в прошлом налоговый адвокат, почти два года назад был призван служить епископом. До рождения Себастьяна его мать заведовала финансами в Vivint, а сейчас она домохозяйка и жена епископа, что, по словам Себастьяна, как бы делает ее матерью всего прихода. Ей всегда нравилась подобная роль, но это означало, что ему с Лиззи пришлось повзрослеть чуть быстрее, чем Фейт и Аарону. Еще я узнал, что Себастьян с шести лет играет в футбол и бейсбол. Что его любимая группа «Бон Ивер». И что он играет на фортепиано и гитаре.

Я тоже немного рассказал ему о себе. Родился в Пало-Альто. Отец — кардиохирург, а мама — программист. Она чувствует себя виноватой, что мало времени проводит дома, но я ею очень горжусь. Моя любимая группа — проект «Ник Кейв и Бэд Сидс». Вот только музыкант из меня никакой.

Мы не касаемся вопроса моей сексуальности, но он ощущается третьим человеком, сидящим в темном углу комнаты и подслушивающим наш разговор.

Между нами повисает молчание, пока мы смотрим, как серый обледеневший тротуар под окном постепенно становится белым, а из вентиляций на обочине поднимается пар. Под ребрами у меня странное тянущее чувство: я хочу узнать о Себастьяне как можно больше. Кого он любил, кого ненавидел, и существует ли такая возможность, что ему нравятся парни.

— Ты не спросил меня о книге, — наконец говорит он.

И он имеет в виду *свою* книгу.

— Блин, извини, — отвечаю я. — Не хотел показаться грубым.

— Это не грубость, — Себастьян поворачивается ко мне и так улыбается, будто мы с ним храним одну и ту же несколько раздражающую тайну. — Просто обычно все спрашивают.

— Думаю, это круто, — сунув руки в карманы, я откидываюсь на спинку кресла. — И просто потрясно. Представь только: твоя книга появится в этой библиотеке!

Похоже, Себастьян удивлен.

— Возможно.

— Уверен, ты устал о ней говорить.

— Немного, — пожав плечами, он улыбается. Эта улыбка дает мне понять, насколько ему нравится, что я не расспрашиваю о ней и что я здесь не из-за новостей маленького городка. — Она добавила в мою жизнь некоторых сложностей, но жаловаться трудно, поскольку я понимаю, что это дар.

— Конечно.

— Мне всегда было интересно, каково это — жить здесь и не быть воспитанным в традициях Церкви, — внезапно меняет тему Себастьян. — Тебе было пятнадцать, когда ты переехал?

— Ага.

— И как? Трудно было?

Пару секунд я думаю над ответом. Себастьян знает обо мне то, чего не знает больше никто, и от этого я растерял всю свою уверенность. Он кажется хорошим парнем, но каким бы хорошим ты ни был, информация — это власть.

— В Прово иногда тяжело вздохнуть.

Кивнув, он подается вперед, чтобы лучше видеть происходящее за окном.

— Влияние церкви здесь ощущается повсюду, я это знаю. Иногда мне кажется, что она проникла во все сферы моей жизни.

— Охотно верю.

— И я понимаю, что со стороны она может выглядеть удушающей, но церковь несет и немало хорошего, — когда Себастьян поворачивается ко мне, я с ужасом осознаю, зачем он это говорит. И понимаю, почему он согласился прийти. Он меня вербует. Себастьян теперь многое обо мне знает, и это дает ему еще больше поводов устроить миссионерскую деятельность и спасти меня. Причем призвать меня он хочет не в клуб напояженных мальчиков-геев Северной Юты, а в Церковь СПД.

— Насчет хорошего не спорю, — осторожно отвечаю я. — Мои родители... знакомы с Церковью. Жить здесь и не видеть ее положительные и отрицательные стороны было бы нереально.

— Да, — говорит Себастьян и добавляет нечто не совсем понятное: — Я замечаю.

— Себастьян?

— Что?

— Просто... хочу, чтобы ты знал, на случай если... — помолчав, я морщусь и отвожу взгляд. — Я просил тебя о помощи не для того, чтобы ты позвал меня присоединиться к Церкви.

Когда я поворачиваюсь к нему, он смотрит на меня с тревогой и неподдельным удивлением во взгляде.

— Что?

Я опять смотрю в сторону.

— Понимаю, могло сложиться впечатление, будто я хотел пообщаться с тобой, потому что подвергаю сомнению некоторую часть себя сомнению или хочу присоединиться к Церкви. Но вопросов или затруднений в самоопределении у меня нет. Ты мне нравишься, но я здесь не ради новообращения.

Снаружи со свистом носится ветер — рядом с окном довольно холодно — а здесь, внутри, Себастьян спокойно и внимательно смотрит на меня.

— Я и не думал, что ты хочешь присоединиться, — возражает он. Его щеки розовые. *От холода. Это от холода. Не из-за тебя, Таннер.* — Не думал, потому что ты... — он качает головой. — Не беспокойся. Я не собираюсь тебе рекламировать Церковь. Тем более после того, чем ты со мной поделился.

Мой голос становится непривычно робким:

— Ты никому не расскажешь?

— Конечно, нет, — тут же отвечает Себастьян. Он смотрит в пол и почему-то стискивает зубы. Потом засовывает руку в карман. — Я... Вот.

Он вручает мне листок бумаги почти импульсивно. Теплый, как будто его долго держали в руке.

Я разворачиваю клочок и вижу десять цифр. Номер телефона.

Должно быть, Себастьян записал его заранее. Наверное, перед выходом из дома. И сунул в карман, чтобы принести мне.

Он понимает, что, в общем-то, вручил мне гранату? Что, зная его номер, я могу весь мозг себе взорвать? Особым любителем переписываться меня не назовешь, но — боже — чувство,

возникшее в тот момент, когда я следил за его перемещениями по классу, было похоже на одержимость демонами. А знание, что я могу связаться с ним в любой момент, только добавит мучений.

— Я не... — начинает Себастьян, а потом смотрит куда-то в сторону. — Можешь мне написать. Или позвонить. Когда угодно. И по любому вопросу. Просто поговорить или же обсудить детали твоей книги, если тебе будет нужно.

В груди все сжимается, и это больно.

— Да, конечно, — я зажмуриваюсь. Кажется, он собрался уходить, и от потребности дать волю словам у меня скручивает внутренности. — Спасибо.

Себастьян встает.

— Не за что. Обращайся.

— Себастьян?

— Что?

Наши взгляды встречаются, и я сам не могу поверить в собственные слова:

— Я бы очень хотел встретиться еще раз.

Его щеки вспыхивают румянцем. Он правильно понял мои слова? И, кстати, что я вообще несу? Он знает, что мне нравятся парни, поэтому догадывается, что я говорю не только про книгу. Себастьян оглядывает мое лицо — лоб, рот, подбородок. Потом возвращается к глазам и снова ко рту. После чего отводит взгляд.

— Наверное, мне пора.

Я словно клубок проводов под напряжением; в моей голове какофонией звучат голоса и дают противоречивые советы.

Поясни, что ты имел в виду только учебу!

Упомяни про книгу!

Извинись!

Играй по-крупному и расскажи о своих чувствах!

Но я лишь киваю и наблюдаю, как он неловко улыбается, затем быстро идет к лестнице и сворачивает за угол обшитой дубовыми панелями стены.

Я поворачиваюсь к ноутбуку и на белом листе пустого документа облакаю свои чувства в слова.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

«Это мой номер».

«Кстати, это Таненр».

«Ой. То есть Таннер».

«Поверить не могу, что сделал опечатку в собственном имени».

«Ха-ха! Так тебя и запишу в контакты».

«И это Себатсьян».

«(смотри, что я написал)».

Я минут двадцать с улыбкой смотрел на экран телефона, перечитывая сообщения снова и снова. Телефон буквально сросся с моей рукой; уверен, родители гадают, чем я занят, — это заметно по их обеспокоенным взглядам, которыми они обмениваются через стол.

— Убери телефон, Танн, — наконец говорит папа.

Я кладу мобильный на стол экраном вниз.

— Извини.

— С кем ты переписываешься? — интересуется мама.

Знаю, ответ им не понравится, но и врать не хочу.

— С Себастьяном.

Родители снова переглядываются.

— С помощником учителя? — уточняет мама.

— Хочешь, посмотри, — я протягиваю ей телефон. — Ты ведь и так можешь все прочитать, правильно?

Мама нехотя берет его, и, похоже, она ожидала увидеть больше, чем там есть на самом деле. Прочитав нашу безобидную переписку, она заметно расслабляется.

— Это мило, но, Таннер... — не закончив фразу, она поворачивается к папе за поддержкой. Возможно, у нее возникли сомнения насчет своего авторитета, поскольку на ней фартук с радугой и надписью «Прайд».

Телефон берет папа, и его лицо смягчается, пока он читает сообщения, но потом его взгляд затуманивается.

— Вы видите?

Хейли фыркает.

— Нет, — не обращая на нее внимания, отвечаю я. — Господи, люди, ну вы что! Мы просто вместе работаем над проектом.

Над столом повисает скептическое молчание.

А мама не в состоянии удержаться:

— Он знает о тебе?

— О том, что на рассвете я превращаюсь в тролля? — мотаю головой. — Вроде нет.

— Таннер, — мягко настаивает она. — Ты понимаешь, о чем я.

Понимаю. К сожалению.

— Успокойся, пожалуйста. За мной не было хвоста.

— Милый, — с ужасом говорит мама. — Ты сознательно делаешь вид, будто...

На мой лежащий перед папой телефон поступает новое сообщение. Папа берет его и говорит:

— Опять от Себастьяна.

Я протягиваю руку.

— Можно?

Нахмурившись, он вручает его мне.

«На следующей неделе меня на занятиях не будет :»

«Просто хотел, чтобы ты был в курсе».

Моя грудная клетка словно раскололась надвое — с линией разрыва прямо посередине — и вместе с болью там разрастается сверкающее солнце: *Себастьян подумал обо мне и решил предупредить!*

«Все в порядке?»

«Ага. Просто поездка в Нью-Йорк».

У нас теперь такие отношения, да? Мы по-дружески обмениваемся сообщениями?

«О-о-о. Круто».

«Ха-ха! Большую часть времени я там буду выглядеть будто адресом ошибся».
«Когда уезжаешь?»

Мама громко вздыхает.

— Таннер, бога ради, перестань переписываться за столом, пожалуйста.

Тихо извинившись, я кладу телефон на стойку и снова сажусь. Родители угрюмо на меня смотрят, а сестра явно наслаждается, предвкушая моих неприятностей.

На фоне позвякивания столовых приборов и льда в стаканах с водой над столом тяжело повисает всеобщее осознание происходящего, и от смущения у меня сводит живот. Родители давно в курсе, что мне нравятся парни, но так реально это еще перед ними не представало. Сейчас это конкретный парень, с именем и номером телефона. Раньше к вопросу моей ориентации все относились спокойно, но в этот момент я понял, что у их принятия есть несколько слоев. Возможно подобное отношение оказалось связано с тем, что в Прово мне было запрещено встречаться с парнями. Получается, я могу вступить в отношения только после окончания школы, и только с теми, кого мне выберут родители из среды умных, прогрессивных и не мормонов?

Папа покашливает — значит, ищет нужные слова, — и мы все смотрим на него в надежде, что он сможет вытянуть на себе этот разговор. Я жду, что он выскажется по поводу витающей в воздухе темы, но вместо этого он сворачивает на безопасную тему.

— Расскажите, как у вас дела в школе.

Хейли начинает жаловаться на несправедливую жизнь десятиклассницы. Как она не достает до своего верхнего шкафчика, как отвратительно пахнет в женской раздевалке и как сильно ее раздражают парни. Родители внимательно слушают с улыбками на лицах, после чего фокусируются на важном для каждого из них. Мама уверяет Хейли, что она хороший друг. А папа беспокоится о ее успехах в учебе.

Я краем уха слушаю хвастливый ответ сестры насчет химии. Из-за лежащего поблизости телефона мой мозг на 90% сосредоточен лишь на двух вопросах: ответил ли мне Себастьян и получится ли у меня увидеться с ним перед его отъездом.

Я чувствую себя дерганым.

Если честно, ужинать в кругу семьи — то еще приключение. У папы в семье много родственников, для которых особым удовольствием всегда была забота о мужьях и детях. Хотя что-то подобное было и в мормонской семье мамы, папины же родственники повышенное внимание уделяли еде. Женщины не просто готовили — они создавали шедевры кулинарного искусства. Когда приезжает бабуля, она заполняет нашу морозилку грудинкой и кугелем, количества которых хватает на несколько месяцев вперед. И из самых благих, конечно же, побуждений отпускает комментарии на тему того, каким непостижимым образом ее внуки умудряются выживать на сэндвичах. Со временем бабушка сумела перерасти свое разочарование от папиной женитьбы не на еврейке, но по-прежнему остается недовольной маминым рабочим графиком и обилием еды на вынос и готовых полуфабрикатов в нашем меню.

Несмотря на свои антирелигиозные взгляды, мама все-таки была воспитана в культуре, где женщине традиционно отводилась роль домохозяйки. Поэтому отказ упаковать нам ланчи перед школой и решение не вступать в родительский комитет стали частью маминого феминистского активизма.

Даже тетя Эмили иногда страдает от чувства вины из-за нежелания сосредоточиться на домашнем уюте. Так что мама пришла к компромиссу, позволив бабуле научить ее готовить кое-какие блюда. Теперь по воскресеньям мама делает их на неделю вперед. Сомнительные старания, и мы с сестрой постоянно подшучиваем над этим. С папой другая история: он очень

привередлив в еде. И даже если он себя считает либералом — что правда, — у него все равно сохранились кое-какие традиционные убеждения. Например, что жена должна готовить.

Мама внимательно наблюдает за тем, как папа ест. Оценивает, как быстро он это делает и насколько еда ему понравилась. Иными словами, если он ест быстро, это означает, что ему не нравится. Сегодня папа проглатывает куски, почти не жуя. Уголки маминых так часто улыбающихся губ опускаются.

Наблюдение за ними пусть немного, но отвлекает.

Я бросаю взгляд на свой телефон. Поскольку он лежит экраном вверх, то видно, что либо пришли сообщения, либо пропущен звонок: экран светится. Обжигаясь, но все равно стремительно отправляя ложку за ложкой супа-кнейдлах в рот, я опустошаю тарелку и встаю из-за стола, прежде чем мне успевают возразить.

— Таннер, — тихо говорит папа.

— Домашка ждет, — ополоснув тарелку, я ставлю ее в посудомоечную машину.

Наблюдая, как я выхожу из кухни, папа бросает на меня многозначительный взгляд, говорящий, что он все понял, но просто не хочет дискутировать на эту тему.

— Сегодня твоя очередь мыть посуду, — кричит мне вслед Хейли.

— Не-а. На прошлых выходных я вместо тебя убрался в ванной, так что за тобой должок.

Сестра взглядом посылает меня ко всем чертям.

— Я тоже тебя люблю, злыдня.

Поднимаясь по лестнице, я открываю в телефоне сообщения.

Мое сердце сжимается. Он прислал мне пять смс.

Пять.

«В среду днем».

«В четверг у меня встреча с редактором и издателем».

«С издателем я еще не знаком. Честно говоря, немного нервничаю».

«До меня сейчас дошло, что ты, наверное, ужинаешь с семьей».

«Извини, Таннер».

С бешеной скоростью отвечаю:

«Не извиняйся. Родители все равно отобрали у меня телефон».

«Очень рад за тебя».

Я пишу ему свою следующую мысль, и тут же — с трудом дыша — отправляю:

«Надеюсь, поездка пройдет отлично, но на занятиях мне тебя будет не хватать».

Пока жду ответ, проходит минута.

Пять.

Десять.

Себастьян не дурак. И знает, что я би. Он должен понимать, что нравится мне.

Я решаю отвлечь себя Снэпчатом Отем. Там ее ноги в тапочках. Полная раковина посуды. И сердитое лицо Одди крупным планом с подписью «Настроение». Наконец закрыв соцсети, я открываю ноутбук.

Мне нужно понимать, с чем имею дело. Я рос в Калифорнии и знал, что мама из семьи мормонов. По ее рассказам — в те редчайшие моменты, — я решил, что это некий странный

культ. Только после переезда сюда стало понятно, что все мои знания — это сборник стереотипов. Меня удивило, что мормоны считают себя христианами (хотя другие христианские религии с этим не согласны). Еще оказалось, что большую часть своего времени мормоны заняты помощью другим. Но помимо запрета на кофеин, выпивку и ругательства и соблюдения целомудрия остальные постулаты мормонов оставались для меня тайной за семью печатями.

Как всегда, на помощь приходит Гугл.

По поводу моих шуток о белье — оказалось, оно не просто скромное. Это еще и физическое напоминание о заветах, которые мормоны заключили с Господом во время обряда облечения. И это слово — «завет» — тут повсюду. По сути, их Церковь имеет собственный язык.

Иерархия у мормонов исключительно мужская. По этому пункту мама попала в самую точку: женщин надули. Да, они рожают детей — согласно учению Церкви, это неотъемлемый Божий замысел — и могут служить на миссии, если захотят, но в традиционном смысле у женщин власти все равно нет. То есть для них не предусмотрено священство и они не могут принимать решения, влияющие на политику Церкви.

Но вот о чем мне узнать важнее всего — помимо нижнего белья Себастьяна, — и это единственный вопрос на свете, от которого у мамы закипает кровь: мормоны известны своим ужасным отношением к геям.

Церковь уже осудила свою конверсионную терапию [направлена на изменение сексуальной ориентации с гомо на гетеро — прим. перев.], но это не значит, что ее не существует или что она не разрушила жизни очень и очень многих. Вот о чем я узнал от мамы: тех мормонов, кто рассказал о себе родным, куда-то отправляли для «исправления». Лечение подразумевало помещение в учреждение закрытого типа и электрошоковую терапию. Иногда назначали медикаментозные препараты и выработку рефлекса отвращения. Поначалу мне это показалось не страшным, но затем я понял, что людей накачивали наркотиками, чтобы их тошнило во время просмотра эротических видео с однополыми партнерами. В интернете говорится, что более «щадящие» меры включали в себя взращивание стыда, обучение стереотипно маскулинному или женственному поведению, обязанность ходить на свидания, гипноз и метод сексотерапии, при котором меняли модель сексуального возбуждения... В общем — ой.

Когда двадцать восемь лет назад тетя Эмили рассказала о себе родителям, те предложили ей выбирать: или конверсионная терапия, или отлучение от церкви. Сегодня же позиция СПД относительно геев совершенно непонятна.

Согласно любому заявлению Церкви, секс возможен только между мужем и женой. Зеваю. Но при этом удивляет тот факт, что признается разница между влечением к людям своего пола и тем, что мормоны называют гомосексуальным поведением. В двух словах это выглядит следующим образом: парни чувствуют влечение к другим парням — мы смотрим на происходящее сквозь пальцы. А вот если парни целуются с парнями — это плохо.

Самое смешное, что при наличии таких нечетких границ, которые фактически заставляют гея-мормона вжать голову в плечи и быть несчастным всю жизнь во имя Господа, большинство церковных высказываний — об одинаково любимых детях, заслуживающих, чтобы к ним относились с любовью и уважением. Церковь говорит, что семьи никогда не должны позволять себе быть неуважительными по отношению к тем, кто выбрал иной образ жизни... при этом без конца напоминая этому человеку о нескончаемых последствиях своего выбора.

И, конечно же, каждый, кто живет в Прово, знает о шумихе, которую освещали в новостях пару лет назад: в справочник мормона внесли изменения, гласившие, что члены однополых браков будут считаться вероотступниками, а дети, живущие в таких семьях, должны быть исключены из церковной деятельности до тех пор, пока не достигнут того возраста, когда смогут отказаться от практики гомосексуальности и присоединиться к Церкви.

Подведем итог. Любовь и уважение, но только если ты готов следовать их правилам. А если нет, тебя ждет отлучение.

Понимаете, о чем я, да? Совершенно никакой ясности.

Телефон, валяющийся где-то на кровати, начинает вибрировать. Поскольку в комнате я один, и никто не подсмострит, ныряю за ним под покрывало, чтобы прочесть:

«Завтра я весь день буду в универе».

И пока экран светится от этого сообщения, приходит следующее:

«Мне тебя тоже будет не хватать».

Между нами что-то происходит. Еще с того момента, когда в самый первый день Семинара наши взгляды встретились.

Я хочу увидаться с Себастьяном, прежде чем он уедет из города. И мне плевать, что говорит мама. Как и плевать на церковную доктрину.

В конце концов, это не моя религия.

На время обеда Прово Хай Скул закрывает свою территорию, но это официальное правило никто не соблюдает. Вокруг полно ресторанов быстрого питания типа Дель Тако, Панда Экспресс или Пита Пит. Четыре дня из пяти мы бегаем за пределы школы и покупаем что-нибудь простецкое.

Я знаю, что специализация Себастьяна — английская литература (мне не потребовалось большого ума, чтобы это понять). Но еще я знаю — он говорил мне об этом в библиотеке, — что он любит бывать в Центре изящных искусств Харриса, поскольку там всегда тихо.

Так что сегодня в Панде Экспресс я покупаю еду на двоих.

Прежде чем переехать в Юту, я слышал множество рассказов про Церковь от людей, которые, понятное дело, никогда не были ее частью. *Они берут в жены своих дочерей, когда тем едва исполняется двенадцать! Они — многоженцы!*

По обоим пунктам — нет. И многоженство, кстати, запрещено с 1890 года. Но, судя по своей маме, я знал, что последователи Церкви СПД такие же люди, и предполагал, что подростки-мормоны мало чем будут отличаться от подростков на улицах Пало-Альто. Это безумие, но я ошибался. Серьезно. Они просто эталон всех понятий опрятности: чистая одежда, скромный внешний вид, чрезвычайная ухоженность.

Я критически оглядываю свою старую футболку с названием панк-группы Social Distortion, надетую поверх синей футболки с длинным рукавом, и практически не рваные джинсы. Если бы я нацепил фиолетовый костюм цыпленка и прошелся лунной походкой по главному двору, и то почувствовал себя менее неподходяще одетым для Университета Бригама Янга. Сейчас начало семестра, и около основного студенческого центра проходит какая-то молодежная программа. На девушках длинные юбки и скромные блузки, у всех прямо постриженные волосы и искренние улыбки.

Несколько парней бросают фрисби; один не поймал и беззлобно кричит:

— Твою мышь!

Три девушки играют в ладошки и поют.

Университет именно такой, каким я его себе и представлял, и, наверное, в точности такой, каким его надеялись видеть основатели даже спустя сто сорок лет. Он расположен через дорогу

от Прово Хай, но кажется абсолютно другим миром.

Внутри Центра Харриса удивительно темно и тихо. Благодаря современной архитектуре место скорее выглядит воплощением мощной инженерной мысли, нежели зданием, где занимаются искусством. С галерей верхних этажей виден главный холл. По атриуму эхом разносятся абсолютно все звуки — тихий гул голосов откуда-то сверху и даже стук моих шагов по мраморному полу.

Себастьяна нет ни на диванах в холле второго этажа, ни за столиками, от чего мое решение принести сюда этот пакет с едой кажется нелепым и самонадеянным. Интересно, попал ли я в камеры наблюдения, и не придут ли сейчас полицейские, решив, что мне здесь не место, чтобы вежливо выпроводить за пределы кампуса, пожелав мне при этом легкой дороги и пообещав помолиться за меня.

Несколько минут без толку побродив по третьему этажу, я уже решил было заесть стресс и слопать всю эту сомнительную азиатскую еду в одиночку, как вдруг заметил пару красных кроссовок Адидас, виднеющихся из-под стола.

Подойдя ближе, я заявляю:

— У меня тут самая нездоровая еда в мире, и я готов ею поделиться.

Себастьян вздрагивает, и в течение той секунды, во время которой он поворачивается, мне отчаянно хочется вернуться в недалекое прошлое и никогда сюда не приходить. В начале этого школьного года одна девятиклассница вручила мне конверт и тут же убежала. Ошарашенный, я его открыл. Из него прямо мне на ноги высыпались блески, а все письмо оказалось облеплено стикерами. Почерком с завитушками там было написано, будто мы с ней родственные души. Я даже не знал, как ее зовут, пока не прочитал подпись внизу: Пейдж. Над «й» было наклеено блестящее сердечко. До того момента мне и в голову не приходило, насколько четырнадцатилетние еще дети.

А теперь, стоя напротив Себастьяна в ожидании его ответа... я чувствую себя Пейж. Это я сейчас эмоционально недоразвитый. Ощущаю себя странным — и незрелым — лишь от одного своего присутствия здесь с пакетом еды. *Какого черта я творю?*

Себастьян медленно снимает наушники.

И мне тут же хочется рухнуть на пол от облегчения: его порозовевшие щеки говорят все, что мне нужно знать.

— Таннер? — широко улыбается он. — Привет.

— Да, привет, я...

Посмотрев на часы на ноутбуке, Себастьян делает очевидный вывод:

— Ты покинул территорию школы.

— А разве не все так делают?

— Вообще-то, нет, — он смотрит на меня в легком замешательстве.

— Я... принес тебе ланч, — я опускаю взгляд на пакет в своей руке. — Но сейчас у меня ощущение, будто этим нарушил закон.

Приглядевшись повнимательнее к надписи на пакете, Себастьян говорит:

— Панда Экспресс?

— Ага. Кошмарная еда, знаю.

— Это точно. Но раз уж ты здесь...

Он улыбается. Другого приглашения мне не нужно.

Открыв пакет, я протягиваю Себастьяну контейнер с лапшой и еще один, где курица с апельсинами.

— Тут есть еще креветки.

— Курица подойдет, — открыв упаковку, он стонет, от чего мое тело деревенеет. — Страшно

хочу есть. Спасибо.

Знаете, наверное, да, такие моменты, когда хочется на полном серьезе спросить себя: я на самом деле сейчас здесь? И это не гипербола, а настоящее ощущение выхода за пределы тела на долю секунды. Вот прямо сейчас такое ощущение и у меня. Стоять рядом с ним и чувствовать, как кружится голова.

— Папа называет такую еду Цыпленком-Толстяком, — говорит Себастьян, пока я выдвигаю себе стул и сажусь.

Несколько раз моргаю, пытаюсь заставить мозг работать нормально.

— Я не скажу ему, если и ты не расскажешь.

Себастьян смеется.

— Он ест что-то подобное не реже двух раз в неделю, так что не волнуйся.

Я наблюдаю, как он, отказавшись от палочек, берет вилку и умудряется аккуратно, не испачкав подбородок, отправить лапшу в рот. Себастьян всегда исключительно опрятен: выглядит отглаженным и чуть ли не продезинфицированным. Оглядев себя, гадаю, какое впечатление произвожу я. Неряхой меня не назовешь, но до подобной безукоризненности мне далеко.

Себастьян глотает, и в течение десяти секунд у меня в голове проносятся тысячи порнографических картинок, после чего он привлекает мое внимание вопросом:

— У тебя какие-то дела в кампусе? — спрашивает Себастьян, а затем отправляет новую порцию лапши в рот.

Он прощупывает почву? Неужели думает, что я заявился в университет по какой-то иной причине, кроме как увидеться с ним?

— Был тут недалеко, — прожевав и проглотив кусок, с улыбкой отвечаю я. — И решил зайти к вам потанцевать да песни попеть.

В глазах Себастьяна мерцают огоньки. Кажется, он не против, что я не мормон, — надо мной можно подшутить.

— Круто.

Я смотрю в сторону окон, выходящих на главный двор.

— А тут всегда... празднуют?

— Нет, но довольно часто.

С ухмылкой я подаюсь вперед.

— Кто-то сказал «Твою мышь», представляешь!

— А что еще им остается говорить?

Он опять прикалывается надо мной. Наши взгляды встречаются. Его глаза зеленые с золотистым и с тонкими лучами коричневого. Когда смотрю в них, у меня появляется ощущение, будто я прыгнул со скалы в океан, но понятия не имею, насколько там глубоко.

Наконец Себастьян снова опускает взгляд на свой ланч.

— Извини, что в прошлый раз так внезапно ушел.

— Все нормально.

Поначалу я изо всех сил ищу предмет разговора, но потом замечаю, что он не может поднять на меня взгляд и что его щеки вспыхнули красным... Это так о многом говорит.

Между нами что-то действительно происходит. *Мать вашу.*

Этажом ниже раздается низкий голос пожилого мужчины:

— Добрый день, Брат Кристенсен.

В ответ этот Кристенсен что-то вежливо бормочет, и по мере того как они уходят из атриума, их голоса стихают.

— Погоди-ка, — меня осеняет, и я смотрю на Себастьяна. — Ты уже старейшина?

Проглотив, он отвечает:

— Нет.

Это просто потрясающе.

— Себастьян Бразер. То есть ты будешь Брат Бразер [фамилия Себастьяна Brother — в переводе «брат» — прим. перев.].

Он радостно улыбается.

— Я всю жизнь ждал, чтобы кто-нибудь пошутил на эту тему. Прихожане церкви для такого слишком вежливы.

Я медлю, не в состоянии правильно понять искры в его глазах.

— Ты сейчас прикалываешься надо мной?

— Ага, — не знаю, насколько это возможно, но его улыбка становится еще шире и западает прямо в душу, после чего он разражается хохотом. — Но я думаю, будет еще смешней, когда Лиззи станет Сестрой Бразер.

— А она считает это смешным?

— Ага. Как и все мы, — сделав паузу, Себастьян задерживает на мне взгляд чуть дольше обычного, будто именно он пытается что-то во мне понять, а не наоборот, после чего склоняется над едой.

Кажется, я тут сильно дал маху. У меня сложилось довольно странное представление о мормонах как о вкрадчивом тайном зле. И мне кажется нереальным, что они могут посмеяться над собой.

— Я веду себя как мудак, — когда слово бесконтрольно срывается с языка, я морщусь, будто выругался в храме.

Себастьян качает головой и проглатывает еду.

— Что? Нет.

— Просто я не...

— ...знаком с Церковью, — заканчивает он вместо меня. — Как и большинство людей.

— Большинство людей как раз *наоборот*, — возражаю я. — Мы ведь живем в Прово.

Он внимательно смотрит на меня.

— Таннер, я знаю, что мир одним Прово не ограничен. И все мы это понимаем. Кроме того — говорю сейчас без претензий — не мормоны наверняка рассказывают друг другу о Церкви далеко не лучшее. Я ведь прав?

— Пожалуй, да, — я опускаю голову и вонзаю вилку в почти нетронутый ланч. Себастьян заставляет меня нервничать — в лучшем из смыслов: когда от волнения кружится голова. А в момент, когда я поднимаю голову и смотрю на его лицо, мою грудь сдавливает изнутри, и становится почти больно. Внимание Себастьяна сосредоточено на еде, так что у меня есть несколько секунд поглазеть на него самым бесстыдным образом.

В заполненной мыслями голове до меня пытается докричаться слабый голосок: *он мормон. Это обречено на провал. Отступай. Отступай!*

Я смотрю на линии его челюсти и шеи и на слегка виднеющиеся в расстегнутом воротнике ключицы.

У меня слюнки текут.

— Еще раз спасибо за ланч, — говорит Себастьян, и я резко поднимаю взгляд, а по блеску в его глазах понимаю, что попался.

— Ты правда никогда не убегал из кампуса? — совершенно без перехода спрашиваю я.

Жуя, он мотает головой.

— Часть меня хочет, чтобы ты плохо себя повел, хотя бы чуть-чуть.

Черт.

Что я сейчас ляпнул?

Себастьян смеется, кашляет из-за проглоченного большого куска курицы и пьет воду из бутылки, стоящей на столе.

— Один раз я все-таки убежал.

Кивком я даю ему понять, чтобы он продолжал, а сам затыкаю себе рот едой в надежде, что это успокоит беснующиеся внутренности и ошалевший мозг.

— В прошлом году у меня была запись к ортодонту, а когда вернулся, шла середина занятия. После которых по плану было собрание, а потом обед, и... — Себастьян качает головой и снова заливается этим чертовым румянцем, — ...я понял, что искать меня никто не будет. И что у меня есть три часа, в которые можно заняться чем угодно.

Я проглатываю крупную креветку, и это больно. Хочу, чтобы он рассказал, как отправился домой и гуглил фотки целующихся парней.

— Я пошел — один! — в кино и съел целую пачку лакричных конфет, — Себастьян наклоняется ко мне и дразняще на меня смотрит. — А еще пил *Кока-колу*.

Мой мозг завис. И не может выбрать, какую эмоцию запустить: умиление или замешательство. Господи боже, вот, значит, как себя ведет Себастьян-плохиш?

Глядя на меня, Себастьян качает головой, и внезапно до меня доходит, *кто* из нас двоих на самом деле наивный. А когда он откидывается назад и смеется, я осознаю, что попался. И не осталось ничего от меня прежнего.

Я не могу его понять. Он неуловим.

Я не знаю, о чем он думает и подшучивает ли надо мной, или же он на самом деле настолько правильный, но у меня еще никогда не возникало такой жгучей потребности податься вперед и, прижавшись губами к шее, умолять об ответном желании.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

В полном оцепенении я еду домой, практически не в состоянии вспомнить, что было после ланча. Уроки прошли как в тумане. Потом допоздна помогал Отем с домашним заданием по матану, но не уверен, что был сильно полезен — как и в том, правильными ли будут ответы.

Я снова и снова прокручиваю в голове разговор с Себастьяном и каждый раз задаюсь вопросом: действительно ли он был рад меня видеть или мне просто хотелось так думать? Мы с ним флиртовали... *кажется*. А при мысли о том, как хороший мальчик Себастьян сбежал с занятий ради чего-то, для него недопустимого, в моем мозгу происходит серьезная авария.

Еще я пытаюсь заранее справиться с тем, что на следующей неделе Себастьяна на занятиях не будет. Учиться мне всегда нравилось, но его присутствие на Семинаре делало этот семестр более сносным.

В голову приходит мысль, и я тут же хватаюсь за телефон.

«А ты сможешь переписываться со мной во время поездки?»

Я почти сразу сожалею, что отправил такое сообщение, но терять мне, в общем-то, уже нечего. К счастью, мои метания почти сразу сводятся на нет, когда экран светится от пришедшего ответа:

«Я буду работать со своим редактором и еще не в курсе графика, но да, постараюсь».

Выйдя из машины и захлопнув дверь, я иду к дому. Все еще глядя на экран телефона и улыбаясь, захожу на кухню. Уже переодетая в яркую пижаму с радугой, мама стоит у раковины и моет посуду.

— Привет, милый.

— Привет, — убрав телефон, отвечаю я. Снимаю куртку, но, поскольку все еще витаю в своих мыслях, роняю ее дважды, прежде чем повесить. — Ты что-то рано.

— Скажем так, мне сегодня нужен бокал вина, — отвечает мама, затем закрывает посудомоечную машину и машет рукой в сторону холодильника. — Я оставила тебе поесть.

Поцеловав ее в щеку и поблагодарив, я иду к холодильнику. Особого голода я не чувствую — одних воспоминаний о ланче с Себастьяном достаточно, чтобы в желудке стартовали американские горки — но если не поем, то закроюсь у себя и, одержимо перечитывая нашу переписку, устрою совсем другой аттракцион. Что, кстати, произойдет в любом случае — давайте не строить иллюзий.

На обернутой в пищевую пленку тарелке красуется записка «ТЫ МОЯ ГОРДОСТЬ И РАДОСТЬ». С улыбкой снимаю ее, но уверен, что мой взгляд сейчас слишком безумный.

Мама наблюдает за мной, сидя у противоположной стороны кухонного островка.

— Ты выглядишь немного... на взводе. Все в порядке?

— Ага, вполне, — она не сводит с меня глаз, пока я нагреваю еду и наливаю попить. — Что у тебя случилось на работе?

Мама встает, обходит стойку и наклоняется, готовая ответить. У меня в кармане вибрирует телефон. Как и всегда в такое позднее время, это смс от Отем.

Но еще и от Себастьяна.

«Спасибо за ланч, кстати».

«У меня был не лучший день, но ты все изменил».

«Спокойной ночи, Таннер».

Вагончики моих внутренних американских горок добрались до самой высокой точки и рванули вниз.

— Таннер? — сняв с запястья резинку, мама собирает волосы в хвост.

Я отрываю взгляд от экрана.

— Что?

Медленно кивая, она наливает себе бокал вина и зовет меня за собой.

— Давай поговорим.

Черт. Я спросил, как прошел ее день, а потом перестал слушать. Оставляю телефон на кухонной стойке и иду в гостиную.

Подобрав под себя ноги, мама устраивается в огромном мягком кресле и смотрит, как я сажусь.

— Ты знаешь, я люблю тебя.

Я внутренне морщусь.

— Знаю, мам.

— И я так горжусь, когда вижу, каким мужчиной ты становишься, что меня почти разрывает от радости.

Я киваю. Мне повезло, это факт. Но бывают моменты, когда такое обожание ощущается... чрезмерным.

Мама наклоняется вперед и смягчает голос.

— Я просто беспокоюсь о тебе, дорогой.

— Прости, что не слушал, когда ты рассказывала о работе.

— Дело не в этом.

Это я прекрасно понимаю.

— Мам, Себастьян всего лишь мормон, а не социопат.

Мама саркастически приподнимает бровь, явно готовая язвительно пошутить, но сдерживается. И я безумно рад, что она не стала этого делать. Мою грудь обжигает от готовности его защищать.

— Но отношения между вами по-прежнему платонические или...

Я напрягаюсь всем телом. У нас в семье спокойно обсуждают любые темы, но мне сложно забыть выражение их лиц в тот день за ужином и пришедшее в тот момент осознание, что у них существует весьма четкое представление, с каким парнем я должен быть: с кем-то вроде нас.

— Что, если чувства у меня к нему более чем платонические?

Кажется, мое признание маме слышать больно, но все же она медленно кивает.

— Не удивлена.

— Мы виделись с ним во время ланча.

Я замечаю, как мама подавляет свою реакцию, словно проглатывает полный рот густого сиропа от кашля.

— Ты ведь не против, да? — спрашиваю я.

— Что ты ушел за территорию школы? — она откидывается на спинку и изучающе всматривается в меня. — Не особенно. Но я знаю, что все сбегает, поэтому в этом случае готова снизить планку. Насчет твоей сексуальности? Полностью за. Никогда не беспокойся о моем и папином отношении к этому, хорошо?

Я отлично понимаю, что реальность большинства квиров не такая. Мне просто бесконечно повезло.

— Хорошо, — хриплым от эмоций голосом отвечаю я.

— Но не буду ли я против твоих отношений с мормонами — парнями *или* девушками? — мама качает головой. — Да, Таннер, буду против. Хочу оставаться честной с тобой. Возможно, это мое слепое пятно, и многого я недопонимаю, но ситуация меня сильно беспокоит.

Моя благодарность тут же увядает.

— Чем это отличается от слов других родителей, когда те запрещают встречаться с парнями?

— Это *совершенно* другое. Помимо сотни других причин, ходить в церковь — это выбор. А быть бисексуальным — нет. Ты просто такой. И мне важно защитить тебя от токсичного влияния церкви.

В ответ я смеюсь.

— А родители Себастьяна защищают его от попадания в ад.

— Так не бывает, Танн. Церковь СПД никому адскими муками не грозит.

Я начинаю выходить из себя.

— А откуда мне знать, о чем вообще говорит Церковь СПД? — повысив голос, интересуюсь я. — Ты нас как-то не спешишь просветить насчет того, во что они *на самом деле* верят и как у них все устроено. Все, что я от тебя слышал о мормонах, — это про их ненависть к геям, ненависть к женщинам, *ненависть, ненависть, ненависть...*

— Таннер...

— Но я не чувствую, чтобы мормоны кого-то ненавидели. Эта ненависть исходит *от тебя*.

Ее глаза округляются, и, отвернувшись, мама делает глубокий вдох.

О черт. Я зашел слишком далеко.

Будь мама пожестче, она бы сейчас встала и отвесила мне подзатыльник. По тому, как

напряжены ее плечи, я понимаю, что она изо всех сил сейчас себя успокаивает.

Но мама не жестокая, она нежная и терпеливая, и никогда не ведется на мои провокации.

— Таннер, милый. Мои отношения с Церковью гораздо сложнее, чем ты можешь себе представить. И если тебе хочется их обсудить, я готова. Но сейчас я волнуюсь за тебя. Ты всегда действовал под влиянием чувств, а голову включал уже позже, но я хочу попросить тебя подумать вот о чем, — снова поджав под себя ногу, мама говорит: — вы с Себастьяном совершенно разные, и ваша ситуация не похожа на то, через что прошли мы с твоим папой или тетя Эмили, но при этом она не так уж сильно и отличается. Полагаю, его родители не знают, что он гей?

— Даже я не знаю, гей он или нет.

— Тогда давай чисто гипотетически предположим, что ваши с ним чувства взаимны. Тебе ведь известно, да, что Церковь допускает чувства к человеку одного с тобой пола, но только не действия?

— Да.

— Готов ли ты быть с Себастьяном, не имея возможности прикоснуться? — вопрос риторический, поэтому мама продолжает: — А если нет, готов ли оставаться его секретом? Встречаться так, чтобы его родители не знали? Что, если отношения внутри их семьи такие же близкие, как и у нас? Как ты себя почувствуешь, если они отлучат его от Церкви из-за отношений с тобой? — на этот раз мама ждет моего ответа, но я совершенно не представляю, что сказать. Это все равно что бежать впереди паровоза. — Что ты почувствуешь, если ему придется разорвать отношения с общиной или если вы оба искренне полюбите друг друга, но в конце концов он выберет Церковь, а не тебя?

Я пытаюсь отшутиться:

— Мы всего лишь переписываемся, и то редко. Я еще не готов делать предложение руки и сердца.

Мама видит меня насквозь, поэтому терпеливо и грустно мне улыбается.

— Я понимаю. Но мне еще не доводилось видеть, чтобы ты так сильно был кем-то поглощен, а из-за всех этих волнительных первых шагов друг к другу трудно задумываться о последствиях. Так что моя работа — подумать об этом за тебя.

Я тяжело сглатываю. Одна часть моего мозга логично утверждает, что в маминих словах есть смысл, но другая настаивает, что наша с Себастьяном ситуация не совсем такая. И что я справлюсь.

Хотя у мамы были исключительно добрые намерения, все равно мои мысли о Себастьяне стали похожи на взбесившийся поезд: без машиниста и с полыхающим огнем мотором.

Но уже поднявшись к себе, я смог достаточно успокоиться и понять, что она поделилась куда большим, чем мне поначалу казалось. Я знаю, насколько опустошенной чувствовала себя тетя Эмили, когда, набравшись смелости, рассказала о себе родителям, а те ответили, что в их доме ей больше не рады. И знаю, как после этого она несколько месяцев она жила на улице, а затем переехала в приют, но даже там ее не приняли. Тогда она попыталась покончить с собой.

Для мамы это стало последней каплей. Она бросила учебу в Университете Юты и взяла Эмили с собой в Сан-Франциско. Там мама поступила в UCSF [Калифорнийский Университет в Сан-Франциско — прим. перев.] и стала работать в ночные смены в 7-Eleven, чтобы обеспечивать обеих. Учиться в магистратуре мама уехала в Стэнфорд, а Эмили получила степень в Беркли.

Их родители — мои бабушка с дедушкой, живущие сейчас где-то в Спокане — вычеркнули из своей жизни обеих дочерей и никогда не пытались их найти.

Мама пытается делать вид, что ей уже не больно, но разве такое возможно? Я не представляю себе жизнь без родных, пусть даже время от времени они сводят меня с ума. Выгонят ли Себастьяна его родители? Откажут ли они от него?

Господи, все становится еще более напряженно, чем я ожидал. Думал, это будет кратковременное увлечение. Любопытство. Но сейчас я уже по уши. И понимаю, что мама не ошибается, считая мое стремление быть с Себастьяном ужасной идеей.

Может, даже хорошо, что он едет в Нью-Йорк.

В выходные я отправляюсь навестить Эмили и Шивани, и — так странно — даже не чувствую желания написать Себастьяну. Уверен, мама обо всем рассказала тете Эмили, потому что та пару раз пытается завести со мной разговор про «личную жизнь», но я увильваю. Если уж мама напряжена из-за сложившейся ситуации, то Эмили практически вибрирует.

Мы идем на какой-то странный арт-хаусный фильм о женщине, выращивающей коз, и где-то на середине я клюю носом. Тетя и Шивани отказываются налить мне за ужином вина, а я интересуюсь, в чем тогда выгода иметь в родне двух еретичек. В воскресенье мы с Эмили часа четыре к ряду играем в пинбол в гараже, а потом, съев не меньше семи тарелок фирменного нутового карри Шивани, я еду домой, чувствуя себя невероятно круто после времени, проведенного с родными.

Поразительно, насколько расстояние и возможность взглянуть на все со стороны проветрили мои мозги.

Но на следующей неделе Себастьян появляется на занятиях в темно-серой хенли с расстегнутой верхней пуговицей и закатанными до локтей рукавами. Перед моим взглядом открывается карта мышц и вен, гладкая кожа и его изящные ладони... И как мне со всем этим быть?

Кроме того, кажется, он рад взглянуть на мои первые несколько страниц. Даже смеется над упоминанием кошачьего постера Отем, а потом с тонко завуалированным любопытством интересуется, будет ли моя книга автобиографичной.

Можно подумать, он и сам не знает.

В его глазах застыл вопрос — *А обо мне там есть?*

Зависит от тебя, — молча отвечаю я.

В общем, эти мои «расстояние» и «возможность взглянуть на все со стороны» долго не продержались.

У меня было мимолетное влечение к Мэнни, когда мы только познакомились — и даже один или два момента наедине, позволившие мне пофантазировать, на что могут быть похожи отношения с ним — но долго это не продлилось, и мое внимание переключилось на кого-то другого. Мне нравится целоваться с парнями. Нравится целоваться и с девушками. Но что-то мне подсказывает, что поцелуй с Себастьяном вызовет во мне пожар похлеще упавшему прямо посреди поля сухой травы бенгальскому огню.

Если не считать встреч в школе и просмотра фоток с едой в Снэпчате, в последнее время я редко вижу с Отем. А когда однажды вечером она заходит к нам, мама даже не скрывает, насколько рада ее видеть, и приглашает остаться. Потом, словно в старые добрые времена, мы с Одди поднимаемся ко мне.

Лежа на кровати, я анализирую собранные за день короткие заметки и пытаюсь включить их в новую главу, в то время как Отем копается в моей одежде и рассказывает последние школьные сплетни.

Знаю ли я, что на прошлой неделе во время учительской игры в баскетбол Маккензи Гобл

сделала минет Девону Николсону на балконе тренажерного зала?

Слышал ли я, что кто-то из ребят пробрался на потолочную плитку туалета и поверху дошел до раздевалки для девочек?

А что Мэнни пригласил на выпускной Сэйди Уэймент?

Это привлекает мое внимание, и, подняв голову, я вижу, что Отем стоит одетая в мою футболку. Мои родители придерживаются строгой политики держать дверь открытой, когда ко мне кто-то пришел — неважно, парень или девушка, — но, кажется, на Отем это не распространяется. Что особенно смешно, ведь пока я возился со своими заметками, она раздевалась и примеряла мою одежду.

— У меня вылетело из головы, что уже пора думать о выпускном.

Ее взгляд говорит мне, что я страшно торможу.

— Осталось меньше четырех месяцев. На прошлой неделе я говорила с тобой на эту тему, пока мы ехали в машине.

Я сажусь.

— Правда?

— Ага, — она смотрит на себя в зеркало и одергивает подол футболки. — У меня такое чувство, будто ты меня перестал слушать.

— Нет. Извини, я просто... — я откладываю стопку своих заметок в сторону и полностью поворачиваюсь к ней. — Я погрузился в написание книги и плохо замечаю остальное. Напомни, что ты говорила.

— О, — раздражение Одди полностью исчезает. — Я спросила тебя, не хочешь ли ты пойти со мной, и тогда нам не придется делать из этого большое событие.

Ой. Ну я и придурок. По сути, она пригласила меня на выпускной, а я ничего не ответил. Даже не потрудился это обдумать. Мы с Отем часто ходили вместе потанцевать, когда ни у кого из нас не было пары. Но то было раньше.

До Себастьяна, что ли?

Я полный идиот.

Она изучающе смотрит на меня в зеркало.

— Ну, то есть, если только у тебя нет в планах пригласить кого-нибудь еще.

Я отворачиваюсь, чтобы Одди не видела мои глаза.

— Нет. Кажется, я просто забыл.

— Забыл о выпускном? Таннер! Это же наш последний год.

Неопределенно хмыкнув, я пожимаю плечами. Оставив в покое мой шкаф, Отем садится на край кровати рядом со мной. У нее голые ноги, а моя футболка доходит ей лишь до середины бедра. В такие моменты я понимаю, насколько легче была бы моя жизнь, если бы мои чувства по отношению к Отем были бы такими же, что и к Себастьяну.

— Уверен, что не хочешь позвать кого-то еще? Сашу? А как насчет Джеммы?

Я морщю нос.

— Они обе мормонки.

Ха, оцените иронию.

— Да, но они *классные* мормонки.

Я притягиваю Одди к себе.

— Давай оставим так, а потом решим. Я все еще не теряю надежду, что Эрик возьмет себя в руки и спасет твое честное имя. Это же наш последний год, ты сама ведь так сказала. Не хочешь, чтобы выпускной все-таки стал важным событием?

— Я не хочу... — нерешительно начинает она, но я тяну ее на себя, а потом перекаत्याю на бок и щекачу. Отем визжит, хохочет и обзывает меня по-всякому, и только когда Хейли стучит

кулаком в стену, а папа снизу кричит, чтобы мы вели себя потише, я отодвигаюсь от нее, радуясь, что тема выпускного благополучно забыта.

С приближением нового времени года дни становятся длиннее, а жить гораздо легче. Если не считать редкие прогулки и катание на лыжах, все мы в течение нескольких месяцев почти не проводили время на улице. Это сводило с ума и оставляло слишком много свободного времени на размышления. К середине февраля я так устал от своей комнаты, дома и школы, что когда наступил первый по-настоящему теплый день, я готов буквально на что угодно, лишь бы побыть на улице.

Каждый день снег понемногу отступал от тротуаров, до тех пор пока не осталось несколько островков на лужайке.

Отец оставил мне грузовик, прицеп и список дел, который в субботу утром прикрепил к холодильнику. Отбуксировав нашу лодку к подъездной дорожке, я снял с нее брезент и стряхнул чешуйниц. Внутри темно и грязно, так что я пытаюсь сообразить, как много работы мне предстоит. До спуска лодки на воду еще несколько месяцев, но ей нужен серьезный уход.

Подъездная дорожка вся в лужах талого снега. Вперемешку с машинным маслом с улицы и кучкой листьев и веток все это выглядит отвратительно, но я знаю, что меня ждет впереди: много солнца, прогулок и барбекю по выходным. На апрель у нас в планах замена обивки сиденья в лодке и напольного покрытия, поэтому я начинаю вытаскивать все старье и отскребать клей. Не назвал бы это занятие приятным, но поскольку настоящей работы у меня нет, а бензин сам себя не купит, я делаю то, что велел отец.

Приношу все, что мне может понадобиться, и расстилаю на траве еще один большой кусок брезента, чтобы было легче оттащить мусор. Вытащив сиденье рулевого, я слышу шуршание велосипедных шин и тихий визг тормозов на подъездной дорожке позади себя.

Обернувшись, вижу прищурившегося от солнца Себастьяна.

Вне Семинара мы не виделись уже две недели, что вызывало во мне странную и будто пронзающую насквозь боль.

Выпрямившись, я подхожу к краю палубы.

— Привет.

— Привет, — с улыбкой отвечает Себастьян. — Чем ты тут занят?

— Зарабатываю себе на жизнь, как видишь. Думаю, вы это называете «служение», — сымитировав пальцами кавычки, говорю я.

От его смеха в животе все сжимается.

— Служение означает скорее «помощь другим людям», — Себастьян тоже делает кавычки пальцами, — а не, — снова кавычки, — «починить крутую лодку отца», но допустим.

Ни фиги себе, он меня передразнивает. Я показываю на мусор, горой валяющийся на брезенте.

— Видишь этот кошмар? Не особенно круто.

Себастьян оглядывает бок лодки.

— Ага, продолжай себя в этом убеждать.

Сев на корточки, я оказываюсь в нескольких сантиметрах от его лица.

— Ну а ты что тут делаешь?

— Я работаю репетитором неподалеку. Решил зайти.

— То есть ты учишься в универе, пишешь книгу, работаешь помощником учителя, да еще и репетитором? Я точно *лентяй*.

— Не забудь про церковные мероприятия и служение, — сделав шаг назад, Себастьян с

горящими щеками отводит взгляд. — Но на самом деле я не был поблизости.

Моему мозгу требуется некоторое время, чтобы из точки А добраться до точки Б, а когда приходит понимание — он приехал сюда специально ради меня! — я чуть не спрыгиваю вниз и не заключаю его в объятия.

Но, конечно же, останавливаю себя. Я вижу, как Себастьян сжимает руль и что ему не совсем комфортно от собственного признания, и во мне расцветает надежда. Вот так мы сами себя и выдаем: еле заметным дискомфортом и другими реакциями, которые не можем скрыть. Отчасти поэтому и страшно жить здесь, имея мои сексуальные предпочтения, о которых известно только за закрытыми дверями. На людях я могу выдать себя движением губ в ответ на слово «пидор», или если посмотрю на кого-нибудь слишком долго, или обнимусь с парнем, сделав это как-нибудь неправильно.

Или буду нервничать, только потому что решил зайти в гости. Как Себастьян.

Возможно, я всего лишь проецирую и выдаю желаемое за действительное, но все равно хочу спуститься вниз и, мягко отцепив от руля его руки, просто держать их в своих ладонях.

Но вместо этого решаю пошутить:

— Не думай, будто я не заметил: ты промолчал, когда я назвал себя лентяем.

Его плечи заметно расслабляются, и Себастьян отпускает руль.

— Я не имел в виду ничего такого, просто...

— Тогда можешь перестать меня донимать и подняться сюда, чтобы помочь.

Он кладет велосипед на траву, снимает куртку и удивительно легко запрыгивает на прицеп, а потом и палубу лодки.

— Сейчас я покажу тебе, что значит служить людям.

Меня так и тянет пошутить насчет служения, но предпочитаю отмолчаться.

Поставив руки на пояс, Себастьян оглядывается по сторонам.

— Что тут нужно сделать?

— Надо вытащить сиденья и оторвать старое напольное покрытие. О, и отскрести клей. Спорим, ты уже пожалел, что такой хороший и отзывчивый человек, — я даю ему свои перчатки и несколько секунд просто смотрю на Себастьяна. Одежда на нем сидит просто идеально — ни одной складочки, ни единой пылинки. Еще недавно он явно был на солнце, потому что кожа покрыта легким загаром.

— Не нужно мне отдавать свои, — говорит Себастьян и протягивает перчатки мне назад.

— В гараже есть еще.

Себастьян кивает, и я спрыгиваю вниз, после чего, отдышавшись секунду, не спеша иду в гараж и возвращаюсь обратно к лодке. Если бы я внял маминому совету, то вот она — идеальная возможность поговорить о границах и о том, что он знает обо мне то, чего не знает больше никто. И что между нами ничего не будет.

Скоро, говорю я себе. Скоро я ему все скажу. Наверное.

Нам удастся вытащить еще одно переднее сиденье вместе со скамейкой. Сейчас на улице точно больше пятнадцати градусов — рекордно много для этого времени года — и к моменту, как расправились с покрытием, мы оба вспотели.

— Не пойми меня неправильно, — говорит Себастьян, — но почему твой отец заставил тебя этим заниматься, когда мог бы... не знаю... — виновато опустив голову, он смотрит в сторону моего дома, — нанять кого-нибудь?

Я тоже смотрю на дом. Наш район, пожалуй, самый красивый в этой части Прово. У домов длинные извилистые подъездные дорожки. Рулонные газоны. У каждого есть цокольный этаж, а у многих и пристройки над гаражом. Это правда, мои родители хорошо зарабатывают, но они не транжиры.

— Мама сэкономит везде, где только сможет. И рассуждает она примерно так: она уже позволила папе купить лодку, так что нанимать кого-то для ухода за ней — это слишком.

— В точности, как моя мама, — говорит Себастьян, посильней ухватившись за все никак не желающий поддаваться кусок покрытия и потянув его на себя. Наконец раздается треск. — Я про сэкономить, — уточняет Себастьян. — Ее девиз — «Доешь до корки, заноси до дырки, есть — в дело пусти, нет — пропусти».

— Ой, только, пожалуйста, при маме моей так не говори. Она обязательно сделает себе футболку с этой надписью.

Или наклейку на бампер.

Оторвав наконец кусок покрытия, Себастьян встает и отбрасывает его на брезент. Тот громко приземляется, подняв столб пыли. Тыльной стороной ладони Себастьян вытирает лоб.

Преступно не любоваться таким зрелищем, но я все же заставляю себя оторвать взгляд от его торса.

Посмотрев по сторонам, Себастьян оценивает размеры разрушений.

— И все же. Старая или нет, но лодка отличная.

— Это да, — я встаю, а потом спрыгиваю на дорожку. Родители еще не вернулись, и пригласить его в дом кажется страшно заманчивой идеей. — Хочешь чего-нибудь выпить?

— Еще как.

Себастьян идет за мной через гараж в дом. Войдя на кухню и открыв холодильник, я радуюсь прохладному воздуху, пока осматриваю запасы.

Папа сейчас в больнице, а мама с Хейли поехали по магазинам. Это замечательно, но заставляет меня осознавать особенно остро, что мы с Себастьяном тут одни.

— У нас есть лимонад, Кола, диетическая Кола, витаминная вода, кокосовая вода...

— Кокосовая вода?

— Ее любит мама после тренировки. Лично мне кажется, что на вкус она как солнцезащитный крем.

Себастьян подходит и встает позади меня, чтобы тоже заглянуть в холодильник, и мне сразу становится трудно дышать.

— Странно, что они не кладут тубик в упаковку этой воды в качестве бонуса, — когда он смеется, я чувствую, как его грудная клетка вибрирует.

Я не в порядке. Совсем.

Себастьян покашливает.

— Мне витаминную воду.

Достав две бутылки, я одну протягиваю ему, а свою прикладываю к лицу, когда он отворачивается.

— Твой отец врач? — оглядевшись по сторонам, спрашивает Себастьян. Я наблюдаю, как он отвинчивает крышку и, поднеся бутылку к губам, жадно пьет. Мое сердце бьется в такт каждому глотку...

...раз,

...два,

...три.

...и я уверен, что не смогу снова начать дышать, до тех пор пока не вдохнет он.

— Ага. В долине Юты, — я поворачиваюсь лицом к холодильнику и надеюсь, что мой голос не кажется хриплым. — Хочешь что-нибудь поесть?

Себастьян подходит ко мне.

— С удовольствием. Не возражаешь, если я помою руки?

— Да, хорошая идея.

Стоя бок о бок у раковины, мы намыливаем и ополаскиваем руки. А когда я тянусь за полотенцем, наши локти и бедра сталкиваются. Это всего лишь бедро, но за долю секунды мое воображение рисует бедренные кости и то, что находится между ними. Сказать, что я извращенец, — это сильно преуменьшить.

Сообразив, что стою сейчас у раковины и думаю о бедрах Себастьяна, я вручаю ему полотенце и снова иду к холодильнику.

— Сэндвичи подойдут?

— Да, спасибо.

Достаю мясную нарезку, сыр и все остальное, что может пригодиться, хватаю тарелки и выуживаю ножи из посудомоечной машины. Себастьян уже сидит на барном стуле. Толкаю в его сторону упаковку хлеба.

— Как продвигаются дела? — вскрыв полиэтиленовый пакет, он раскладывает хлеб по тарелкам.

— Дела?

Себастьян смеется и наклоняется ко мне.

— Ну, знаешь, твоя книга. Для Семинара, в котором ты участвуешь. Помнишь?

— Книга, точно, — упаковка нарезки не вскрыта, поэтому она требует немного моего внимания, а значит, у меня есть секунд десять на отсрочку ответа. — Отлично.

Себастьян удивленно приподнимает брови.

— Отлично?

В последнее время я писал только о тебе, но мне стоит продолжать помалкивать. Неловкость между нами нам совсем не нужна.

— Ну да, — пожав плечами, отвечаю я, под тяжестью его внимания не имея сил придумать что-то большее. — Я чувствую себя довольно уверенно.

Себастьян отрывает себе лист салата и аккуратно кладет на хлеб.

— Ты дашь мне прочитать?

— Да, конечно, — вру я.

— Сейчас?

Мой ответ звучит чересчур резко:

— Нет. Не сейчас, потом.

— На следующей неделе можешь зайти ко мне после школы, и мы вместе поработаем над написанным.

Глоток воды во рту внезапно превращается в камень.

— Правда?

— Конечно. Как насчет пятницы?

Это значит, у меня есть почти неделя на правки.

— Хорошо.

— Принеси мне первые главы, — глаза Себастьяна сверкают.

В моем распоряжении чуть больше пяти дней, чтобы отредактировать написанное. Как минимум изменить имена. Может быть, переделать ее из дневника в роман.

Господи, дай мне сил.

Какое-то время мы молча едим, передавая друг другу пакет чипсов, после чего открываем две безкофеиновых Колы — какой скандал! Затем Себастьян встает и подходит к холодильнику посмотреть прикрепленные там фотографии.

— Классное фото, — наклонившись, чтобы получше рассмотреть, говорит он. — Где это? Здание просто безумное.

Фотография была сделана после окончания десятого класса. На ней изображен я на фоне

огромной церкви необычной архитектуры.

— Это Барселона, Собор Святого Семейства.

С вытаращенными глазами Себастьян поворачивается ко мне.

— Ты был в Барселоне?

— У папы там проходила крупная конференция, и он взял нас с собой. Было круто, — встав у Себастьяна за спиной, я протягиваю руку через его плечо и показываю на фотографию. — С каждой стороны он разный. Я стою у фасада страстей Христовых. А в этих башнях, — показываю на каменные конусы, вздымающиеся к облакам, — есть лифт на самый верх.

— У тебя здесь такое выражение лица, — смеется Себастьян, — будто ты знаешь нечто, о чем не догадывается тот, кто тебя фотографирует.

Я стою так близко, что вижу веснушки на одной стороне его носа и как ресницы почти касаются щек, когда Себастьян моргает. Меня так и тянет рассказать ему, что во время поездки я встречался с парнем, приехавшим на конференцию с родителями. Его звали Дакс, и он был вторым парнем, с которым я целовался. Мы слиняли с ужина, где была куча врачей со своими семьями, и целовались до ноющих губ.

Так что да, я знаю кое-что, о чем не догадывался тот, кто меня снимал. Маме с папой я рассказал про Дакса несколько месяцев спустя.

Мне хочется признать, что Себастьян прав, лишь бы увидеть его реакцию.

— Я боюсь высоты, — произношу я вместо этого. — Поэтому чуть не брякнулся в обморок, когда родители объявили, что у них есть билеты наверх.

Вздернув подбородок, Себастьян смотрит на меня.

— И ты пошел?

— Ага. Пошел. Кажется, все время держал маму за руку, но справился. Возможно, поэтому я выгляжу гордым собой.

Себастьян возвращается за стойку.

— Однажды мы проехали целых сорок миль до Нефи, — говорит он. — Поэтому можно с уверенностью сказать, что приз за самую крутую историю о путешествиях достается тебе.

Я кашляю от хохота.

— Поездка в Нефи тоже звучит круто.

— В Пейсоне мы посетили храм, а потом наблюдали за реконструкцией старинных тележек вдоль мормонской тропы. Так что... да.

Теперь смеемся мы оба. Я одобряюще кладу руку Себастьяну на плечо.

— Ладно, может, в следующий раз выиграешь ты.

— Сомневаюсь, — он смотрит на меня поверх поднесенной к губам Колы. От его улыбки у меня в крови повышается уровень эндорфинов.

— Может быть, когда закончим с лодкой, мы покатаемся.

Он ставит свою банку рядом с тарелкой.

— Ты раньше уже ходил на лодке сам?

— С прицепом я еще машину не водил, но уверен, что с этим точно справлюсь. Ты можешь присоединиться, когда в июне мы отправимся на озеро Пауэлл.

На долю секунды Себастьян меняется в лице, после чего снова надевает свою маску идеального человека.

— Звучит заманчиво.

— Возможно, нам повезет, и озеро уже совсем скоро прогреется, — добавляю я. — К началу лета, например.

Интересно, ему видно, как мое сердце стучится о ребра?

— Надеюсь.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Все выходные я только тем и занимаюсь, что судорожно нахожу в тексте имена «Таннер», «Танн» и «Себастьян» и меняю их. Таннер становится Колином. Себастьян — Эваном. Все, с кем я учусь, получают новые среднестатистические имена. Отем превращается в Энни, Фудзита — во Франклина. А вместо Семинара мы посещаем химлабораторию, гордость школы.

Я понимаю, что все это бесполезно. Даже если сохраню книгу в новой версии, где «Колин» интересуется «Иэном», одноклассником-мормоном, изменения все равно сделаны на скорую руку, а потому в лучшем случае неубедительны.

В пятницу после школы с распечатанными четырьмя главами подмышкой я иду от своей машины к двери дома Себастьяна. Готов поклясться под присягой, что их звонок самый громкий в округе. По крайней мере, когда я нажимаю на кнопку, мне кажется именно так. Мое сердце несется вскачь без оглядки, а нервы на пределе, будто прямо на меня несется многотонный грузовик.

Но пути назад нет. Я вот-вот войду в дом Себастьяна Бразера. В дом *епископа*.

На самом деле, мне не впервой приходить в гости к мормонам. Я уже бывал у Эрика, но у него там все по облегченному варианту. Например, где положено висеть портрету Спасителя, красуется фото Эрика этого года. Конечно, в доме есть изображение Храма, но при этом семья Эрика пользуется кофеваркой, как и все цивилизованные люди.

Поэтому отчасти я ощущаю то же предвкушение, что и археолог перед началом крупных раскопок в Египте: в доме Себастьяна сокрыто много неизведанного.

Изнутри доносится звук тяжелых шагов. Они дают понять, что это может быть мистер Бразер, и меня тут же охватывает паника, ведь я недавно постригся и оделся перед приходом сюда во все лучшее. Что, если вместо того чтобы казаться вполне приемлемым таким мормоном, я выгляжу слишком по-гейски?

Что, если отец Себастьяна мгновенно поймет мои истинные намерения и выгонит меня, запретив при этом своему сыну впредь со мной разговаривать?

Паника выходит на новый уровень. Я одет чисто, но без фанатизма; очевидно, что я хочу Себастьяна; мой отец еврей — это все плохо, да? В Прово евреев не так много, но поскольку мы не посещаем синагогу, я раньше и не думал, что из-за этого меня можно назвать аутсайдером. Боже, я даже не знаю, как и когда уместно употреблять слово «завет». Чувствую, что покалывает кожу на затылке и по нему стекает пот, как вдруг дверь распаивается...

Но на пороге стоит Себастьян, зажав подмышкой голову рядом топчущегося мальчика.

— Это Аарон, — говорит он и немного поворачивается, чтобы я смог лучше увидеть его брата. — А это Таннер, — Аарон худощавый и улыбчивый, с мягкими темными волосами: мини-версия старшего брата. Неплохо потрудились, госпожа Генетика.

Аарон отпихивает его и протягивает мне руку.

— Привет.

— Рад познакомиться.

Ему тринадцать, а я стою и гадаю, достаточно ли при первой встрече лишь рукопожатия. Кажется, мормоны с детства обалденно хороши в подобных вещах.

Выпустив его руку, я подавляю порыв извиниться. Ругательства тоже стоит прекратить, даже если они мысленные.

Как будто поняв, что внутри у меня творится тихий Чернобыль, Себастьян подталкивает Аарона назад в дом, а сам жестом предлагает идти за ним.

— Заходи, — говорит он и улыбается. — Ты не загорисься.

Дом внутри аккуратен до безупречности. И здесь все очень, очень по-мормонски. Мне становится интересно, насколько он похож на дом, где выросла мама.

Перед нами гостиная с двумя диванами, стоящими друг напротив друга, пианино и огромной картиной в раме с изображением Храма в Солт-Лейк-Сити. Рядом висит портрет Джозефа Смита [основатель и первый президент Церкви СПД — прим. перев.]. Я иду за Себастьяном дальше по коридору, мимо антикварного комода, где стоят белая статуэтка Христа с раскинутыми в стороны руками и фотографии всех четырех детей и свадебное фото родителей, полностью одетых в белое. Если честно, они выглядят так, словно только что вышли из подросткового возраста. Что примечательно, свадебное платье невесты закрытое до подбородка.

На кухонной стойке ожидаемо нет кофеварки, но, к моему невероятному восторгу, на стене рядом со столом висит большая (примерно 20 на 25 см) фотография Себастьяна, стоящего с улыбкой от уха до уха на зеленой лужайке и держащего в руке Книгу Мормона.

Заметив, что я разглядываю фотографию, Себастьян покашливает.

— Попить хочешь? Рутбир, Hi-C... лимонад?

Оторвав взгляд от фото и повернувшись, чтобы увидеть его во плоти — сильно отличающегося: с более настороженным взглядом, гладкой безо всякого фотошопа кожей и щетиной на челюсти, — я вижу этот уже привычный румянец пятнами. Себастьян смущен или взволнован? Мне хочется изучить все оттенки его румянца и их причины.

— Если можно, просто воду.

Я наблюдаю, как он отворачивается и уходит, после чего возвращаюсь ко всем этим диковинкам в рамках. Например, документ в тяжелой позолоченной раме, называющийся «СЕМЬЯ — ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ МИРУ».

Ничего подобного я раньше не видел. У нас дома к стене был бы прибит какой-нибудь либеральный манифест.

Дохожу до четвертого параграфа, в котором написано, что «священные силы, необходимые для продолжения рода, должны быть использованы лишь между мужчиной и женщиной, являющимися законными супругами», как вдруг Себастьян вкладывает мне в руку стакан холодной воды.

Испугавшись, я чуть не грохнул стакан на пол.

— А это интересно, — стараюсь держать тон нейтральным, говорю я. Во мне спорят два желания: дочитать или каким-нибудь образом развидеть уже прочитанное.

Я начинаю понимать, почему мама хотела уберечь меня от токсичного влияния Церкви.

— Да, на этой странице сконцентрировано много всего, — соглашается Себастьян, но по его интонации мне трудно понять, как он к этому относится. Я обо всем прочитанном знал и до прихода сюда — что секс только для гетеросексуалов, что родители обязаны привить детям «правильные» ценности, что никакого секса до брака, и прежде всего нужно молиться, молиться и еще раз молиться, — но в доме Себастьяна все стало еще более реальным.

А мои чувства — нереальными.

От осознания, что для семьи Себастьяна вера — не всего лишь симпатичная идея, у меня начинает кружиться голова. Они не просто визуализируют некий идеальный мир. И не играют в игру «До чего было бы хорошо, если...» Нет, они искренне и неподдельно верят в этого Бога и в его учение.

Я поворачиваюсь к Себастьяну. Он наблюдает за мной с нечитаемым выражением на лице.

— Ко мне еще ни разу не приходил не мормон, — говорит он. Вот же телепат. — Поэтому мне просто интересно, как ты все это воспринимаешь.

Решаю быть предельно откровенным:

— Мне трудно это понять.

— Интересно, если ты откроешь Книгу Мормона и немного почитаешь, будет ли она говорить с тобой, — Себастьян поднимает руки вверх. — Я тебя не вербую. Просто любопытно.

— Могу попробовать, — говорю я, но пробовать на самом деле *не хочу*.

Себастьян пожимает плечами.

— А сейчас давай сядем и обсудим *твою* книгу.

Напряжение тут же исчезает, и лишь в этот момент по своим расслабившимся мышцам и глубокому вдоху я понимаю, что оно вообще было.

Мы идем в общую комнату, более уютную и менее строгую, чем гостиная в передней части дома. Здесь находится бесчисленное множество семейных фотографий: вместе, парами, поодиночке где-нибудь у дерева, — и на каждой все улыбаются. Причем улыбки эти выглядят искренними. Мои родные тоже на редкость счастливые, но во время нашей последней фотосессии мама угрожала Хейли набить ее шкаф яркими сарафанами, если та не прекратит дуться.

— Таннер, — тихо зовет меня Себастьян. Когда я смотрю на него, он широко улыбается, после чего смеется. — Это действительно так увлекательно?

От его поддразнивания я понимаю, что веду себя как вышедший из пещеры неандерталец.

— Извини. Просто все вокруг настолько благонаравно, что реально мило.

Наклонившись, он качает головой, но улыбаться не перестает.

— Ладно. Давай вернемся к твоей книге.

Да, кстати о моей книге, Себастьян. Она о тебе.

Моя уверенность в себе схлопывается, словно покидает место преступления. Я отдаю ему распечатанные страницы.

— Сомневаюсь, что получилось здорово, но...

В ответ на мои слова Себастьян поднимает голову и с интересом смотрит на меня.

— Сейчас посмотрим.

По крайней мере, хотя бы один из нас настроен оптимистично.

Кивком головы я даю ему понять, чтобы он приступал к чтению. Задержавшись на мне взглядом, Себастьян успокаивающе улыбается, после чего склоняется над страницами. Я слежу за его взглядом, путешествующим по строчкам, а мое сердце в это время словно превратилось в гранату. Бьется уже где-то в горле.

Зачем я на это согласился? Зачем решил переписать все, что касалось Семинара? Конечно же, мне хотелось провести сегодня время с Себастьяном, но не было бы проще оставить написанное в секрете до того момента, когда отношения между нами немного прояснятся?

И едва у меня появилась эта мысль, я понимаю, что мое подсознание уже одержало верх: я хотел, чтобы он искал себя в этих строчках. Здесь так много всего взято из наших реальных разговоров. И сейчас я тут, потому что хочу, чтобы Себастьян сказал мне, которым из объектов желания он хотел бы быть: Эваном или Иэном.

Кивнув, когда закончил, он начинает читать последний кусок снова.

Я никак не ожидал, что он скажет вот это:

— В эти выходные я свободен. Могу помочь.

После его слов аудитория с учениками словно куда-то исчезает, а мое сердцебиение становится просто бешеным.

Думаю, это все-таки ужасная идея. Да, я им увлечен, но беспокоюсь, что если копну глубже, он мне разонравится.

Но это как раз и к лучшему, верно ведь? Мне не повредит выйти за пределы этого класса, чтобы получить ответ на вопрос: можем ли мы хотя бы дружить, не говоря уже о большем?

Боже, мне стоит действовать осторожнее.

Себастьян сглатывает, и я наблюдаю за его шеей.

— Подойдет? — спрашивает он, и мой взгляд возвращается к его глазам.

— Да, — отвечаю я и тоже тяжело сглатываю. На этот раз наблюдает он. — Во сколько?

Себастьян улыбается и возвращает мне распечатанные главы.

— Ну ничего себе.

Ну ничего себе? Я морщусь. Это явно означает нечто ужасное.

— Я чувствую себя идиотом.

— И зря, — говорит он. — Таннер, мне очень нравится.

— Правда?

Себастьян кивает, а потом прикусывает губу.

— Так значит... в твоей книге есть я?

Я мотаю головой. Чека из гранаты уже выдернута.

— Там нет никого из знакомых. Ну разве что Франклин — это очевидный Фудзита. А

Семинар просто используется как структура для сюжета.

Проводя пальцем под нижней губой, Себастьян какое-то время молча на меня смотрит.

— Я думаю... Хм... Я думаю, тут про нас.

Чувствую, как кровь отливает от моего лица.

— Что? Нет!

Себастьян смеется.

— Колин и... Иэн? Или Эван, помощник учителя?

— Книга про Колина и Иэна, другого ученика.

О боже. О боже.

— Но... — начинает он, а потом опускает взгляд и краснеет.

Я изо всех сил стараюсь ничем себя не выдать.

— Что?

Себастьян переворачивает страницу и показывает пальцем.

— Ты тут сделал опечатку в своем имени. Там, где, как я понимаю, должен быть Колин.

Поэтому замена не сработала.

А-А-А! ЧЕРТ!

Опять эта вечная идиотская опечатка.

— Ну ладно, да. Изначально по сюжету должен быть я и условный человек, не кто-то конкретный.

— Вот как? — в его глазах сверкает любопытство.

Я верчу в руке скрепку, державшую листы бумаги.

— Конечно. Я знаю, ты не...

Себастьян открывает другую страницу и показывает мне.

Я бормочу под нос ругательства.

Сложив руки перед собой, Фудзита покачивается на пятках вперед-назад.

— Конечно же, у Себа очень напряженный график, — я мысленно издаю стон: у Себа. —

Но мы с ним считаем, что его опыт может пойти всем вам на пользу. Надеюсь, он вас вдохновит.

Себ. Я заменил только полное его имя.

Только Себастьян собирается что-то сказать — выражение его лица я понять не могу, но он

явно не в ужасе, — как из-за двери доносится голос.

— Себастьян, милый!

Мы оба оборачиваемся. Я готов расцеловать эту женщину за то, что нарушила возникшую чудовищную неловкость. В комнату входит его мама — я узнал ее по фото. Она миниатюрная, с темно-русыми волосами, убранными в хвост, одета в простую рубашку и джинсы. Сам не знаю, почему, но ожидал увидеть карикатурную мормонскую жену в платье в цветочек и с бантом в волосах. Я быстро перестраиваюсь.

— Привет, мам, — с улыбкой говорит Себастьян. — Это Таннер. В этом семестре у него Семинар.

Его мать улыбается и подходит ближе, чтобы поприветствовать меня в своем доме и пожать мне руку. Мое сердце все еще беснуется в грудной клетке, и мне даже любопытно, не выгляжу ли я готовым отключиться. Она предлагает мне перекусить и напитки. Спрашивает, над чем именно мы работаем, на что я и Себастьян, не глядя друг на друга, невнятно мычим что-то про книгу.

Но кажется, наши ответы приняты, поскольку миссис Бразер поворачивается к Себастьяну уже с другим вопросом

— Ты перезвонил Эшли Дэвис?

Словно по собственной воле, его взгляд сначала метнулся ко мне, а уже потом к маме.

— Напомни, кто она?

От прозвучавшего пояснения у меня внутри все сводит.

— Организатор мероприятий, — сделав паузу, мама Себастьяна многозначительно добавляет: — Она организует знакомства для одиночек.

— О. Еще нет.

— Но, — она тепло ему улыбается, — ты только не забудь, хорошо? Я сказала ей, что ты позвонишь. Думаю, уже пора.

Пора? В каком это смысле? Его родители беспокоятся, что в его девятнадцать у Себастьяна нет девушки? Я думал, он и не должен состоять в отношениях, когда уедет на миссию.

Может, они подозревают, что он гей?

Себастьян начинает говорить, но миссис Бразер мягко перебивает его, отвечая тем самым на мои вопросы.

— Я не говорю, что тебе нужно к кому-то привязываться. Просто хочу, чтобы ты узнал... людей, — ха, она про девушек, — так что когда вернешься домой...

— Хорошо, мам, — тихо говорит Себастьян, снова мельком глянув сначала на меня. И улыбается, чтобы сгладить тот факт, что перебил.

Кажется, она довольна его ответом и продолжает:

— А твой рекламный агент уже прислала расписание автограф-сессий?

Поморщившись, Себастьян качает головой.

— Еще нет.

Ее улыбка тает, а на лбу появляется морщина.

— Я беспокоюсь, что у нас будет слишком мало времени, чтобы все скоординировать, — сокрушается миссис Бразер. — Мы еще не оформили твои документы, а предстоит согласовать все с МТС. Если ты уедешь в книжный тур в июне, то времени останется совсем немного. Куда тебя отправят, мы еще не знаем, так что думаю, тебе нужно будет провести в Центре не меньше трех месяцев, перед тем как уедешь.

В любом другом доме столь детальное планирование привело бы к шуточкам про спец-агентов и ручки, превращающиеся в мачете. Но не здесь.

А потом у меня в голове что-то щелкает. Мой мозг сейчас словно мамин старый Бьюик: она всегда какое-то время жала на педаль газа, прежде чем двигатель оживал — эти несколько

секунд были ему необходимы. Мне понадобилось ровно столько же времени, чтобы понять, что Себастьян и его мама говорят про *это лето*.

И что потом он на два года уедет из Прово.

А МТС — это центр подготовки миссионеров [Missionary Training Center — прим. перев.]. Себастьян отправится туда через четыре месяца.

Четыре месяца кажутся вечностью.

— Я спрошу у нее, — отвечает Себастьян. — Мне жаль, что так получается. Но когда в последний раз я интересовался, они сказали, что вышлют расписание тура, как только тот будет готов.

— Просто нам так много нужно сделать до твоего отъезда, — замечает миссис Бразер.

— Я знаю, мам. И я все успею.

Поцеловав его в макушку, она уходит. Комната кажется погруженной в звенящую тишину.

— Извини за эту суету, — говорит Себастьян, и я ожидаю увидеть на его лице напряжение, но когда поднимаю голову, вижу широкую улыбку. Наш неловкий разговор отошел куда-то в сторону. И столь же неловкий разговор с его мамой тоже. — Просто нужно так много всего согласовать. Причем как можно скорее.

— Ага, — я прихватываю свою губу двумя пальцами и гадаю, как задать Себастьяну интересующие меня вопросы, а его улыбка исчезает, когда он видит, как я прикасаюсь к своим губам.

Не знаю, что это за момент, но — как и его реакция на собственное признание, что приехал увидеться со мной, в тот день, когда мы возились с лодкой, — он значит очень и очень многое.

А все потому что улыбка Себастьяна была настоящей, пока он не посмотрел на мой рот, после чего мгновенно испарилась.

Комната заполнена невысказанными чувствами. И они нависли над нашими головами как дождевые тучи.

— Куда ты уезжаешь? — спрашиваю я.

Себастьян встречается со мной взглядом, но улыбки уже не видно.

— О, после книжного тура? Еду на миссию.

— Ну да. Точно, — мое сердце грохочет, как катающиеся по полу мраморные шарики. Не знаю, почему, но я хотел, чтобы он сказал это вслух. — И ты не в курсе, куда тебя направят?

— Думаю, в июле узнаю. Как ты сам уже слышал, нам еще предстоит отправить мои документы, но до релиза книги я это сделать не могу.

Трудно понять миссию, если ты не мормон. Молодые мужчины — реже женщины — покидают свои дома на два года, когда их отправляют в любую точку мира. В чем будет заключаться их работа? Делать новых мормонов. Но не в сексуальном смысле — это позже. Миссионеры делают новых мормонов путем крещения.

Все мы их видели — на велосипедах или пешком, в аккуратных брюках и идеально отглаженных белых рубашках с коротким рукавом. С черными блестящими табличками, где указаны имена, и широкими улыбками они приходят к дверям наших домов и спрашивают, не хотим ли мы услышать об Иисусе Христе, нашем Господе и Спасителе.

Большинство из нас отказывает им вежливым «Нет, спасибо».

Но моя мама никогда не говорит им нет. И ее личное отношение к Церкви не имеет значения — уж поверьте, мама не позволяет им говорить с ней про Книгу Мормонов. Однажды в Пало-Альто она сказала, что миссионеры сейчас далеко от дома. И это правда. Многие приехали издалека и провели весь день на ногах. А когда мы приглашали их войти, они были сама вежливость, какую вы и представить себе не можете. Они перекусывали, пили лимонад, и их благодарность была безграничной.

Миссионеры — это одни из самых добрых людей, каких вы только встречали. Но они захотят, чтобы вы прочли их книгу и послушали об истинной вере их Церкви.

Во время миссии запрещено смотреть телевизор, слушать радио и читать что угодно, кроме несколько одобренных Церковью текстов. Цель миссии — погрузиться в свою веру максимально глубоко, побыть в одиночестве и стать мужчинами, помочь укрепить Церковь и распространить Евангелие. В родном городе миссионерам нельзя оставить подружку. И уж, конечно, им запрещено заниматься любым видом секса — в том числе однополым, естественно. Миссионеры хотят спасти вас, потому что думают, будто вам это необходимо.

И Себастьян хочет стать одним из них.

Не могу перестать об этом думать. Оглядев комнату, где все предметы лишь служат подтверждением моим мыслям, я понимаю, что, конечно же, Себастьян хочет стать одним из них. Он *и так* один из них. А тот факт, что он так запросто видит себя в моей книге и что знает о моих чувствах к нему, ничего не меняет.

Меня больше не волнует мой переделанный роман; я бы дал Себастьяну прочитать оригинальную версию — ту, где совершенно очевидно, что я не могу перестать о нем думать, — если бы он пообещал мне остаться.

Неужели он хочет отправиться на миссию? Неужели готов уехать отсюда и посвятить два своих самых молодых, самых сексуальных и полных приключений года нуждам Церкви? Неужели готов отдать свою жизнь религии — буквально *отдать*?

Я таращусь на собственные руки и не понимаю, какого черта тут делаю. Пейдж и ее сверкающие сердечки ничто по сравнению со мной. Наивнее меня нет на свете.

— Таннер.

Я поднимаю голову и по тому, как Себастьян на меня смотрит, понимаю, что он зовет меня не в первый раз.

— Что?

Он пытается улыбнуться. Он нервничает.

— Что-то ты притих.

Откровенно говоря, терять мне нечего.

— Кажется, я все еще застрял на мысли про твой отъезд на два года. Словно до меня только сейчас дошло, чем ты занимаешься.

Мне даже не нужно пояснять. Себастьян прекрасно понимает. И улавливает подтекст: *ты мормон, а я нет. Как долго мы на самом деле можем быть друзьями? Впрочем, всего лишь другом я тебе быть не хочу.* Я вижу все это в его глазах.

И вместо того, чтобы отбросить это в сторону, сменить тему или предложить мне познать искусство молитвы, Себастьян встает и одергивает перекрутившуюся набок рубашку.

— Давай пройдемся. Нам обоим есть о чем подумать.

На холмах очень много прогулочных троп, и когда тепло, вы обязательно на кого-нибудь наткнетесь. Но поскольку погода в Юте непредсказуемая, и уже похолодало, сейчас никто не гуляет.

Мы в одиночестве бредем по грязному склону холма. К моменту, когда дома внизу стали совсем крошечными, мы успели запыхаться. Только остановившись, я понимаю, как интенсивно мы взбирались: словно изгоняя каких-то демонов.

Возможно, все тех же.

Мое сердце гулко бьется. Впереди нас явно ждет важный *разговор* — иначе почему мы не отложили учебные дела и не включили Xbox? — и при мысли, куда он, вероятно, может

привести, я становлюсь слегка дерганным.

Никуда этот разговор не приведет, Таннер. Ни-ку-да.

Себастьян садится на валун и, облокотившись локтями на колени, восстанавливает дыхание.

Я смотрю, как движется в такт вдохам и выдохам его спина, как под курткой перекачиваются сильные мышцы — при этом осанка Себастьяна остается невысказанно прямой, — и в своих фантазиях развращаю его. Представляю свои руки на его теле, а его — на моем.

Я хочу его.

С еле слышным стоном я отворачиваюсь, смотрю по сторонам и вдалеке замечаю университет и огромную лежащую букву Y [символ Университета Бригама Янга — прим. перев.] на горе. Честно говоря, это последнее, что мне хочется видеть. Она сделана из бетона и кажется мне бельмом на глазу, но это достопримечательность города и универа.

— Тебе не нравится Y?

Я поворачиваюсь к Себастьяну.

— Да не, нормально.

Он смеется — думаю, от моей интонации.

— Есть мормонская история, что коренные американцы, жившие здесь много лет назад, рассказали поселенцам, как ангелы им поведали, будто тех, кто останется здесь жить, осенит благословение и процветание.

— Особенно интересно, что коренные американцы больше не живут здесь именно из-за поселенцев.

Себастьян наклоняется, чтобы встретиться со мной взглядом.

— Ты выглядишь сильно расстроенным.

— Так и есть.

— Из-за моей миссии?

— Уж точно не из-за Y.

Он мнетя и хмурится.

— Просто... разве ты не знал, что этим занимается большинство из нас?

— Да, но, наверное, я подумал...

Посмотрев вверх, я невесело усмехаюсь. Ну что за идиот!

Смогу ли я остановить наконец этот резкий наплыв чувств?

— Таннер, меня не будет всего два года.

Мой смехок настолько сдавленный, что похож на кашель.

— «Всего», — покачив головой, я опускаю взгляд к своим ногам. — Тогда, конечно же, больше причин для расстройства нет.

Мы погружаемся в молчание. Между нами словно выросла глыба льда. Я такой мудака. Веду себя как ребенок; из-за меня все становится еще более неловким.

— У тебя будет возможность хотя бы звонить? — спрашиваю я. Мне уже плевать, насколько безумно мое поведение.

Себастьян мотает головой.

— Отправить электронное письмо или... смс?

— Я могу писать на электронную почту своей семье, — уточняет он. — Иногда могу пользоваться и Фейсбуком, но... только по делам Церкви.

Я чувствую, когда Себастьян поворачивается, чтобы посмотреть на меня; ветер такой сильный, что от его порывов больно лицу, словно небо пытается привести меня в чувство.

Очнись, Таннер. Очнись, мать твою.

— Таннер, я не... — Себастьян проводит рукой по лицу и качает головой.

Когда он делает паузу, я решаю добавить.

— Что?

— Я не понимаю, почему ты так расстроен.

Он поворачивается ко мне. Лицо хмурое, но в нем нет смятения; по крайней мере, так кажется. То есть я ведь *знаю*, что он знает. Может, Себастьян просто хочет услышать это от меня? Хочет, чтобы я произнес это вслух, после чего он сможет мягко пояснить, почему мы не можем быть вместе? Или же хочет, чтобы я признался в своих чувствах, и тогда он сможет...

В общем-то, на причину мне плевать. Эти невысказанные мысли (которые не покидают мою голову ни на минуту) словно огромный валун, и если я не дам им волю, он рухнет и уничтожит внутри все хрупкое.

— Ты мне нравишься, — говорю я.

Но когда поднимаю голову, замечая, что этих слов недостаточно; они не стирают это странное выражение с его лица.

— И я знаю, что твоя вера подобные чувства не позволяет.

Себастьян ждет — не двигаясь и будто не дыша.

— Она не разрешает парням иметь такие чувства по отношению... к другим парням.

— Да, — еле слышно говорит он.

— Но я не мормон, — так же тихо добавляю я. — Для моей семьи в подобном нет ничего дурного. И я не знаю, что делать со своими чувствами по отношению к тебе или как их остановить.

Я был прав. Мое признание его не удивляет. Лицо Себастьяна проясняется, но спустя секунду омрачается чем-то еще. Каждая черточка становится напряженной. Интересно, не сожалеет ли он, что я признался ему? Может, ему хотелось, чтобы я притворился, будто он всего лишь мой приятель, что я просто буду скучать по нашему общению и работе над этой идиотской книгой, когда он уедет на два года?

— Я... — начинает Себастьян, а потом сдержанно выдыхает, словно контролирует себя и каждая молекула воздуха выходит по отдельности.

— Тебе не обязательно что-то говорить, — отвечаю я. Мое сердце увеличивает скорость. Словно изнутри меня бьют кулаком: удар, еще удар, снова удар. Дурак, дурак, дурак. — Я просто хотел пояснить, почему расстроен. И... — добавляю я, попутно желая, чтобы земля разверзлась и поглотила меня, — еще потому, что моя книга — о моих чувствах к тебе.

Себастьян сглатывает, а я не свожу глаз с его шеи.

— Думаю, я об этом знал.

— Думаю, я тоже в курсе, что ты знал.

Его дыхание становится глубоким и быстрым. На щеках появляется румянец.

— А тебе всегда... нравились парни?

— Мне все всегда нравились, — отвечаю я. — Я би. Дело в самом человеке, а не в частях тела.

Себастьян кивает и не останавливается. Он все кивает и кивает, глядя на свои руки, зажатые между коленей.

— Почему бы тогда тебе просто не быть с девушкой? — тихо спрашивает он. — Ведь они тебя тоже привлекают. Разве так не проще?

— Это не вопрос выбора.

Все гораздо хуже, нежели я предполагал. И гораздо тяжелее, чем когда я рассказал отцу.

После разговора с папой мне казалось, что он больше беспокоился о том, как ко мне будут относиться другие, и что препятствия, которые я встречу на своем пути, он не в силах мне помочь преодолеть. Но это внешняя реакция. Внутри же у отца была твердая позиция. Он хотел, чтобы мир меня принял, поэтому делал все возможное, чтобы спрятать от меня собственные

страхи.

Но сейчас... оказывается, я сильно ошибся. Мне не стоило говорить Себастьяну. Разве после такого мы сможем остаться друзьями? В голову приходит мелодраматическая мысль, что, наверное, так и ощущается разбитое сердце. Никакого мощного удара — только медленно и болезненно разрастающаяся трещина прямо в центре груди.

— Я думаю... мне всегда нравились парни, — шепотом говорит Себастьян.

Мой взгляд метнулся к его лицу.

Его глаза оказались полны слез.

— То есть я в этом уверен.

Боже мой.

— А девушки меня совершенно не привлекают. Тут я тебе завидую. До сих пор продолжаю молиться, что однажды это изменится, — он глубоко вздыхает. — И я еще ни разу не произносил это вслух, — когда Себастьян моргает, по его щекам катятся слезы. Запрокинув голову и глядя в небо, он издает невеселый смешок. — Не могу понять, как себя при этом чувствую: хорошо или ужасно.

Мои мысли превратились в смерч, а кровь бурлит, словно воды вышедшей из берегов реки. Пытаюсь понять, что сейчас лучше всего сказать и что бы мне самому хотелось услышать в подобной ситуации. Проблема в том, что признание Себастьяна — это огромный шаг. Куда больший, чем сделал я, когда рассказал родителям.

Я инстинктивно выбираю те же слова, которые сказал мне папа:

— Не могу выразить, насколько я рад, что ты мне доверяешь.

— Да, — когда Себастьян поворачивается, его глаза мокрые. — Но я никогда... — он качает головой. — То есть я... хотел, но никогда...

— Ты никогда не был с парнем?

Он быстро мотает головой.

— Нет. Ни в каких смыслах.

— Я целовался с парнями, но если честно... я никогда не чувствовал себя... вот так.

Какое-то время Себастьян молчит.

— Я пытался измениться. И... — прищуривается он, — даже не позволял себе фантазировать о том, на что это может быть похоже — быть с...

Его слова как удар прямо в солнечное сплетение.

— Но потом я встретил тебя, — добавляет Себастьян.

А эти — как еще один, намного сильнее.

Я словно покинул собственное тело и с тропинки слежу за происходящим. Соприкасаясь руками, мы сидим на камне. И я понимаю, что этот момент навсегда останется очень важной частью истории моей жизни.

— В первый раз, когда я тебя увидел... — начинаю я, но Себастьян уже кивает, будто в точности знает, что именно мне хотелось сказать.

— Да.

В груди все сжимается.

— Я никогда не чувствовал ничего подобного.

— Я тоже.

Поворачиваюсь к нему, и дальнейшее происходит очень быстро. В один момент Себастьян смотрит мне в глаза, а в следующий его губы уже прижаты к моим — теплые, гладкие и такие приятные на ощупь. О боже. Я издаю какой-то гортанный звук, контролировать который не в состоянии. Себастьян отвечает мне тем же, и мой стон превращается в смех, потому что когда он отстраняется, на его лице красуется такая широкая улыбка, какой я никогда еще у него не видел.

А потом он снова целует меня — на этот раз глубже и держа руки на моей шее.

Его рот приоткрывается, и я ощущаю осторожное движение его языка.

Под моими прикрытыми веками взрываются фейерверки — такие яркие и сильные, что я почти слышу звуки взрывов. Наверное, это плавится мой мозг или наступает конец света, или же в нас попал метеорит, и мне даровано подобное блаженство как последнее ощущение, перед тем как меня отправят в чистилище, а Себастьяна в гораздо лучшее место.

Это не первый его поцелуй — я это знаю, — но первый настоящий.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Пока мы спускаемся вниз, я не знаю, куда девать руки. И тем более не знаю, что же делать со спутанными в клубок эмоциями. Произошедшее на холме теперь словно вытатуировано на каждой моей нервной клетке; уверен, я буду помнить ощущения от каждого прикосновения и сорок лет спустя.

Мама всегда учила меня проговаривать свои эмоции, называть их. Итак. Помимо головокружительного возбуждения я чувствую себя

нервозным,

нерешительным

и отчаянно жаждущим повторения.

Но даже самые беспокойные эмоции бледнеют от моего восторга.

Я

целовался

с Себастьяном.

Я все еще чувствую его губы, язык и смех, эхом отразившийся в пространстве между нами. Мы целовались снова и снова. Всеми видами поцелуев. Они были быстрые и небрежные, медленные и глубокие, которые заставляют думать о сексе и о том, чтобы провалиться кое с кем под одеялом до полудня. Себастьян прикусил мою губу, я ответил тем же, а потом он издал *такой* стон, отзвук которого будет витать вокруг моих лихорадочных мыслей весь остаток выходных. Все эти ощущения... настолько правильные. Словно что бы (и с кем бы) я раньше ни делал — все это было не похоже на настоящие поцелуи. Наверное, прозвучит глупо, но мне кажется, словно в эти поцелуи были вовлечены все клетки моего тела. Ощущения от поцелуев с Себастьяном заставляют поблекнуть воспоминания обо всем, чем я раньше занимался. Мы целовались до тех пор, пока холод не начал пробираться под одежду.

Но на самом деле, стоит мне подумать об этом, я вдруг вспоминаю, что наши поцелуи прекратил Себастьян: он отодвинулся, когда почувствовал мою руку, играющую с нижним краем его рубашки.

Он говорил, что у него ничего не было с парнями, но суть процесса ему явно не в новинку, поэтому я готов поспорить: подружки у него были. Тем не менее нас обоих трясло от эмоций, поэтому, возможно, для Себастьяна произошедшее между нами так же отличается от всего остального, как и для меня.

Он когда-нибудь... занимался сексом? Думаю, что нет. Уверен, Отем посмеялась бы надо мной и сказала, что некоторые ученики-мормоны самые развратные во всей школе. Но вспоминая все, о чем мне говорил Себастьян, я думаю, если не брать в расчет случившееся сегодня, он чтит главные правила.

Но захочет ли он им заняться? Со мной.

Эти вопросы вызывают беспокойство и горячку.

Я, конечно, бегу вперед паровоза, но сейчас настолько взвинчен и под кайфом

одновременно, что не понимаю, как все это уложить в голове. Мы... встречаемся, или что? Даже если больше никто о нас не знает.

Себастьян увидится со мной снова?

Воображение рисует маму, которая стоит и притоптывает ногой, побуждая посмотреть на все происходящее повнимательней, но этот образ тут же улетучивается. Память от прикосновения губ Себастьяна слишком свежа.

Момент, когда мы встаем с камня и отряхиваемся, ощущается словно прокол защитного пузыря. Мы были на прогулке, но даже на улице мне казалось, что в целом мире существуем лишь я и Себастьян. Мы словно были совсем одни. Но каждый шаг с холмов в сторону дома все больше и больше растворяет ту окутавшую нас защитную оболочку. У наших ног простирается большой и чистенький Прово.

Мне не хочется возвращаться. И не хочется идти домой; вне зависимости от того, как сильно я люблю свой дом, семью, свою комнату и музыку, быть с Себастьяном я люблю больше.

Он предсказуемо молчалив. Идет на безопасном от меня расстоянии, вне досягаемости, опустив взгляд и глядя себе под ноги. Уверен, что внутри у Себастьяна еще больший ураган чувств, чем у меня, но и я сам порядком запутан. Плюс довольно трудно понять, о чем говорить, — в случае если нам стоит обсудить случившееся.

В подобной (постпоцелуйной) ситуации с девушками — в Прово у меня был всего один такой опыт — возвращаясь в город, мы держались бы за руки, а я старался бы вернуть контроль над собственным телом. Даже не сомневаюсь, что в ситуации с парнями было бы то же самое. Но только не с мормонами, которые — а наше молчание и отсутствие прикосновений означает, что мы поняли это одновременно, — окажутся предметом пересудов и молитв, если будут замечены возвращающимися с прогулки в горах, держась за руки с другим парнем.

И все же... несмотря на перечисленное, я надеюсь, что наше молчание не плохой знак. Время от времени Себастьян смотрит на меня и улыбается, от чего я начинаю светиться изнутри. Но потом вспоминаю его непринужденную улыбку (несмотря на стресс), когда его мама вышла из комнаты, его расслабленную улыбку, когда с ним заговаривают девушки в школе (а ему нравятся лишь парни), и беззаботную улыбку на фото у него дома (а он в тот момент скрывал свой самый большой секрет), — и все это ощущается ножевой раной, ведь я могу сколько угодно гадать, настоящая сейчас улыбка Себастьяна или фальшивая.

— Ты в порядке? — мой голос слегка дрожит от волнения.

Себастьян улыбается, но немного нерешительно.

— Ага.

Я боюсь того, что произойдет пять минут спустя: когда мы дойдем до его дома. Если существует какой-нибудь способ посадить Себастьяна в машину и ехать, пока не кончится бензин, после чего провести ночь в разговорах о том, что случилось, и помочь ему осмыслить это и принять, я готов им воспользоваться. Ведь догадываюсь, что Себастьян сделает (и это будет чуть более драматичная версия того, что сделал я, когда в первый раз поцеловал парня): он пойдет к себе в комнату и убедит себя, что причина случившегося — простое любопытство, не более.

— Чем ты занят в эти выходные?

Себастьян глубоко вздыхает, словно для ответа на вопрос ему сначала нужно прийти в себя.

— Завтра у меня футбольный матч, а потом мы с Лиззи едем в Орем помочь одной семье с переездом.

Ах да, служение. Да еще и в Ореме. М-да. Дома там красивые, но — если такое вообще возможно, — в этом городишке еще тише, чем в Прово.

— И куда собрались бедолаги?

Себастьян озадаченно смотрит на меня.

— Они переехали туда из Прово.

— Ты говорил, что никто бы не захотел переехать в Орем откуда бы то ни было.

Себастьян смеется, а я пьянею от одного вида его улыбки и возникающих от нее тонких морщинок у глаз.

— Нет. Я всего лишь хотел сказать... — немного подумав, Себастьян смеется снова. — Ну ладно, да. Не думаю, что кто-нибудь переехал бы в Орем откуда бы то ни было. Кроме Прово.

— Эй, Себастьян!

От моей интонации его щеки вспыхивают, а улыбка непостижимым образом становится застенчивой и соблазнительной одновременно.

— Что?

— Ты нормально относишься к тому, что между нами произошло?

Он бледнеет, но отвечает с готовностью — что чересчур, на мой вкус.

— Да. Совершенно.

— Уверен?

На место застенчивости и соблазна приходит такое великодушие, что мне начинает казаться, будто мы обсуждаем, нравится ли ему пережаренное мясо, приготовленное моей мамой.

— Конечно.

Подчиняясь какой-то инстинктивной необходимости, я протягиваю руку, чтобы прикоснуться к нему, но Себастьян уворачивается и в панике смотрит по сторонам.

— Мы... Я... Нет. Мы не можем, — его слова срываются с языка будто неуклюжие удары топора по дереву.

— Прости.

— Только не вблизи к городу.

Очевидно, я не очень хорошо умею прятать свои эмоции, потому что, поморщившись, Себастьян шепчет:

— Я не пытаюсь морочить тебе голову. Просто такова реальность. Я не могу... говорить об этом... Только не здесь.

Весь вечер я избегаю общества мамы, пока та взглядом дает мне понять, что хочет поговорить, и отправляюсь в свою комнату, сославшись на необходимость исправить косяки в домашнем задании, — это чистая правда, но поскольку сейчас вечер пятницы, одурачить мне никого не удастся. Мне звонит Отем. Звонит Мэнни. А потом и Эрик. Все куда-то собираются и что-то планируют, но это всего лишь ничегонеделание, которым мы занимались годы напролет. Выпить низкоалкогольного пива или рутбира и наблюдать, как один за другим народ уходит пообжиматься по темным углам, не кажется мне сегодня привлекательной затеей.

Мне просто хочется побыть одному — но не для того, чтобы отсматривать в Инстаграме аккаунты горячих моделей-парней. Я хочу воспроизвести в голове нашу с Себастьяном прогулку — снова и снова. Все, кроме ее конца.

Просто такова реальность.

Только не здесь.

Я мог нырнуть с головой в эту угнетающую истину, но вдруг Себастьян присылает мне эмодзи с изображением горы со снежной вершиной, и это словно брызги керосина на тлеющую свечу у меня в груди.

Я вышагиваю по комнате вперед-назад и с широкой улыбкой смотрю на экран телефона.

Гора. Наша прогулка. Наверное, сейчас Себастьян у себя в комнате тоже думает о ней.

Мои мысли резко меняют свое направление. Возможно, он уже в постели.

Тоненький голосок в моей голове машет оранжевыми флажками, пытаюсь вернуть мысли в прежнее русло.

Я сдерживаю порыв прислать Себастьяну радугу, баклажан или высунутый язык и вместо всего этого отсылаю рассвет над горой. Мне в ответ приходит футбольный мяч. Точно, это его планы на выходные. Я отправляю эмодзи с изображением лодки — как напоминание, чем мы можем заняться летом... если он будет рядом.

Телефон вибрирует в руке.

«Мы обсудим твою книгу?»

«Да, конечно».

Мое сердце несется вскачь. Из-за всех этих тревог, признаний и поцелуев я совсем забыл, что Себастьян читал мои главы и знает, что они про него. Как забыл и о том — хотя он явно нет, — что в итоге мне придется эту книгу сдать.

«Я все исправлю».

«Изменяю так, что не будет понятно».

«Мы можем поговорить об этом при встрече, если ты не против».

Я морщусь и шлепаю себя по лбу. *Осторожней, Таннер!*

«Конечно».

Его сообщение после этого немногословное:

«Спокойной ночи, Таннер».

Я отвечаю тем же.

И вспоминаю, что Себастьян сегодня мне сказал. *«Не могу понять, как себя при этом чувствую: хорошо или ужасно».*

— У меня уже примерно пятнадцать тысяч слов, — заявляет Отем в понедельник после обеда вместо приветствия. Она сидит на своем месте в классе, где всегда проходят занятия Семинара, и выжидающе на меня смотрит.

Я задумчиво почесываю подбородок.

— А у меня семьдесят стикеров с заметками.

Это неправда. У меня там глава на главе. Несмотря на данное Себастьяну обещание, я продолжаю писать, потому что слова каждый вечер так и просятся вырваться на свободу. И я все еще ничего не изменил. Скорее *добавил*, желая запечатлеть каждую проведенную с ним секунду.

— Таннер, — говорит Отем тоном строгой училки. — Тебе стоит думать о книге с точки зрения количества слов.

— Я ни о чем не могу думать с точки зрения количества слов.

— Надо же, какой сюрприз, — саркастически замечает она. — В книге должно быть от

шестидесяти до девяноста тысяч слов. А ты пишешь на стикерах?

— Может, я пишу детскую книгу.

Посмотрев вниз, Отем приподнимает брови. Проследив за ее взглядом, я тоже смотрю вниз перед собой. Из блокнота выглядывает краешек стикера, на котором виднеются слова:

ПРОВЕСТИ ЯЗЫКОМ ПО ЕГО ШЕЕ.

— Нет, это не детская книга, — уверяю я и запикиваю стикер обратно.

Отем ухмыляется.

— Рада слышать.

— А сколько примерно слов на одной странице?

Она выпускает страдальческий вздох, который, судя по всему, не наигранный. Сам себя я бы тоже уже взбесил.

— Примерно двести пятьдесят, если двенадцатым шрифтом с двойным межстрочным интервалом.

Быстро прикидываю в уме.

— То есть ты написала шестьдесят страниц?

Я написал больше сотни.

— Таннер, — на этот раз Одди произносит мое имя с еще большим нажимом. — Срок сдачи книги в мае. А уже заканчивается февраль.

— Знаю. И я справлюсь. Честно, — хочется, чтобы Отем мне верила. Но совсем не хочется, чтобы она попросила дать ей посмотреть. Было униительно даже Себастьяну показывать фейковые главы. И если он беспокоится из-за узнаваемых «Колина», «Эвана» и «Иэна», то представьте, что будет, если прочитает кусок, который я написал в субботу, где *Таннер* в горах целуется с *Себастьяном*.

— Где ты был в пятницу? — спрашивает Одди, рассеянно тыча карандашом в образовавшуюся от подобных действий сотен других учеников выемку на поверхности стола.

— Дома.

Мой ответ привлекает ее внимание.

— Почему?

— Устал.

— И ты был один?

Я невозмутимо смотрю на нее.

— Ага.

— В пятницу днем я видела, как вы с Себастьяном ходили гулять в горы.

Мое сердце словно вырывается из груди и без оглядки уносится куда-то по коридору. До сих пор мне даже в голову не приходило, что нас могут увидеть или что вообще кто-то обратит внимание. Но Отем интересно практически все, чем я занимаюсь. И она видела, как мы шли на прогулку — которая закончилась тем, что мы целовались, как подростки (собственно, мы и есть подростки).

— Ну да, решили прогуляться.

Она широко улыбается, словно соглашаясь, что естественно, это всего лишь прогулка. Но мне почудилось, или она что-то подозревает?

Может быть, я не настолько невозмутимый, каким бы хотел казаться.

— Одди, — шепотом говорю я, но тут в класс входят Себастьян и мистер Фудзита. Все мое тело охватывает пламенем. Надеюсь, никто этого не замечает. Отем смотрит прямо перед собой, а Себастьян, встретившись со мной взглядом, тут же его отводит. И краснеет.

— Одди, — повторяю я и дергаю ее за рукав. — Одолжишь карандаш?

Кажется, она услышала панику в моем голосе, потому что когда поворачивается, выражение ее лица смягчается.

— Конечно, — когда она протягивает мне карандаш, мы оба понимаем, что я уже держу в руке ручку.

— Мне не важно, что ты думаешь — о чем бы ни были твои мысли, — но для него это важно, — шепчу я и делаю вид, будто попросил карандаш, чтобы иметь возможность наклониться к ней.

Одди делает смешное озадаченное лицо.

— О чем я думаю?

Тиски вокруг моего сердца разжимаются.

Когда я смотрю вперед, Себастьян тут же отводит от нас взгляд. Мы не виделись с ним шесть дней, и мне хотелось, чтобы наше первое общение после этого перерыва прошло бы в атмосфере общей захватывающей дух тайны, а не сплошной неловкости. Получается, он видел, как мы с Отем склонились друг к другу и разговаривали, а потом посмотрели на него. Он беспокоится, что я о чем-то рассказал Отем? Или что она читала мою книгу — ее *реальную* версию? Я еле заметно качаю головой, чтобы Себастьян понял, что все хорошо, но он на меня уже не смотрит.

И не смотрит до конца занятия. Когда мы разделяемся на группы, он основную часть времени проводит с Маккенной и Джули, ахающих и охающих от него. Потом к нам подходит Фудзита и немного рассказывает о развитии персонажа и о нити повествования, а Себастьян уходит в дальний угол аудитории и какое-то время читает отрывки из книги Эшера.

После прозвеневшего звонка он просто разворачивается и уходит. К тому моменту, когда мне удастся запихнуть все свои вещи в рюкзак и выйти в коридор, все, что я вижу, — это спину Себастьяна, толкающего дверь наружу и выходящего на залитый солнцем двор.

Во время ланча я без конца хожу взад-вперед, пытаюсь сообразить, какое сообщение ему отправить, чтобы дать понять (и при этом не выдать нас обоих): беспокоиться не о чем.

— Ты ведешь себя как чокнутый, — раскладывая на столе овощи и хумус, говорит Отем. — Сядь.

Плюхнувшись рядом, чтобы ее отвлечь, я краду у нее морковку, которую съедаю в два укуса. Но беспокойство по поводу Себастьяна резиновым шнуром плотно стягивает грудь. Что, если он действительно расстроился из-за моей книги? Могу ли я начать ее по-новой?

Да.

Я могу. И *должен*.

Моя нога начинает дергаться от нового приступа паники.

Кажется, Отем ничего не замечает.

— Тебе нужно пригласить Сашу на выпускной.

— Опять этот выпускной, — сунув кончик большого пальца в рот, я покусываю ноготь. — Не уверен, что хочу пойти.

— Что? Ты должен пойти.

— Но я не хочу.

Одди пинает меня.

— Кстати... Меня пригласил Эрик.

Повернувшись, я таращусь на нее.

— Что-что? И почему я ничего об этом не знал?

— Понятия не имею. Я написала про это в Инстаграме.

— То есть теперь мы вот как обмениваемся новостями? Через посты в соцсетях? — я

достаю телефон. И правда, у нее в ленте фотография ее гаража, обклеенного стикерами в форме слова «Выпускной?».

Невероятно креативно, Эрик.

— Пригласи Сашу. И мы пойдем все вместе.

Мое дыхание застревает в горле. Я беру ее за руку.

— Я не могу, Одди.

Она пытается скрыть расстройство. От этого я чувствую себя и хорошо, и ужасно.

Ну, то есть, Себастьян совершенно точно не пошел бы со мной. Но сейчас мое сердце принадлежит ему, и до тех пор, пока он не решит, что с ним делать, забрать его назад я не могу.

Отем смотрит на меня, и несколько следующих секунд мы странным образом синхронно дышим.

Высвободив руку, я хватаю еще одну морковку — на этот раз без чувства вины.

— Спасибо.

Отем встает, оставляет мне доесть ее ланч и целует меня в макушку.

— Мне нужно успеть пересечься с миссис Поло до шестого урока. Пиши, если что.

Кивнув, я наблюдаю, как Одди исчезает в здании, а потом беру свой телефон. После нескольких вариантов останавливаюсь на этом:

«Как прошли выходные?»

Себастьян тут же начинает что-то писать в ответ. Кровь по моим жилам несется со слишком большой скоростью.

Точки на экране то появляются, то исчезают, и я уже ожидаю целую диссертацию про футбол и переезды из Прово в Орем, но через пять минут получаю лишь:

«Хорошо! :(»

Он подшучивает, что ли?

Я смотрю на экран. Стук моего сердца уже не просто отдается в горле — оно словно пульсирует в каждом органе, заполняя все пустоты тела. Если закрою глаза, я его услышу.

И я никак не могу придумать, что ответить.

Так что отсылаю эмодзи с поднятым вверх большим пальцем и убираю телефон в сторону.

Съев еще четыре морковки, решаю проверить входящие.

Себастьян прислал гору, а спустя несколько минут еще два сообщения:

«В эти выходные из Солт-Лейк-Сити к нам приезжают мои дедушка с бабушкой. Мама сказала пригласить тебя на ужин. Наверное, для тебя это звучит ужасно, но они милые».

«И я бы хотел, чтобы ты пришел».

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Мне кажется, в приглашении Себастьяна скрыт какой-то секретный код. Возможно, так он напоминает мне о необходимости нам обоим быть осторожными. Или же это его единственный способ выразить свою тревогу из-за моей книги, ведь потенциально она может ему устроить аутинг. Потому что, ну, серьезно, ничто более ярко не могло продемонстрировать мне разницу между нашими жизнями, чем мой приход к Себастьяну домой; даже он сам заметил, как заворуженно я таращился по сторонам.

Плюс ко всему это наше приключение в горах... Мы целовались, и это был не случайный чмок, а поцелуи с языком, прикосновениями и далеко идущими намерениями. Я даже вспоминать о них не могу без ощущения жара по всему телу, как от горячей ванны. Пока мы шли назад по тропе, Себастьян не мог на меня посмотреть, чтобы не покраснеть при этом. В какое же безумие превратится ужин?

Что он *творит*?

Я стою в комнате и придирчиво разглядываю себя в зеркало. Одежда новая и хотя бы подходит по размеру — за последние несколько лет я вырос так сильно, что почти все стало коротковато: и рукава, и штанины брюк. Я перемерил семь вариантов одежды, а поскольку недавно сделал новую стрижку, выгляжу вроде бы неплохо. Меня беспокоит, что в рубашке «Квиксильвер» с коротким рукавом я кажусь чересчур небрежным. С другой стороны, в рубашке с длинным рукавом и галстукe я выглядел бы слишком самоуверенно, будто пришел на свидание или на *знакомство с родителями* своей половинки.

Что, конечно же, не соответствует действительности. По крайней мере, я так не думаю...

— Так что, вы как бы... теперь встречаетесь?

Прислонившись к дверному косяку и сложив руки на груди, Хейли окидывает меня оценивающим взглядом.

Я снова смотрю в зеркало.

— Черт его знает.

Неодобрительно поцокав языком, сестра идет к кровати и неуклюже плюхается на нее.

— Твоя манера выражаться им не понравится.

Я снова тихо чертыхаюсь, потому что, блин, она права. Мне следует следить за своим языком.

— Ты не знаешь, вместе вы или нет, но идешь на ужин с его семьей? Странно.

— Откуда ты про это знаешь?

— Если это должно было остаться в тайне, тебе не стоило так громко обсуждать это с мамой и папой посреди дома.

— Это не совсем тайна, но...

Но все-таки тайна.

Хейли кивает. Ей явно не требуется мое пояснение, и видеть ее не сконцентрированной на самой себе приятно. Когда мы решили сюда переехать, родители посадили сестру на стул и ясно дали понять, что ее осмотрительность крайне важна. Даже я заметил панику мамы, когда она говорила Хейли, что если та (например, от злости) кому-нибудь обо мне расскажет, то последствия будут катастрофическими. Потому что люди не настолько понимающие и принимающие, как мы. Особенно в Прово.

Наклонившись поднять разбросанные вещи, я вспоминаю, что Хейли учится вместе с Лиззи.

— Сегодня я увижусь с Лиззи. Передам ей от тебя привет.

Хейли морщит нос.

Со смехом я раскладываю футболки обратно по ящикам и вешаю в шкаф все остальное.

— Ты удивишься, но они все такие.

Застонав, она перекачивается на спину.

— Она постоянно улыбается и здоровается со всеми подряд.

— Какой кошмар.

— Как кого-то может радовать быть мормоном? — в словах Хейли я сейчас впервые слышу всю нашу предвзятость. — Я бы сама себя за такое поколотила.

Я мало общался с Лиззи, но чувствую острую потребность встать на ее защиту.

— Ты говоришь как необразованная тупица.

Увидев лежащий на ночном столике заряжающийся телефон, она берет его и вводит пароль.

— Спорим, ее радость поутихла бы, узнай она, что ты хочешь залезть в штаны к ее брату?

— Заткнись, Хейли.

— А что? Думаешь, они все равно пригласили бы тебя на ужин, если бы узнали? Для них ты дьявол, пытающийся заманить их сына в ад.

— Вообще-то, в ад они не верят, — протянув руку за телефоном, говорю я. — Так что не говори ерунду.

— Это тебя Себастьян уже учит мормонизму?

— Это *мама* говорила. Я просто пытаюсь узнать его получше, а значит, мне надо понимать, во что он верит.

Но Хейли умеет смотреть сквозь мое лицемерие.

— Да-да, о чем и речь. Он уже говорил тебе, что мормоны, конечно же, вот-вот одобряют гей-браки? Или что готовы признать конверсионную терапию ужасной ошибкой? — с сарказмом интересуется она. — Никаким чудесным образом Себастьян не поймет, что ты нравишься ему больше Бога, Иисуса или Джозефа Смита. Все это плохая идея.

Ее слова бьют по самому больному. Я выхватываю у нее свой телефон.

— Ну ты и стерва.

Даже во второй раз дом Себастьяна все так же пугает. Уже по фасаду можно все понять о семье, которая здесь живет. Дом белый и аккуратный, поддерживаемый в чистоте, но не чрезмерно. Выглядит гостеприимно и уютно, но при этом я словно могу его испортить: оставить где-нибудь отпечатки своих пальцев... например, на коже их старшего сына.

Внедорожник Бразеров стоит внутри незакрытого гаража, а на подъездной дорожке припаркован новый Лексус. Видимо, он принадлежит дедушке с бабушкой Себастьяна. Проходя мимо, я смотрю на свое отражение в пассажирском окне, и моя нервозность усиливается вдвое. Как мне выдержать ужин в обществе самой добропорядочной семьи в Прово, не показав себя при этом влюбленным по уши, коим, собственно, я и являюсь?

Может, Хейли действительно была права: это действительно плохая идея.

Собравшись с духом, я звоню в дверь. Звук эхом проносится по дому, после чего слышится голос Себастьяна:

— Я открою!

В груди стремительно нарастает волнение.

Дверь распахивается, и от одного его появления мне становится нечем дышать. После занятий я Себастьяна не видел — а тогда все было неловко и немногословно. И в тот раз он на меня даже не взглянул, но сейчас все наоборот. Каждый нейрон, который отвечал за беспокойство, стоит ли мне сейчас здесь находиться, растворяется в сером веществе мозга.

Закрыв за собой дверь, Себастьян выходит на крыльцо. На нем брюки и белоснежная рубашка с расстегнутым воротничком. Тот открывает вид на гладкую шею, ключицы и верх груди, большая часть которой скрыта. У меня текут слюнки.

Интересно, у него был галстук? Который он снял ради меня?

— Спасибо, что пришел, — говорит Себастьян.

Сердце бьется отчаянно быстро, а при попытке как-то ослабить это напряжение возникает чувство, будто между ребер всадили нож. Мне хочется как можно скорее сказать ему, что я планирую переписать всю книгу, но вместо этого из меня вырывается:

— Спасибо, что пригласил.

— Ага, — говорит он и, сделав шаг вперед, показывает на дверь. — Все это, скорее всего,

окажется довольно скучным мероприятием. Решил предупредить заранее. И заранее прошу прощения, если они начнут говорить про церковные дела, — Себастьян проводит рукой по волосам, и я тут же вспоминаю, какие они были на ощупь во время нашей прогулки. — Удержаться они не смогут.

— Да ладно. Ты только взгляни на меня: я просто обожаю разговоры про церковные дела. Себастьян смеется.

— Даже не сомневаюсь, — глубоко вздохнув, он приглаживает волосы, поправляет рубашку и поворачивает дверную ручку.

Я останавливаю его, положив руку ему на плечо.

— Ситуация действительно странная, или это только мне так кажется?

Я отдаю себе отчет, что пытаюсь поймать хоть какой-то намек на то, помнит ли Себастьян, чем мы занимались, и понравилось ли это ему.

Прозвучавший ответ компенсирует все тревоги недели.

— Не только тебе, — его взгляд встречается с моим, а на лице появляется самая потрясающая улыбка, какую я только видел. Ни на одном висящем внутри семейном портрете Себастьян так не улыбается.

Повинуясь импульсу, вдруг говорю:

— Я решил заново начать книгу.

Себастьян смотрит на меня с искренним удивлением.

— Правда?

— Да, — отвечаю я, тяжело сглатывая и почти задыхаясь от ускорившегося пульса. — Я не могу перестать думать о... Обо всем... но понимаю, что не смогу тогда сдать книгу, — живот скручивает от беспокойства из-за необходимости начать книгу по-новой и одновременно от радости его видеть. Из-за этой нервозности легко врать. — И я уже успел кое-что написать.

Кажется, он хотел услышать именно это, и выражение его лица мгновенно светлеет.

— Это хорошо. Я могу тебе помочь, — в течение нескольких секунд Себастьян смотрит на мой рот, но потом поднимает взгляд. — Готов?

Когда я киваю, он открывает дверь и подбадривающе смотрит на меня, после чего мы заходим в дом.

Внутри пахнет свежесвеженным хлебом и жареной индейкой, а из-за прохладной погоды окна слегка запотели. Я иду вслед за Себастьяном мимо небольшой главной гостиной — *привет тебе снова, фотография семнадцатилетнего Себастьяна, привет всем вам, Иисусы, привет и тебе, жестокая надпись на табличке*, — к некоему объединенному пространству, где в одном конце семейная комната, а в другом кухня.

Там сидит мужчина — как я понимаю, отец Себастьяна — и смотрит телевизор.

Увидев нас, он встает. Епископ Бразер выше Себастьяна сантиметров на пять, но у него такого же цвета волосы и такая же расслабленная манера держаться. Даже не знаю, кого я ожидал увидеть — кого-то более пугающего, наверное, — но он застает меня врасплох, протягивая руку для пожатия и улыбаясь точно такой же улыбкой, как у сына.

— Ты, наверное, Таннер, — ярко-голубые глаза отца Себастьяна светятся радостью. — Я много о тебе слышал.

Он... Что он сейчас сказал?

Я неуверенно кошусь в сторону Себастьяна, который демонстративно смотрит в сторону.

— Да, сэр, — отвечаю я и тут же поправляюсь: — То есть епископ Бразер.

Он смеется и кладет руку мне на плечо.

— Я только в церкви епископ Бразер. Зови меня Дэн.

Мой отец ни за что бы не одобрил, что я называю по имени кого-то из родителей своих

друзей, но спорить не решаюсь.

— Хорошо. Спасибо, мистер... Дэн.

По лестнице спускается пожилой мужчина. Его темные волосы вьются у ушей, но несмотря на строгость костюма и начинающие седеть виски, он выглядит моложе и даже немного похулигански.

— Аарону требовалась помощь с лего. А когда он спросил, как мне удалось сообразить, что нужно делать, я упомянул про свой диплом инженера. Теперь Аарон тоже хочет пойти учиться на инженера, чтобы строить из лего всю свою жизнь. Должно получиться, как мне кажется.

Себастьян подходит ко мне.

— Дед, это Таннер. Мой друг с Семинара.

На меня внимательно смотрят уже такие знакомые ярко-голубые глаза.

— Еще один писатель! — восклицает он и протягивает руку. — Я Эйб Бразер.

— Приятно познакомиться, сэр, — отвечаю я. — И это Себастьян писатель. Я же больше похож на мартышку, которую допустили к клавиатуре.

Дэн с его отцом смеются, а Себастьян смотрит на меня, нахмутив брови.

— Неправда.

Я сквозь смех бормочу что-то вроде «Ну ладно, как скажешь». Потому как, если честно, сам факт, что я могу писать лишь о происходящем день за днем, а потом даю ему прочитать урезанную версию глав, до сих пор довольно унизителен.

На кухне Себастьян знакомит меня со своей бабушкой Джуди, которая интересуется, поблизости ли я живу. Наверное, это завуалированный вопрос, *из какого я прихода*.

— Он живет недалеко от загородного клуба, — отвечает за меня Себастьян и спрашивает, надо ли чем-нибудь помочь. В ответ звучит отказ, и тогда Себастьян говорит, что в таком случае мы пойдем поработаем над моей рукописью.

Мою кожу словно окатывает ледяной водой.

— Хорошо, дорогой, — отвечает его мама. — Ужин будет готов минут через пятнадцать. Скажи сестрам, чтобы шли мыть руки, ладно?

Кивнув, Себастьян ведет меня по коридору.

— Я не взял с собой новую рукопись, — шепчу я, пока мы поднимаемся по лестнице. Мне стоит немалых усилий держать взгляд опущенным и не таращиться на Себастьяна сзади.

Наверху коридор разветвляется в две стороны.

Здесь расположены спальни.

Я наблюдаю за тем, как Себастьян подходит к комнате Фейт. Внутри ее спальни все пушистое и розово-фиолетовое, с намеками на уже начинающийся подростковый возраст со всей сопутствующей жутью.

Постучав в приоткрытую дверь, он заглядывает в комнату.

— Скоро ужинать, иди мой руки, хорошо?

Она что-то ему отвечает, и Себастьян уходит.

— Ты меня слышал? — на этот раз чуть громче шепчу я. — Никакой рукописи у меня с собой нет.

Кажется, я сделал огромную ошибку, дав ему понять, что работаю над новой книгой. В скором времени он захочет ее увидеть, так ведь?

Посмотрев на меня через плечо, Себастьян подмигивает.

— Я слышал. И позвал тебя сюда не ради работой над твоим текстом.

— А-а... ладно.

Ухмылка Себастьяна становится озорной.

— Наверное, я должен показать тебе дом.

Мне и так понятно, что показывать тут особо нечего — здесь, наверху, только четыре двери и все, — но я киваю.

— Родительская спальня, — показывая самую большую из комнат, говорит он. Над их кроватью висит еще одно фото храма в Солт-Лейк-Сити, а рядом оформленные в рамку слова «СЕМЬЯ — ЭТО НАВСЕГДА». На стенах развешаны детские фотографии, сделанные в школе или во время каникул, и на каждой радостные улыбки. — Дальше ванная, комната Фейт и комната Аарона. А моя внизу.

Мы возвращаемся на первый этаж, потом поворачиваем и спускаемся на еще один пролет вниз. Наши шаги приглушены толстым ковром, а голоса в доме становятся все тише и тише.

Для цокольного этажа тут довольно светло. С лестницы открывается вид на еще одну семейную комнату с телевизором, диваном и креслами-мешками с одной стороны и мини-кухней с другой. Сбоку расположено несколько дверей, и Себастьян показывает на первую.

— Это комната Лиззи, — проходя мимо, говорит он, а потом кивает на следующую: — А здесь моя.

От возможности увидеть комнату Себастьяна мое сердце начинает биться уже где-то в горле.

Здесь он спит.

Здесь он...

Я разочарован, что спальня насколько аккуратная. Придется отставить мысли о Себастьяне на измятых простынях в сторону. На полке над флагом Бригам Янг Кугарс в ряд выставлены футбольные награды. В углу стоит огромная пенопластовая голубая ладонь с вытянутым указательным пальцем и нанесенной на ней буквой Y. Я представляю Себастьяна на одной из игр. Кричащим вместе с толпой, широко улыбающимся и со стремительно колотящимся сердцем. Пока я иду кругом по его комнате, ни к чему не прикасаясь, а лишь наклоняясь получше рассмотреть фотографии и корешки книг, Себастьян стоит в дверях.

— Жаль, что у меня не было возможности как следует рассмотреть твой дом, — замечает он, и я оглядываюсь на него через плечо.

— В следующий раз, — с ухмылкой отвечаю я. И моментально немею всем телом от самой мысли, что у нас будет следующий раз. — Признаюсь, меня удивило приглашение на семейный ужин после... — я делаю паузу и ищу подходящие слова, но Себастьян понимает, о чем речь, и румянец поднимается с его шеи на скулы.

— Мама любит знать обо всех, с кем мы общаемся, — поясняет Себастьян. — У меня мало друзей.

— А-а.

— Думаю, она хочет узнать тебя получше, — добавляет он и быстро поднимает руки. — Никакой пропаганды и вербовки, честное слово.

У меня сам собой вырывается следующий вопрос:

— Как считаешь, она думает, что я... — замолчав, я многозначительно поднимаю брови.

— Сомневаюсь, что маме это в принципе придет в голову. Наверное, ей просто хочется познакомиться с моими друзьями, тем более если она не знает их по церкви.

От взгляда Себастьяна у меня внутри разворачивается игра в пинбол. Разорвав зрительный контакт, я смотрю по сторонам. Здесь повсюду книги: на полках, стопкой стоящие на полу у его кровати и лежащие на письменном столе. Рядом с компьютером замечаю Библию в кожаной обложке на молнии. Сверху золотыми буквами вытиснены инициалы Себастьяна.

— Э-э-э... она для церкви, — поясняет он и подходит ближе. Расстегивает молнию и листает тонкие страницы.

— Огромная какая.

Себастьян издаст короткий смешок.

— Называется «Образцовые труды», — говорит он. Забрав книгу у него из рук, я чувствую ее тяжесть.

— Тут полно правил.

— Если говорить в таком ключе, то да, — наклонившись, Себастьян открывает книгу и показывает пальцем на оглавление. — Но видишь? Тут не одна книга. Здесь Библия, Книга Мормона, «Учение и Заветы» и «Драгоценная жемчужина».

Подняв голову, я с удивлением смотрю на Себастьяна, стоящего так близко.

— Ты все здесь читал?

— По большей части. А кое-что и не по одному разу.

Мои глаза готовы выскочить из орбит. Даже не сомневаюсь, что от этих книг меня начало бы клонить в сон. Мормон из меня получился бы хуже некуда. И я бы лучше переждал всю жизнь, как Рип Ван Винкль [герой одноименной новеллы Вашингтона Ирвинга; он проспал в горах 20 лет, после чего вернулся в родную деревушку, когда все его знакомые уже умерли — прим. перев.], чем терпеть все это.

— Когда у меня возникает вопрос, — говорит Себастьян, — я знаю, что найду ответ здесь.

Я снова опускаю взгляд на книгу. Как Себастьян может быть так в этом уверен? Как может целовать меня на тропе и по-прежнему соглашаться с написанным в этих книгах?

— И чем все это отличается от Библии? — кажется, мне уже давно пора узнать разницу. В общем-то, я и с Библией толком не знаком, но уверен, что различия есть.

— Ты ведь не хочешь знать об этом, верно? — он насторожен и говорит неуверенно.

— Может и так. Просто расскажи мне о мормонах, но версию для чайников.

Со смехом Себастьян забирает у меня книгу и открывает на нужной странице. Мы и так стоим достаточно близко, но мне приходит в голову мысль придвинуться еще ближе, а если кто-нибудь войдет, то решит, что мы всего лишь вместе читаем священное Писание.

— Книга Мормона — это еще одно свидетельство, что Иисус существовал и был сыном Божьим, — Себастьян бросает взгляд на меня, будто проверяя, слушаю ли. Увидев, что я не отвлекаюсь, он сдерживает улыбку и возвращается к книге в своих руках.

— Она основана на Библии и кратко описывает план, который есть у Господа на своих детей, — снова посмотрев на меня, он тихо добавляет: — Под детьми подразумеваемся все мы.

Я смеюсь.

— Это я уловил.

Он с веселой улыбкой снова бросает взгляд в мою сторону.

— В «Учении и Заветах» говорится об откровениях Джозефа Смита и других пророков, которые они получили от Бога. Это способ получить наставления от современных пророков в современных реалиях. А вот эта книга, — Себастьян открывает следующую часть, — «Драгоценная жемчужина», являет собой свидетельство жизни пророка Авраама в Египте, когда он был еще молод. По мере роста Церкви встала необходимость собрать воедино рассказы, переводы и факты, чтобы люди смогли о них узнать. В некотором роде, эти книги — инструменты. Если ты читаешь и искренне молишься, то сможешь найти ответы на свои вопросы и без тени сомнения знать, что эти слова — истина.

Я не осознавал, насколько внимательно его слушал, до тех пор пока не поднял голову и опять не встретился с Себастьяном взглядом. В сказанное лично я не верю, но в его голосе есть сила и убежденность, которая побуждает меня ловить каждое произнесенное им словом.

— А ты здорово в этом разбираешься, — замечаю я и чувствую, что во рту стало сухо. — Ты не думал... не знаю... учить всему этому во время миссии? И сделать себе табличку «Ушел крестить народ»?

Себастьян смеется, на что я и рассчитывал, но теперь, когда возникла тема его отъезда на миссию, мне хочется задать ему побольше вопросов. Как он думает, куда его отправят? Что он там будет делать? С кем он там будет? Существуют ли какие-то лазейки в этом правиле не контактировать ни с кем из знакомых? Будет ли в его жизни место для меня — хоть какое-нибудь?

— Немного, — с ухмылкой отвечает он. Наступает молчание, и его взгляд опускается на мои губы.

Вспоминает ли он о нашей прогулке так же часто, как это делаю я? Я засыпаю и просыпаюсь с мыслями о ней. Мне так сильно хочется его поцеловать. А если судить по выражению его лица и участившемуся дыханию, думаю, ему тоже.

Когда мы возвращаемся, все уже сидят за столом. Вокруг него по четыре стула у каждой из сторон и по одному с торцов для родителей. Себастьян занимает пустой стул рядом со своим отцом, а я сажусь слева от Себастьяна. Со мной сидят Лиззи и Аарон, а напротив их бабушка с дедушкой и Фейт.

На столе расставлены тарелки и сервировочные блюда с едой, к которой никто не приступает. Когда Себастьян легонько пинает меня под столом и кивком показывает на свои сложенные руки, я понимаю, почему.

Точно. Время молитвы.

— Отец наш небесный, — начинает Дэн, закрыв глаза и склонив голову. Я тут же делаю то же самое. — Мы благодарим Тебя за пищу и милость Твою, которые Ты ниспослал нам. Благодарим Тебя за близких и новых друзей, которых Ты привел к столу нашему. Прошу, благослови эту пищу, чтобы она наплатала и укрепила наши тела и умы, и мы могли бы следовать Твоим наставлениям. Прошу, благослови всех тех, кого нет рядом с нами, и пусть они найдут безопасный путь домой. Мы благодарим тебя за все, Господи, и просим о Твоем благословении. Во имя Иисуса Христа, аминь.

Над столом раздается общее тихое «Аминь», и тишины больше нет. Все позвякивают столовыми приборами и передают друг другу блюда. Фейт просит куриных наггетсов, Аарон спрашивает, поиграет ли папа с ним в мяч завтра после школы, а Лиззи рассказывает о грядущей поездке в летний лагерь для девочек.

Я смотрю на выбор напитков: вода, молоко, клубничная газировка Shasta и, что еще хуже, рутбир. Естественно, нигде ни капли кофеина. Наливаю себе воды со льдом.

Дэн передает Себастьяну тарелку с индейкой и улыбается мне.

— Таннер, Себастьян говорил, что ты из Калифорнии.

— Да, сэр. Из Пало-Альто.

Положив себе немного мяса, Себастьян держит тарелку для меня и подбадривающе улыбается. Мой мизинец соприкасается с его. Ощущение от этого едва заметного контакта я буду помнить еще несколько часов.

Эйб подается вперед и ловит мой взгляд.

— Ты переехал из Калифорнии в Юту? Должно быть, это ощутимая перемена.

Я смеюсь.

— Еще какая.

Со своего конца стола на меня с сочувствием смотрит мама Себастьяна.

— Не могу себе представить, каково это — переехать из мест, где солнце светит почти круглый год, туда, где мрачные и снежные зимы.

— Это не так уж и плохо, — возражаю я. — Здесь очень красивые горы, а туманов мне и

там хватало.

— Ты катаешься на лыжах? — спрашивает меня Джуди.

— Немного. Хотя бы раз в год мы ездим на трассы в Сноубёрд или к Каньонам.

— Всей семьей? — снова вливается в беседу мама Себастьяна.

Я киваю и, взяв блюдо с картофелем, запеченным с сыром, кладу немного себе в тарелку.

— Ага. Нас тут четверо. У меня есть младшая сестра Хейли.

— Какое красивое имя, — замечает мама Себастьяна.

— Мои родители обожают прогулки и активный отдых, — говорю я. — Папа ездит на велосипеде, а мама обожает бегать.

Прожевав и проглотив, отец Себастьяна спрашивает:

— А чем они занимаются? Себастьян сказал, что вы переехали сюда из-за работы твоей мамы.

Этот ваш Себастьян знатный болтун.

Сделав глоток воды, я ставлю стакан на стол.

— Да, сэр. Она технический директор в NextTech.

За столом заинтересованно хмыкают.

— Когда здесь открыли филиал, ей предложили его возглавить, — еще больше интереса со всех сторон. — Она пишет код. В Калифорнии она работала в «Гугл», а теперь здесь.

— Ого, — произносит Дэн, явно впечатленный. — Должно быть, это отличная работа, раз ради нее она уволилась из «Гугл». Я слышал, платят у них очень неплохо.

— А его отец врач в долине Юты, — добавляет Себастьян. Я с улыбкой поворачиваюсь к нему. Он хвастается. Он *гордится* мной.

Глаза Джуди удивленно округляются.

— Я каждую среду работаю там как волонтер! Как его зовут?

— Пол Скотт. Он кардиохирург.

— Я его знаю! На том этаже мне приходится бывать нечасто, но все говорят, что он добрейшей души человек. Он еврей, верно? — удивленный, что бабушка Себастьяна не знакома с ним, но при этом идентифицирует его как еврея, я киваю. — Он всегда очень внимательный, и медсестры его очень любят, — потом она подается вперед и драматическим шепотом добавляет: — И он очень симпатичный, если мне будет позволено это сказать.

— Бабушка! Тебе что, нравится папа Таннера? — в ужасе спрашивает Фейт, и все за столом смеются.

— Ты же знаешь, что мой взгляд обращен лишь на твоего дедушку. Но я все-таки не слепая, — подмигнув, отвечает Джуди.

Поднеся ко рту стакан молока, Фейт хихикает.

— Так и есть, — говорит Эйб. — Она однажды увидела меня на танцах в церкви и с тех пор не может отвести взгляд.

— Мам, а вы с папой тоже познакомились на танцах? — спрашивает Фейт.

— Да, — мама Себастьяна смотрит через весь стол на Дэна. — Я пригласила его на танцы Сэди Хокинс [так называют танцы, когда девушки приглашают парней (в отличие от выпускного, например, когда приглашающий — парень) — прим. перев.].

Маленькая девочка с полным ртом интересуется:

— А что такое танцы Сэди Хокинс?

Пока мама ей объясняет, я думаю о ее словах. Когда миссис Бразер заканчивает, я поворачиваюсь к Дэну.

— То есть вы начали встречаться еще в школе?

— Ага, — кивнув, отвечает он. — Мы познакомились в последний год учебы и поженились

сразу же после моего возвращения домой после миссии.

Колесики в моем мозгу с визгом останавливаются.

— А вам так позволено?

— Мы не можем иметь отношения, когда уезжаем на миссию, — говорит он и улыбается жене, — но правила, запрещающего писать одно письмо в неделю, нет.

— Можно подумать, вам двоим что-нибудь запретишь, — посмотрев на младших детей, Джуди добавляет: — Вашему папе не понравится, что я это говорю, но видели бы вы, как он любил писать вашей маме. Я постоянно находила ее письма у него в карманах. Они были без ума друг от друга.

К продолжению разговора я уже не прислушиваюсь. Отставив в сторону ряд сложностей, могу сказать, что если мы сможем остаться на связи во время отъезда Себастьяна, все это предстает не в таком уж и плохом свете. Два года срок небольшой, я все равно буду в это время учиться. А там, может быть, пророку явится какое-нибудь новое откровение.

Все еще может получиться, правильно?

И сейчас я чувствую надежду.

Своим вопросом Дэн возвращает меня из моих мыслей в реальность.

— Таннер, твоя семья посещает синагогу в Солт-Лейк-Сити? — потом он поворачивается к Эйбу. — Я пытаюсь сообразить, где тут у нас ближайшая.

Какой неловкий момент. Даже я не знаю, где ближайшая синагога.

— Дай-ка подумать, — отвечает Эйб. — В Парк-Сити есть синагога Хар Шалом...

— Это слишком далеко, — будто решив, что нам это не подходит, отвечает Дэн и качает головой.

— Согласен. А в Солт-Лейк-Сити есть несколько...

Решаю пресечь эти рассуждения в зародыше.

— Вообще-то, нет, сэр, — я смотрю сначала на Дэна, а потом и на Эйба. — Я бы сказал, что сейчас мои родители скорее агностики, хотя мама принадлежала к Церкви СПД. Да и папа больше не еврей.

Боже, что я сейчас сказал?

Над столом повисает тишина. Я даже не могу сказать, какая из этих двух фраз прозвучала хуже: что мама в прошлом принадлежала к Церкви СПД или что я так небрежно разглагольствую об утрате веры.

Молчание нарушает Себастьян.

— Я не знал, что твоя мама ходила в церковь СПД.

— Ага. Она родом из Солт-Лейк-Сити.

Его брови сошлись на переносице, а уголки губ слегка опустились.

— О, это значит, что твои родственники из местных! — радостно восклицает его мама. — Ты с ними видишься?

— Мои бабушка с дедушкой сейчас живут в Спокане, — говорю я. И предусмотрительно решаю не упоминать, что за все свои восемнадцать лет я ни разу с ними не встречался, за что мысленно пожимаю себе руку. Но это означает, что за ртом следить я не успеваю, поэтому оттуда вылетает: — Но в Солт-Лейк-Сити живет моя тетя со своей женой. Как минимум раз в месяц мы с ними видимся.

Неловкое ерзанье на стульях — это единственный звук, раздающийся в столовой.

Боже мой, а что я ляпнул сейчас?

Себастьян пинает меня под столом. Когда я смотрю на него, то вижу, как он сдерживается, чтобы не засмеяться. А меня несет все дальше и дальше:

— К нам часто приезжает моя бабушка по папе. У них в семье четверо детей, так что

родственников у нас очень много.

Я беру стакан и делаю большой глоток, чтобы заткнуть свой болтливый рот. Но когда проглатываю, снова не могу удержаться:

— Бабуля правда регулярно посещает синагогу. Она очень верующая. И очень духовная.

Себастьян снова толкает пяткой мою ногу. Уверен, чтобы я уже успокоился, потому как мне не нужно, наверное, быть связанным с какой-либо религией, чтобы меня здесь приняли. Кто знает. Но мое первое ощущение было именно таким. Все они такие собранные. Аккуратно едят, кладут салфетки на колени. Вежливо просят что-нибудь передать и говорят маме комплименты за приготовленные блюда. Впечатляет, с какой идеальной осанкой все сидят за столом. И — что еще важнее — после моего упоминания про Эмили и прошлое родителей дедушка с бабушкой Себастьяна не расспрашивают меня, а изящно переводят разговор на другую тему — интересуются об учителях и грядущих спортивных мероприятиях, — закрыв глаза на мой нескончаемый словесный понос. Время от времени родители напоминают детям не ставить локти на стол (я тут же убираю свои), не увлекаться с солью и доесть овощи, прежде чем просить еще хлеба.

Все разговоры такие чинные, а темы такие безопасные.

Моя семья по сравнению с ними кажется кучкой дикарей. Нет, мы, конечно, не чурбаны неотесанные, но мама известна своей способностью рявкнуть на Хейли за столом: «А ну, кончай трещать!», а папа пару раз забирал тарелку и уходил в гостиную, чтобы не выслушивать наши с Хейли препирательства. Но еще больше нас отличает близость, которую я сейчас особенно остро осознаю, когда сижу за столом с этими приятными, но безропотными незнакомцами. Не отрываясь от спагетти с фрикадельками, семья Скотт ведет серьезные разговоры о том, каково это — быть бисексуалом. А уплетая бабушкин кувал, Хейли однажды поинтересовалась, можно ли заразиться СПИДом во время минета. Я был в ужасе, но родители без колебаний ей тут же ответили. Вспомнив это сейчас, я даже не сомневаюсь, что если к нам на ужин однажды придет Себастьян, он не уйдет домой без наклейки с мотивирующей фразой.

Возможно, такие разговоры за столом — за минусом обсуждений минетов, — проходят и у Бразеров, только без посторонних, но я почему-то сомневаюсь. Понимая, что мои родители, скорее всего, расспросили бы Себастьяна поподробнее, чтобы лучше понять его и его семью, я не особо удивлен, что никто не задал вопрос, почему моя мама больше не имеет отношения к мормонам, а папа не ходит в синагогу. Это нелегкие разговоры, а я всего лишь случайно появившаяся у их стада овца, и, по всей видимости, появившаяся на время. А это ведь дом епископа. Счастье-счастье, радость-радость — помните? Все показывают себя с наилучшей стороны, и любопытствовать или заставлять меня чувствовать себя некомфортно никто не станет. Это назовут невежливостью. А судя по моему опыту, мормоны очень и очень вежливые. Как и Себастьян.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Когда прихожу домой, вижу ждущих меня маму с папой. Они сидят с напряженными улыбками на лицах, а перед ними стоит успевший остыть чай.

Конечно же, я не стал им врать, почему буду ужинать не дома, но все равно это было нелегко. Они стояли на крыльце и молча смотрели мне вслед. Честное слово, у меня было такое ощущение, будто я что-то украл.

— Ну и? — похлопав по стоящему рядом с ним стулу, интересуется папа.

Стул скрежещет по плиточному полу, от чего мы морщимся. Сам не знаю, почему, но этот

неприятный звук меня смешит, поскольку момент и так уже чересчур напряженный — я вернулся с ужина в доме епископа, в чьего сына я вроде как влюблен, и мои родители все это решительно не одобряют, — а этот скрежет только добавил драмы.

У родителей есть свой тайный язык: едва глянув друг на друга, они достигают взаимопонимания. Я пытаюсь подавить рвущийся наружу истерический смех.

— Извини, — шлепнув руками по коленям, я сажусь на стул. — В общем. Ужин.

— Да. Ужин, — повторяет мама.

— Все прошло хорошо. Кажется.

Они кивают. И им явно нужны подробности.

— Его родные очень милые, — я многозначительно округляю глаза. — *Очень. Милые.*

Мамин ответный смешок не особо веселый, а папа по-прежнему выглядит очень обеспокоенным.

— Но это не было чем-то вроде свидания, — уточняю я. — Это же понятно. И это не знакомство с родителями. Обычный ужин.

— Они предпочтут познакомиться с его друзьями, особенно если не знают их по церкви, — кивает мама.

Несколько секунд я просто смотрю на нее.

— Именно это мне сказал Себастьян.

— Сам посуди, — говорит она. — Все, кого они знают, ходят в их церковь. И что, если твой сын — особенно если ты местный епископ — проводит время с кем-то, к этой церкви не принадлежащим? Ты просто захочешь узнать, все ли нормально.

— Тем более что я *не* нормальный — по крайней мере, не настолько, как они думают.

Мне заметно, что маме мой ответ не нравится, но взмахом руки она просит меня продолжать. И я рассказываю о том, как прошел вечер и что родители Себастьяна знакомы со школы. Рассказываю, как ляпнул про Эмили и мамино прошлое. Мама морщится — потому что подобных ляпов вообще быть не должно. Еще рассказываю, что мы опять обсуждали, хотя и совсем немного, миссию Себастьяна, и мои родители чрезвычайно внимательно слушают до конца.

Я замечаю беспокойство в тонких морщинках на их лицах. Они всерьез боятся, что я в него влюблюсь и что это закончится разбитым сердцем — для меня или для нас обоих.

— Значит... они тебе понравились? — спрашивает папа, не обращая внимания, что мама поворачивается и смотрит на него как на предателя.

— Ага. Ну, то есть, не то чтобы они казались своими по духу, но в целом они милые.

Теперь папина очередь поморщиться. Для моих родителей семья значит немало, особенно для папы, конечно, потому что мамины родные не в счет. Зато папина семья славится почти чрезмерной любовью друг к другу. Например, его мать приезжает к нам жить в течение трех месяцев каждый год, с тех пор как я родился. А поскольку дедушка шесть лет назад умер, ей не нравится оставаться дома одной, да и папе приятней, когда она здесь, под его крышей. После того как погостит у нас, бабушка едет к папиному брату и сестрам в Беркли и Коннектикут соответственно и занимается уже другими внуками.

Возможности оставить у нас бабулю на весь год я был бы только рад. Она классная и остроумная, и привносит в наш дом особый комфорт, который, кажется, нам недоступен, когда нас здесь только четверо. Не поймите меня неправильно, мои родители замечательные, но благодаря бабушке в доме становится теплей и уютней, а за последние два десятка лет, что женаты мои родители, бабушка с мамой сильно сблизилась. Папа мечтает о таких же отношениях и с нами, когда сам состарится, и чтобы они были у нас с родителями наших вторых половинок. Честно говоря, мне кажется, папу беспокоит даже больше, чем маму, тот факт, что

она больше не говорит о своих родителях.

Все это мелькает на папином лице, пока я говорю, поэтому я кладу руку ему на плечо.

— Ты выглядишь напряженным, пап.

— Я нечасто вижу, чтобы ты был так... заинтересован кем-то, — с осторожностью подбирая слова, говорит он. — Мы просто беспокоимся, что это не лучший выбор, — добавляет папа и отворачивается к окну.

Глубоко вздохнув, я пытаюсь понять, как лучше ответить. Несмотря на то, что он сказал чистую правду, она ощущается наклейкой поверх моих эмоций: ее легко взять и снять. Я знаю, что Себастьян мне не подходит. Знаю, что, скорее всего, мне будет больно. Просто я больше сосредоточен на попытках быть с ним, нежели на стремлении себя защитить.

Поэтому я говорю отцу то, что он, наверное, и хочет услышать:

— Это просто увлечение, пап. Он хороший парень, но я уверен, что это скоро пройдет.

На какое-то мгновение папа, кажется, мне верит. Мама тоже хранит молчание. Но когда он обнимает меня и желает спокойной ночи, его объятие крепкое и длится столько же, сколько нужно времени на три глубоких вдоха и выдоха.

— Спокойной ночи, ребята, — говорю я и бегу вверх по лестнице к себе в комнату.

Сейчас пятница и всего восемь вечера, и я точно буду бодрствовать еще несколько часов. Отем написала, что пошла к Эрику. И я рад, что не чувствую себя виноватым, поскольку снова слился и не пересекся с ней. Шлю ей множество эмодзи баклажанов, на что она отвечает множеством поднятых средних пальцев.

Интересно, обновил ли Себастьян набор смайлов, и что он чувствует, когда видит у себя в телефоне этот грубый жест, и вообще — заметил ли он его и использовал ли его хоть когда-нибудь?

О чем бы я ни думал, все всегда сводится к нему.

Мама на пробежке, папа в больнице, а Хейли топает по дому как слон и жалуется, что в субботу утром никто не позаботился о стирке.

Я напоминаю, что руки у нее вроде бы не сломаны.

Она пихает меня в бок.

Я подмышкой зажимаю ее голову, и Хейли визжит как резаная, пытаясь дотянуться до моего лица ногтями и крича «Я тебя ненавижу!» так громко, что сотрясаются стены.

И тут раздается звонок в дверь.

— Молодец, засранец, — отталкивая меня, говорит она. — Соседи вызвали копов.

Я подаюсь вперед, поворачиваю ручку и нацепляю улыбку под названием «Это все она».

Но тут земля перестает вращаться.

Почему-то слово «ошалелый» я считал синонимом «буйный», но на самом деле оно ближе к «ошарашенный, и именно так я себя чувствую, увидев у себя на пороге Себастьяна.

— Что за... — я расплываюсь в широченной улыбке.

— Привет, — он поднимает левую руку почесать затылок, и под гладкой загорелой кожей напрягается его бицепс.

От чего я превращаюсь в желе.

— Извини, — говорю я и жестом приглашаю его войти. — Ты пришел как раз в разгар убийства.

Себастьян смеется и входит в дом.

— Я просто собирался сказать... — посмотрев мне за спину, он улыбается. Могу предположить, что за мной стоит Хейли и стреляет лучами смерти мне в спину. — Привет,

Хейли.

— Привет. А ты кто такой?

Я хочу отшвырнуть ее к стене за подобную грубость, но сдерживаюсь, поскольку ее стервозный вопрос дает понять, что я не болтаю о нем целыми днями.

— Это Себастьян.

— О. А ты прав. Он секси.

Ну вот так и бывает. В итоге я все равно хочу размазать сестру по стенке.

Усмехнувшись, он протягивает ей руку. К моему ужасу, Хейли смотрит на нее несколько секунд и только потом пожимает. А когда поднимает взгляд на меня, я вздернутой бровью даю понять, что прикончу ее чуть позже. При родителях манеры Хейли были бы безупречны. А когда дома только я, она превращается в первостатейную сволочь.

— Поднимешься? — спрашиваю я его.

Себастьян смотрит в сторону Хейли, но она уже развернулась и ушла заниматься стиркой, так что он кивает.

— А где твои родители?

— Мама на пробежке. А папа на работе.

Думаю, он улавливает подтекст. И воздух между нами начинает искрить.

Деревянные ступени скрипят под нашими ногами, а я особенно остро ощущаю присутствие Себастьяна у себя за спиной. Моя комната последняя по коридору, куда мы молча и направляемся. У меня под кожей бурлит кровь.

Мы идем в мою спальню.

Себастьян будет находиться в моей спальне.

Он входит, смотрит по сторонам и, кажется, даже не вздрагивает, когда с тихим щелчком я закрываю за собой дверь — нарушив родительское правило. Но минуточку, дело может дойти до поцелуев, а Хейли порядком озверела. Поэтому дверь лучше закрыть.

— Значит, это твоя комната, — еще раз оглядевшись, говорит Себастьян.

— Ага, — я тоже смотрю по сторонам, пытаюсь взглянуть на обстановку его глазами. Здесь у меня много книг (и ни одной религиозной), несколько наград (в основном по учебе) и фотографий (ни на одной из которых я не держу Библию). Сейчас я рад, что отец заставляет меня держать комнату в чистоте. Кровать заправлена, грязное белье лежит в корзине, а на столе пусто, если не считать ноутбук и...

Вот черт.

Себастьян подходит к столу и листает пачку голубых стикеров. Что-либо говорить уже поздно. Я отлично помню, что написано на верхних.

МЫ ПОКИДАЕМ ДРУГ ДРУГА И ПОПАДАЕМ В УЖЕ ЗНАКОМЫЙ ТУПИК.

Я ВООБРАЖАЮ, ЧТО МЕСТО, КУДА ОН ИДЕТ, ЭТО ТИХИЙ СЕМЕЙНЫЙ УЖИН.

СЕКРЕТЫ, БУДТО ПРИЛЕПЛЕННАЯ К НИЗУ СТОЛА ЖВАЧКА.

ОН ПРЕДСТАВЛЯЕТ, ЧТО МЕСТО, КУДА НАПРАВЛЯЮСЬ Я, ЭТО ЧТО-ТО СОВСЕМ ИНОЕ.

В ЛУЧШЕМ СЛУЧАЕ: БУЙНЫЙ ХОХОТ, ГОЛОВОКРУЖИТЕЛЬНАЯ СВОБОДА.

В ХУДШЕМ СЛУЧАЕ: РУГАТЕЛЬСТВА, НЕЧЕТКО ОПРЕДЕЛЕННЫЙ ГРЕХ.

МОЖЕТ, МНЕ НАЛЬЮТ БОКАЛ ВИНА.

НО ДАЖЕ ЕСЛИ ОН ДУМАЕТ ИМЕННО ОБ ЭТОМ, ТО МЕНЯ НЕ ОСУЖДАЕТ.

НАДЕЮСЬ, КОГДА-НИБУДЬ ОН МЕНЯ ПОЛЮБИТ.

Я ХОЧУ ЦЕЛОВАТЬ ЕГО, И ЦЕЛОВАТЬ, И ЦЕЛОВАТЬ.

— Что это?

— Э-э-э... — я подхожу ближе и отклеиваю верхний стикер, будто не уверен в том, что там написано. На самом деле, я более чем уверен, ведь написал это вчера вечером. — А-а. Да ничего.

Я считаю до пяти. Потом еще раз до пяти. И еще раз. Все это время мы молча смотрим на стопку голубых стикеров с заметками в моей руке.

Наконец Себастьян их у меня забирает.

— Это обо мне?

Я киваю, не глядя на него. У меня в груди творится что-то безумное — будто громко топает стадо взбесившихся животных.

Себастьян кладет руку мне на запястье, затем проводит ей до локтя и мягко тянет меня к себе, чтобы я повернулся и посмотрел на него.

— Мне нравится, — шепчет он. — Но это ведь не войдет в твою новую книгу, правильно?

Я мотаю головой. Ложь номер два.

— У тебя есть еще заметки?

Киваю.

— Скажи словами, Таннер, — хохотнув, просит Себастьян.

— У меня есть и еще, но сейчас я... кхм... пишу кое о чем другом.

Он кивает.

— И о чем твоя новая книга?

Повернувшись к окну, я сочиняю на ходу.

— Идея та же, но только он не влюбляется в сына епископа.

Я наблюдаю, как до Себастьяна доходит смысл слова «влюбляется». Уголки его губ дергаются.

— Ты дашь мне почитать?

— Ага, — я быстро киваю несколько раз. — Как только будет что прочитать, — от всего этого мне дурно, но я понимаю, что однажды придется перестать писать о Себастьяне. Нужно будет сочинить что-нибудь еще и дать ему с Фудзитой на вычитку. Знаете, что самое странное? Переставать писать о нем я не хочу. Словно мне необходимо продолжать, до тех пор пока не пойму, чем все это закончится.

Отпустив мою руку, Себастьян подходит к кровати и садится на нее. От этого у меня возникает ощущение, будто мое сердце качает не кровь, а бензин, и в венах вот-вот стартует гонка на максимальное ускорение.

— Сегодня мне прислали авторский экземпляр. Я хочу, чтобы ты тоже прочитал мою книгу, — ковыряя заусенец, говорит он. — Но я беспокоюсь. Вдруг ты решишь, что она ужасная.

— Меня больше беспокоит, вдруг я решу, что она потрясающая, и тогда буду еще больше одержим тобой.

Слава богу, Себастьян смеется, как я на то и надеялся.

— Я нервничаю.

— По поводу выхода книги?

Себастьян кивает.

— И ты уже пишешь вторую?

Еще раз кивает.

— Контракт на три книги. И мне это очень нравится. У меня такое ощущение, что именно этим я и должен заниматься, — Себастьян поднимает голову, и из-за света из окна его глаза похожи на глаза провидца. — После прогулки, — говорит он, а потом многозначительно кивает мне, будто я мог забыть, о чем речь, — я пошел домой и...

Мастурбировал?

— Запаниковал?

Он смеется.

— Нет. Я молился.

— Вполне похоже на панику.

Себастьян качает головой.

— Нет. Молитва успокаивает, — он смотрит на висящую на стене фотографию моста «Золотые Ворота», которую папа сделал за несколько лет до нашего переезда. — И я не чувствовал себя виноватым, — тише добавляет он. — Что неожиданно.

Я и не понимал, как сильно мне нужно было услышать это от него. Чувствую себя каким-то надувным матрасом, из которого медленно выходит воздух.

— Чувство вины — это своего рода признак, если я что-то делаю не так, — продолжает Себастьян. — А когда я ощущаю спокойствие, то знаю, что Бог мои действия одобряет.

Я открываю рот, чтобы ответить, но у меня совершенно нет идей.

— Иногда я задаюсь вопросом, это из-за Бога и Церкви все кажется таким непреодолимым?

— Хочешь мое мнение? — осторожно говорю я. — Я считаю, что Бог, достойный твоей вечной любви, не станет осуждать тебя за то, кого ты любишь в мирской жизни.

Какое-то время Себастьян кивает, после чего смущенно улыбается.

— Ты присоединишься ко мне? — спрашивает он, и я впервые вижу у него такую неуверенную улыбку.

Когда я опускаюсь на кровать рядом с ним, то не только чувствую, но и *вижу*, насколько сильно дрожу. Зажимаю ладони между коленями, чтобы они не подпрыгивали на матрасе.

Во мне около 1,90 м, а в нем, наверное, чуть меньше 1,80 м, но прямо сейчас от него исходит такое спокойствие, какое бывает в тени раскидистой ивы. Себастьян поворачивается, упирается кулаком мне в бедро, другую руку кладет мне на грудь и мягко нажимает, и, прежде чем осознаю, я оказываюсь на спине. Потеряв контроль над собственными мышцами, я, по сути, просто рухнул на кровать, а он теперь нависает надо мной.

Я уже заметил, что утром Себастьян постригся. По бокам снова практически сбрито, а на макушке оставлены мягкие волосы. Его сияющие глаза цвета озерных вод в солнечный день смотрят в мои, и я тут же становлюсь одержим потребностью чувствовать, и чувствовать, и чувствовать.

— Спасибо, что пришел вчера на ужин, — говорит он, оглядывая все мое лицо. Скользя взглядом по щекам и лбу и задерживаясь на губах.

Себастьян смотрит ниже, на мою шею, когда, сглотнув, я отвечаю:

— У тебя хорошая семья.

— Ага.

— Наверное, они решили, что я сбрендил.

Себастьян улыбается.

— Разве что совсем немного.

— У тебя новая стрижка.

Его взгляд становится расфокусированным, когда он смотрит на мой рот.

— Ага.

Я прикусываю губу и вместе с тем заглушаю желание зарычать из-за того, как Себастьян на меня смотрит.

— Мне нравится. Очень.

— Правда? Это хорошо.

Боже, пора сворачивать светские беседы. Положив руку ему на затылок, я притягиваю Себастьяна к себе, и он, тут же наклонившись и прижавшись своим ртом к моему, почти всем весом наваливается на меня и учащенно дышит. Все начинается с ленивых и полных расслабленного удовольствия поцелуев. Поначалу перемежавшихся с застенчивыми улыбками, а потом уже с более уверенными, потому что вот это — *мы* — ощущается так хорошо, что даже больно.

А потом ощущения становятся похожими на набирающий высоту самолет. Мы оба словно заражены безумием и безрассудством. Не хочется думать, что наша взаимная жажда объясняется утекающим временем. И я не готов просчитывать на несколько шагов вперед. Поэтому предпочитаю думать, что причина нашей жажды кроется в чем-то более глубоком. Например, в любви.

Прижавшись своей грудью к моей и запустив руки мне в волосы, Себастьян низким голосом издает тихие стоны, которые все больше и больше ослабляют мою сдержанность, до тех пор пока все, о чем я могу думать, не сводится к одному слову: *да*.

Все происходящее ощущается как *да*.

Его рот — *да*, его руки — *да*, и он, начавший двигаться на мне — *да, да, да*.

Я провожу руками по спине Себастьяна, ныряю под рубашку и чувствую горячую кожу его тела. *Да*. У меня нет времени осознать, что я ответил на свой вопрос относительно его храмового белья, потому что его рубашка уже снята — *да*, — а потом и моя — *да*; и это ощущение кожа к коже...

Д

А

...и я еще никогда не был вот так, внизу, никогда не обхватывал ногами чьи-то бедра, никогда не ощущал подобное трение и давление; и он говорит мне, что думает обо мне каждую секунду...

да

...а потом говорит, что никогда не чувствовал ничего подобного и что ему нравится посасывать мои губы, и что ему хочется остановить время, чтобы мы могли целоваться часами напролет...

да

...а я говорю ему, что ничто и никогда не может сравниться с происходящим прямо сейчас, и Себастьян смеется, практически не отрываясь от моих губ, а я уверен, у него нет ни тени сомнения в том, как сильно я им увлечен. Под ним я превратился в какого-то монстра, приподнимая бедра и осьминогом цепляясь за него. Не думаю, чтобы хоть что-то в этой вселенной ощущалось столь же хорошо.

— Я хочу знать о тебе все, — говорит Себастьян, становясь безумным, скользя губами по шее и царапая мою кожу щетиной.

— Я расскажу тебе что угодно.

— Ты теперь мой парень? — спрашивает он, потом втягивает мою нижнюю губу в рот и

смеется сам над собой, как будто это обычные слова, а не самое потрясающее, что я только слышал в своей жизни.

— М-м, да.

Его парень. Да.

— Пусть я сейчас и твой парень, но об этом никому не расскажу, — шепотом уверяю я.

— Я знаю.

Его рука скользит по моему телу вниз — о боже, — и прикосновение сквозь ткань моих спортивных штанов кажется одновременно грязным и невинным, но грязь сразу же растворяется в тот момент, когда я встречаюсь с Себастьяном взглядом и вижу, как он смотрит на мое лицо с благоговейным ужасом.

И я понимаю, почему. Ведь я тоже так никогда еще не делал.

Изумленный, тоже тянусь рукой вниз. Его глаза закатываются от удовольствия, после чего закрываются.

Это просто нереально. Да разве это может быть реально?

Он подается навстречу моей руке, а потом еще раз, и это самое потрясающее из всего, что я когда-либо делал...

Я даже не заметил звуки шагов в коридоре и как открылась дверь. Услышал лишь папин возглас «Ой!» и с шумом захлопнутую дверь.

Отпрыгнув от меня, Себастьян отворачивается к стене и руками закрывает лицо. В этой звенящей тишине я не до конца понимаю, что случилось.

Вернее, понимаю, но это произошло так быстро — буквально за считанные секунды, — что я готов допустить, будто у нас была одна галлюцинация на двоих.

Все это плохо по множеству причин. Я больше не смогу играть в игру «Мы просто друзья!» со взрослыми, сидящими внизу. И теперь, когда нас застукали, меня ждет неслабый нагоняй от одного или обоих родителей.

Но для Себастьяна, разумеется, случившееся гораздо более унижительно.

— Эй, — зову его я.

— Все это плохо, — шепотом говорит Себастьян. Он не опускает руки и не поворачивается ко мне лицом.

Его голая спина — карта из мышц. Я утопаю в противоречивых эмоциях: ощущаю головокружительную радость, что у меня есть парень, и ужас, что этот момент все уничтожил.

— Эй, — повторяю я. — Они не станут звонить твоим родителям.

— Это очень, очень плохо.

— Просто повернись ко мне, пожалуйста.

Он медленно поворачивается и молча ложится на кровать.

Потом издает стон.

— Твой отец нас застукал.

Я беру паузу, чтобы придумать хороший ответ, и останавливаюсь на этом:

— Да, но он, скорее всего, смутился больше нас.

— Сильно сомневаюсь.

У меня были подозрения, что Себастьян не станет рассуждать в таком ключе, но попробовать стоило.

— Посмотри на меня.

Секунд через десять он поворачивается ко мне. Выражение его лица смягчилось, от чего я испытываю такое облегчение, что тянет встать и начать колотить себя кулаками в грудь.

— Все хорошо, — шепчу я. — Он никому ничего не расскажет. Наверное, чуть позже поговорит со мной.

То есть я даже *не сомневаюсь*, что меня ждет разговор.

Расстроено вздохнув, Себастьян закрывает глаза.

— Хорошо.

Я наклоняюсь к нему и думаю, он чувствует мое приближение даже с закрытыми глазами, потому что уголки его губ дергаются, будто сдерживают улыбку. Прижавшись к нему ртом, я предлагаю ему свою нижнюю губу, которую он так любит посасывать. Не сразу, но Себастьян принимает предложенное. Сейчас все совсем не похоже на тот лихорадочный жар, но мне достаточно и этого.

Отодвинувшись от меня, Себастьян встает и берет свою рубашку.

— Я собираюсь домой.

— А я хочу остаться *именно здесь* и никуда не уходить.

Себастьян сдерживает еще одну улыбку, и я наблюдаю, как возвращается на место его привычная маска. Лоб разглаживается, а глаза возвращают свой яркий блеск. На лице появляется беззаботная улыбка, которой я теперь не стану доверять.

— Проводишь меня?

Спустя всего пятнадцать минут после ухода Себастьяна в мою дверь стучит папа. Осторожно, почти прося извинения.

— Входи.

Он входит в комнату и аккуратно закрывает за собой дверь.

Я толком не понимаю, должен ли сердиться или же чувствовать раскаяние, и в итоге от сочетания этих чувств мне покалывает кожу.

Папа подходит к моему столу и садится на стул.

— Во-первых, я хочу извиниться, что вошел без стука.

Лежа на кровати, я кладу раскрытую книгу себе на грудь.

— Принято.

— И помимо этого даже не знаю, что еще сказать, — почесав подбородок, говорит отец, а потом, передумав, добавляет: — Нет, не совсем так. Я знаю, что хочу сказать, но не понимаю, с чего начать.

Сев на кровати, я поворачиваюсь к нему лицом.

— Ну давай.

— Я знаю, что ты чувствуешь к Себастьяну. И уверен, что это взаимно.

— Ага...

— Еще я знаю, что твои чувства искренние и не рождены любопытством или жаждой бунта.

И как мне на это отвечать? Я киваю, понимая, что на моем лице красуется сплошное недоумение.

— А Отец знает?

Я озадаченно моргаю.

— Одди?

— Твоя лучшая подруга. Да.

— Отец про меня вообще ничего не знает, пап, я ей *не рассказывал* про себя. Я никому не рассказывал, помнишь? Разве мама не этого хочет?

— Послушай, — положив руку мне на колено, говорит он. — Я хочу сказать тебе две вещи и начну с простой. Когда в кого-то влюбляешься, так и тянет игнорировать все вокруг.

— Я *не игнорирую* Од...

— Я не договорил, — мягко, но строго замечает папа. — Мне нужно, чтобы ты пообещал

мне сохранить взаимоотношения с другими людьми. Чтобы ты проводил время с Отем, Эриком и Мэнни. Чтобы оставался для Хейли образцом для подражания. Чтобы был внимательным и готовым помочь сыном для своей мамы.

Я киваю.

— Обещаю.

— Я говорю тебе об этом, потому что очень важно, чтобы жизнь оставалась наполненной, независимо от того, насколько глубокими станут твои отношения с Себастьяном. И это никак не связано с его религией. Если ваши отношения продолжатся и каким-то образом наладятся, то тебе будут нужны друзья и их поддержка и принятие. Если же — по любой из причин — отношения ни во что не выльются, тебе будут нужны люди, к которым ты сможешь обратиться.

Я смотрю в пол и ощущаю противоречивые эмоции. Папа прав. И то, о чем он говорит, вполне разумно. Но меня раздражает скрывающийся тут намек, что я сам до этого не додумался.

— И второе, о чем я тебе хотел сказать... — посмотрев в сторону, папа снова почесывает подбородок. — С Церковью меня ничего не связывает, поэтому моя позиция по поводу этих твоих отношений резко отличается от маминого, — отец встречается со мной взглядом. — Но я не считаю, что она не права. Я не совсем согласен с причинами, по которым она советует тебе держаться от него подальше, но согласен, что ситуация довольно сложная. Готов предположить, что его родители не одобряют?

— Думаю, не одобряют — это слабо сказано.

Но папа кивает уже на середине моих слов.

— То есть каждый раз, когда ты с ним, это происходит у них за спиной?

— Да.

— Мне это не нравится, — тихо замечает он. — Я предпочитаю думать, что если бы на его месте был ты, то не скрытничал и не нарушал бы наши правила, пока живешь в этом доме.

— Разница в том, пап, что с вами я могу быть открытым.

— Таннер, тебе восемнадцать, и то, что ты делаешь со своим телом, это только твой выбор. Но у меня есть право голоса относительно всего, что происходит в моем доме.

Ой.

— Тебя, Хейли и вашу маму я люблю больше всех на свете. Ты ведь и сам это знаешь.

— Знаю.

— И я в курсе, что тебя привлекают как девушки, так и парни. Ты еще будешь экспериментировать, и я не стану тебя за это осуждать — ни на миг, — он смотрит мне в глаза. — Сложность здесь не в том, что Себастьян парень. Потому что если бы я случайно застукал тебя с кем-то, не имеющим отношение к СПД, то и слова бы не сказал. Разве что мы с тобой обменялись бы многозначительными взглядами во время ужина, и на этом все.

Мое желание свернуться калачиком где-нибудь в уголке усиливается с каждым папиным словом. До чего же все это неловко.

— Но я не хочу, чтобы Себастьян пользовался нашим домом, чтобы делать что-то без ведома его родителей.

— Пап, — чувствуя на лице горячий румянец, говорю я, — вариантов у нас не так уж много.

— Себастьян взрослый. И может съехать от них, чтобы иметь собственное пространство со своими правилами.

И вот так папа сворачивает наш с ним разговор. Я знаю, что его мнение основано на опыте. И сидя сейчас здесь, вглядываясь в лицо, которое мне знакомо так же хорошо, как свое собственное, я понимаю, что папе эти слова дались нелегко.

Ведь, по словам его семьи, двадцать два года назад он влюбился в неподходящую женщину.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Дверь открывает мама Отем и отходит в сторону, чтобы я вошел. Дочь унаследовала от нее появляющиеся при улыбке ямочки на щеке, но на этом их внешнее сходство заканчивается. У Одди рыжие волосы, веснушчатый нос, голубые глаза и оливковая кожа. Представить себе не могу, каково миссис Грин каждый день видеть дочь, настолько похожую на ее погибшего мужа. Это или радует, или же разрывает душу. Скорее всего, и то, и другое.

У нас уже давно сформировался определенный ритуал: приветствуя, я целую ее в щеку, она говорит, что в холодильнике для меня припасен Yoo-hoo, и я бурно радуюсь. Это шоколадное молоко расфасовано в типичные для соков пакетики, что странно. В свое первое лето здесь я как-то упомянул, что люблю это молоко, и с тех пор миссис Грин постоянно его для меня покупает. И теперь я всегда чувствую себя обязанным взять один пакетик по дороге в комнату Одди, вот только уже терпеть его не могу. Мы с ней проводим научный эксперимент: выживут ли африканские фиалки, если их поливать только шоколадным молоком?

Принцесса Отем валяется на полу и работает над черновиком главы. И даже правит что-то красной ручкой. Нарочно не придумаешь.

— Одди, ты самая милая из всех ботаников и книжных червей, каких мне только довелось встречать.

Она даже не посмотрела на меня, когда я вошел.

— Вот только свысока со мной говорить не надо.

— Разве ты не знаешь, что использовать красную ручку — это грубо и может подорвать самооценку учеников. Лучше возьми фиолетовую.

Голубые глаза Одди встречаются с моими.

— А мне нравится красная.

Ее длинные рыжие волосы собраны в огромный пучок на макушке.

— Это я знаю.

Оттолкнувшись локтями от пола, она садится и скрещивает ноги.

— Что ты здесь забыл?

Слышать такое неприятно, поскольку я понимаю, что папа был прав. До появления в моей жизни Себастьяна не было ничего странного в том, чтобы просто взять и прийти к Одди. Теперь же, помимо уроков, я вижусь с ней примерно раз в неделю, а сам максимум времени провожу в одиночестве: пишу, пишу и пишу о нем, стараясь не обращать внимания на то, как мой мозг кричит, что нужно начать новую книгу.

— Что, я уже не могу зайти и провести время со своей лучшей подругой?

— Ты вроде был занят.

— Ты тоже, — говорю я и многозначительно поигрываю бровями. — Как вечер с Эриком, понравился?

— Если под «понравился» ты подразумеваешь «мы целовались, до тех пор пока лица не онемеют», тогда да.

У меня падает челюсть.

— Серьезно?

Отем кивает, и на ее веснушчатом лице появляется румянец.

— И сколько шуточек про маму он отмочил?

— Ни одной! — со смехом отвечает она.

— Не верю, — Эрик повсюду видит возможность брякнуть «Маме своей скажи» или с очевидным подтекстом заявить «Если вы понимаете, о чем я». И ему плевать, сколько раз мы

напоминали, что на дворе уже давно не 2013 год.

— Мне понравилось, — облокотившись на кровать, говорит Отем. — И он мне тоже нравится.

подавшись вперед, я дружески щипаю ее за щеку. Мне беспокойно. Это не ревность, а какое-то странное ощущение потери, будто тех Таннера и Отем, которые были против всех, больше нет. У нас обоих теперь есть кто-то еще. Даже если мы сами этого еще не поняли.

— Что за лицо? — показывая на меня пальцем, интересуется она.

— Просто задумался, — взяв ее красную ручку, я рисую на подошве своих кроссовок. — Я хотел с тобой поговорить.

— Похоже, это серьезно.

— Да нет, — прищурившись, я обдумываю ее слова. — Хотя да, кажется, ты угадала. Я просто хотел извиниться.

Отем молчит, и я поднимаю голову, чтобы попробовать расшифровать выражение ее лица. Я знаю Отем, наверное, лучше всех, но сейчас мне трудно понять, о чем она думает.

— За что? — наконец спрашивает она.

— За то, что был слишком сосредоточен на себе.

— Это сложный семестр, — замечает она. Отодвинувшись назад, Одди рассеянно дергает выбившуюся из моих джинсов нитку. — Прости, что в последнее время тоже была тебе далеко не лучшим другом.

Я удивленно смотрю на нее.

— Ты о чем?

— Вы с Себастьяном подружились, а я, кажется, начала ревновать.

Ой. В голове раздается сигнал тревоги.

Отем громко сглатывает, а когда продолжает, ее голос дрожит:

— Просто он занял ту часть твоего времени, на которую раньше претендовала лишь я. И когда вы разговариваете, между вами будто происходит нечто важное, от чего у меня создается впечатление, что он крадет принадлежащее мне одной, — она поднимает на меня взгляд. — Есть ли в этом хоть доля правды?

Я чувствую, как в груди отбойным молотком колотится сердце.

— Думаю, да.

Ее покрасневшее лицо дает понять, что для нее этот разговор не только о дружбе. Иначе она не стала бы краснеть, а скорее устроила мне выволочку. Так что тут есть что-то еще. И даже если Одди не знает, как трансформировались мои отношения с Себастьяном, она все равно ощущает их важность. Просто еще не успела дать им название.

— Я ревную, — стараюсь казаться храброй и поднимая подбородок, говорит Отем, — по нескольким причинам, но над некоторыми из них работаю.

У меня ощущение, будто я получил в грудь удар молотком.

— Ты ведь знаешь, что я тебя люблю, да?

Ее щеки вспыхивают ярко-розовым.

— Да.

— И что ты для меня одна из самых важных людей на свете.

Когда она поднимает голову, в ее глазах блещут слезы.

— Да, я знаю.

На самом деле, Отем всегда понимала, кто она и чего хочет. Она всегда мечтала стать писателем. Она пишет; она гетеро; она красивая. Перед ней простирается дорога, которая приведет к исполнению ее желаний, и никто не посмеет сказать, что она чего-то не может или не должна достигать. Мне неплохо даются естественнонаучные дисциплины, но с одной

стороны, меня тянет пойти по стопам отца и стать врачом, а с другой, понятия не имею, кем еще я могу быть. Я всего лишь бисексуал и наполовину еврей, влюбленный в парня-мормона. Вот почему мой жизненный путь не такой уж и понятный.

— Иди сюда, — говорю я ей.

Отем заползает ко мне на колени, и я держу ее в своих объятиях так долго, сколько она мне позволяет. От ее щекочущих мою шею волос исходит запах ее любимого шампуня «Аведа», и в сотый раз мне жаль, что я не чувствую по отношению к ней никакого желания, а только глубокую привязанность. Теперь я понимаю, что имел в виду папа. Сказать, что я сохраню дружбу, легко, но мне нужно делать нечто большее. Мне нужно так же защищать своих друзей, как и они меня. Скорее всего, в следующем году мы с ней окажемся в разных университетах, и сейчас самое время убедиться в прочности нашей дружбы. Иначе потеря Отем меня опустошит.

Уорриорз играют в матче-реванше против Кавальерс, и папа по этому поводу врос в диван. Он напряжен всем телом. Такая ненависть к Леброну Джеймсу мне не совсем понятна, но винить отца за преданность любимой команде я все же не могу.

— Я сегодня виделся с Отем, — говорю ему я.

Согласно хмыкнув, папа кивает. И явно не слушает.

— Мы решили тайно сбежать отсюда.

— Вот как?

— Тебе нужно нарастить пивной живот, раз собрался сидеть перед телеком и не обращать внимания на все остальное.

Отец снова хмыкает и кивает.

— У меня проблемы. Мне нужно пятьсот долларов.

Наконец папа поворачивается с ужасом смотрит на меня.

— Что?

— Просто привлекаю внимание.

Поморгав, он с облегчением вздыхает, и тут как раз начинается реклама.

— О чем ты говорил?

— Что сегодня виделся с Одди.

— Она в порядке?

Я киваю.

— Кажется, она встречается с Эриком.

— С Эриком Кушингом?

Снова киваю.

Папины мысли идут в предсказуемом направлении:

— Я думал, ей нравишься ты.

Ответить на это, не став чуточку мудаком, невозможно:

— Кажется, я ей по-прежнему немного нравлюсь.

— Ты рассказал ей про Себастьяна?

— Ты серьезно? Конечно, нет.

Игра возобновляется, и хотя мне не хочется этого делать, я должен спросить как можно скорей. Если не задам свой вопрос, меня разорвет на части от беспокойства.

— Пап, а как отреагировала бабушка, когда ты рассказал ей, что встречаешься с мамой?

Нехотя отрываясь от телевизора, отец берет пульт и выключает звук. А потом поворачивается ко мне, положив одну согнутую ногу на диван.

— Это было очень давно, Танн.

— Просто хочу еще раз послушать, — эту историю я уже слышал, но в детстве детали обычно ускользают, и многое воспринимается не так, как было на самом деле. Рассказ о начале отношений моих родителей как раз такого типа: при первом изложении она казалась романтической, а трудности, с которыми столкнулись папа и его родные — да и мама тоже, — на фоне счастливого конца этой грандиозной истории как-то позабылись.

Мне было тринадцать лет, Хейли десять, поэтому они поведали нам сокращенный вариант: бабуля хотела, чтобы папа женился на дочери ее лучшей подруги, на девушке, родившейся в Венгрии и приехавшей сюда учиться в колледже. Как нам сказали, это было в порядке вещей: когда родители устраивали сватовство. С нами не поделились деталями, о которых я узнал уже позже, в разговорах с тетками и кузенами. Например, что когда семья принимает в твоей жизни активное участие, она делает это по всем фронтам, и правила типа брак — это навсегда, а влечение преходяще, становятся незыблемыми. А найти кого-то из такого же социального круга и с теми же жизненными ценностями гораздо важнее, чем связать судьбу с человеком, с которым ты в течение нескольких месяцев всего лишь занимаешься сексом.

Но в Стэнфорде папа познакомился с мамой, и, по ее словам, она уже знала, что он ее единственный. Папа какое-то время сопротивлялся этой мысли, но, в общем-то, он это тоже понимал.

— Я познакомился с твоей мамой в первый свой день в медицинской школе, — начинает он. — Она работала в одной экстравагантной закусочной рядом с кампусом, куда я зашел, вымотанный и голодный. Я переехал буквально за день до начала занятий, и реальность нахождения вдали от дома сильно отличалась от моих ожиданий. Жить в новом месте оказалось дорого, учебный график получился напряженный, а рабочая нагрузка практически сразу стала невероятно большой. Сделав мне самый лучший сэндвич с курицей на свете, твоя мама поинтересовалась, может ли пригласить меня поужинать.

Эту часть я слышал. И обожаю ее, потому что обычно папа отпускает шуточку про мамины кулинарные таланты, нечестно использованные в качестве приманки. Но только не в этот раз.

— Я думал, она просто проявила дружелюбие, поскольку я выглядел уставшим. Мне и в голову не приходило, что она думала о нас как о паре, — смеется отец. — Но когда она появилась у меня, стало ясно, что у нее есть некие намерения, — папа понижает голос. Кажется, мне больше не станут рассказывать поверхностную версию. Это разговор взрослого мужчины со своим взрослым сыном.

Мама всегда была очень красивой. А в сочетании с ее уверенностью в себе и гениальным умом она просто неотразима! У папы не было ни единого шанса устоять. В конце концов, ему был всего двадцать один год — довольно мало для студента-медика, — и в тот первый вечер за ужином он сказал себе, что нет ничего дурного в том, чтобы провести с ней время. До нее у него были одна или две подружки, но ничего серьезного. Папа всегда знал, что однажды вернется домой и женится на женщине своего круга.

Они встречались тайно, и, даже когда были вместе уже два года и когда он оставался у нее, отец продолжал настаивать, что женится на еврейке. Каждый раз, когда он об этом говорил, мама скрывала расстройство и отвечала: «Хорошо, Пол».

А когда к отцу на три недели приехала бабуля с папиной сестрой Бекой, мама с ними не встречалась. Он им о ней ничего не рассказывал, и все время, что они были в городе, папа у мамы не показывался. Будто исчез. Не звонил и не заглядывал. И она рассталась с ним, когда бабушка с теткой уехали, с чем папа спорить не стал. Пожелал ей всего хорошего и просто стоял и смотрел, как она уходит.

В то время как отец не особенно распространялся о том времени, мама со смехом называла его «Темный год». Но если отставить шутки в сторону, то я видел их фото того периода, и они

заставляли меня беспокоиться. Мягко говоря. Мои родители были *Влюблены* друг в друга — с большой буквы. Папа считал маму красивой и талантливой и души в ней не чаял. В свою очередь, она считала его самым умным и самым замечательным человеком на земле. Я уверен, время, проведенное порознь, заставило их больше ценить друг друга, но их чувства зародились еще до разрыва. А на тех фото у них обоих заостренные черты лица и пустой взгляд. Синеватые круги под глазами папы кажутся темными фазами луны. Мама и так всегда была худенькой, но в «Темный год» стала похожа на скелет.

Папа рассказывает мне, что не мог уснуть. Почти год он каждую ночь спал около двух часов. Редко найдешь студента-медика, который не учился бы ночь напролет, но папа всегда был организованным, целеустремленным и лучшим среди остальных. И не спал он, потому что был влюблен в маму. В тот год он чувствовал себя вдовцом.

Поэтому он пришел в ее старую квартиру и умолял принять его обратно.

Об этом я ничего не знал. Слышал лишь, что они якобы случайно снова столкнулись в кампусе, и папа понял, что больше жить без нее не сможет.

— А почему ты рассказывал, будто вы с мамой случайно встретились в кампусе?

— Потому что именно это я рассказал бабушке, — тихо говорит он. — Я и так расстроил ее, женившись на Дженне. А говорить, что пришел сам и умолял вернуться, было бы еще большим предательством.

От его слов у меня сердце ноет. Видеться с Себастьяном ощущается предательством мамы. Просто до сих пор я не называл это таким словом.

— Дженна усадила меня на стул, — продолжает папа, — и кричала на меня целый час. Говорила, как это больно — оказаться в позиции, где ты ничего не решаешь. Говорила, что будет любить меня всегда, но доверять мне не может, — он смеется. — А потом выгнала меня и сказала, чтобы я реабилитировался в ее глазах.

— И что ты сделал?

— Позвонил бабушке и сказал, что влюблен в женщину по имени Дженна Петерсен. Потом купил кольцо и, снова придя к ней, попросил выйти за меня замуж.

Видимо, мама поинтересовалась, когда именно. А папа ответил: «Когда хочешь». Так что на следующее утро они поженились в здании суда, — еще одна деталь, о которой я не знал. Я видел огромное количество фотографий с их официальной свадьбы: подписание ктубы [еврейский брачный договор — прим.перев.]; мама в плотной фате, готовящаяся пойти по проходу; папа, разбивающий стакан под хупой [балдахин, где совершается церемония бракосочетания у евреев — прим. перев.]; множество фото почетных гостей и членов семьи, произносящих Шева Брахот [«семь благословений», читает раввин или избранный гость свадьбы — прим. перев.]; мои родители, сидящие на поднятых вверх деревянных стульях и друзья, танцующие вокруг. Все эти фото висят в коридоре наверху.

Я и понятия не имел, что на тот момент они уже год были законными мужем и женой.

— А бабушка знает, что ты уже был женат?

— Нет.

— Ты чувствуешь себя виноватым?

Папа улыбается.

— Ни капли. Твоя мама — мое солнце. Во всем моем мире становится теплее, когда она рядом.

— Даже не знаю, каково тебе было, — опустив взгляд на свои руки, говорю я. — Не представляю себе, как смог бы держаться подальше от Себастьяна. Если бы вообще смог, — пусть мне и страшно услышать ответ, но я должен спросить: — Ты рассказал маме, что застукал нас с Себастьяном?

— Рассказал.

— Она злилась?

— Она не удивилась, но была согласна с тем, что я тебе сказал, — папа подается вперед и целует меня в лоб. — Рядом со мной Дженна всегда чувствовала себя в сильной позиции, даже если у нее возникало ощущение, будто я не осознаю ее важность в своей жизни. Ты не беспомощен в своих взаимоотношениях. Но тебе нужно проговорить, на что ты готов соглашаться, а на что нет, — положив палец под мой подбородок, отец приподнимает его. — Ты готов оставаться его секретом? Возможно, пока что да. Но это твоя жизнь, и она у тебя впереди. Поэтому единственный человек, который решает, как она будет выглядеть, — только ты сам.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Себастьян пишет мне каждый вечер перед сном и по утрам, едва проснется. Иногда его сообщение — это простое «Привет».

В другие моменты они чуть длиннее, но не особо. Вот, например, в среду после ужина он прислал сообщение, в котором написал: «Я рад, что мы с тобой смотрим на ситуацию одинаково».

Я так понимаю, это значит, что мы вместе.

И тайно.

И получается... что мы немного бездомные. Мой дом для встреч не подходит. Дом Себастьяна — *тем более*. Мы могли бы проводить время в моей машине, правда это не только выглядит подозрительно, но и попросту опасно, ведь мы будем сидеть в ней, как в аквариуме, ощущая ложную приватность.

Поэтому, начиная с тех выходных, когда к нам в комнату вошел папа, мы с Себастьяном как минимум дважды в неделю ходим гулять в горы.

Что не только позволяет скрыться от любопытных глаз, поскольку в это время года в горах никого нет, но и сжечь — по крайней мере, мне — излишек энергии, которой я переполнен. Иногда бывает жутко холодно, но результат того стоит.

Что мы делали, с тех пор как сквозь поцелуй Себастьян шепотом произнес слова «мой парень»:

- отпраздновали неделю, а потом и две недели наших отношений самым скучным образом: капкейками и сделанными вручную открытками;
- обменивались многозначительными взглядами во время занятий Семинара;
- тайком передавали друг другу письма — как правило, под видом сдачи ему глав «моей книги» на прочтение (заметка на полях: моя книга просто струится из меня, но я в который раз напоминаю себе, что пора остановиться и перестать писать. И при мысли об этом меня охватывает паника. Но я стараюсь оставаться спокойным);
- перечитывали письма, до тех пор пока бумага не протиралась до дыр;
- находили креативные варианты использования эмодзи в сообщениях.

Чего мы не делали, с тех пор как сквозь поцелуй Себастьян шепотом произнес слова «мой парень»:

- не целовались.

Я знаю, что нам обоим трудно переносить эту близость, отказываясь от *настоящей* близости, но все остальное ощущается невероятно хорошо, так что я не позволю отсутствию объятий (и не только) спустить меня с небес на землю.

Отем берет себе лист бумаги из пачки раздаточных материалов и бросает эту стопку на мою часть стола, тем самым вытаскивая меня из размышлений. Себастьян стоит перед классом,

склонившись над блокнотом вместе с Клайвом и Буррито-Дэйвом. И в этот момент мне не важно, что Клайв встречается с Камиллой Харт, а Буррито-Дэйв — со всеми одиннадцатиклассницами подряд. Под ребра вонзается ревность.

Будто почувствовав на себе мой обжигающий взгляд, Себастьян поднимает голову, а потом, покраснев, снова склоняется над блокнотом.

— Как ты... — начинает Отем, а потом мотает головой. — Ладно, неважно.

— Ты о чем?

Она подается вперед ко мне и шепотом спрашивает:

— Как считаешь, ты ему нравишься? Себастьяну.

От ее вопроса сердце на секунду замирает, и, заставив себя посмотреть на экран стоящего передо мной ноутбука, я несколько раз набираю одно и то же слово:

четверг

четверг

четверг

четверг

В четверг, через три дня, мы снова пойдем гулять.

— А я откуда знаю? — спрашиваю я. Небрежно. И равнодушно.

Наверное, все-таки *стоит* пригласить на выпускной Сашу.

Фудзита ходит по классу, останавливаясь около каждого, чтобы оценить прогресс в выборе слов, развитии сюжета и характеров героев. Сегодня 10 марта, и на этот момент у нас должно быть написано порядка двадцати тысяч слов — как и у критиков, которых подобрали в пару каждому участнику. Я написал сорок тысяч слов, но показать главы не могу никому.

Отем со мной в паре работать отказалась — всех, кроме меня, это удивило, — так что из-за отсутствия партнера я старался не особо светиться. Но мне стоило бы раньше догадаться: несмотря на свой взбалмошный писательский вид, Фудзита очень придирчив к деталям.

— Таннер, — говорит он, подойдя ко мне сзади так тихо, что я подпрыгиваю и захлопываю ноутбук. Он смеется и, наклонившись, громким драматическим шепотом интересуется: — Что за роман ты пишешь, приятель? Что за жанр?

Если бы у меня была полная свобода, то от подросткового романа я перешел бы к порно, но, естественно, этому не бывать. Опять же: наши тайные бездомные отношения, о которых нельзя упоминать. Опять же-2: как можно скорей мне нужно начать новую книгу.

— Современный, — отвечаю я и добавляю, на случай если он видел столбик слов «четверг»: — А сегодня что-то завис немного.

— У всех так бывает. Иногда пишется гладко, а иногда вообще никак, — громко замечает Фудзита, чтобы все услышали, а потом снова наклоняется: — Но ты при этом следуешь графику?

— Удивительно, но да, — говорю я.

Зависит от того, как посмотреть, конечно.

— Хорошо, — Фудзита опускается на корточки, и его глаза оказываются вровень с моими. — Слушай-ка, все остальные разбились по парам для взаимной критики. Поскольку ты от графика не отстаешь, а сегодня просто немного завис, я попрошу Себастьяна дать тебе обратную связь, — мой пульс ускоряется. — Я знаю, что он уже разговаривал с тобой по поводу идеи, поэтому, раз у нас нечетное количество учеников, это самое очевидное решение.

Фудзита похлопывает меня по колену.

— Устраивает?

Я широко улыбаюсь.

— Устраивает.

— В чем дело?

Мы с Фудзитой поднимаем головы: Себастьян уже стоит рядом с нами.

— Я сейчас говорил Таннеру, что ты будешь его партнером и критиком.

Улыбка Себастьяна расслабленная и уверенная. Но его взгляд метнулся ко мне.

— Круто, — говорит Себастьян, и его темные идеальные брови приподнимаются. — Это означает, что ты мне все покажешь.

Я приподнимаю брови в ответ.

— Там все слишком голо.

— Вот и хорошо, — беззаботным тоном отвечает он. — Я тебе с этим помогу.

Сидящая рядом Отем покашливает.

А Фудзита хлопает нас с Себастьяном по спине.

— Отлично. За работу!

Себастьян кладет мне на стол папку.

— Здесь несколько моих заметок с нашей последней встречи.

Пульс срывается с места в галоп, и дрожащим голосом я пытаюсь ответить как ни в чем не бывало:

— Супер. Спасибо.

Едва он уходит, я кожей чувствую взгляд Отем.

— Одди, что случилось? — не поворачиваясь к ней, спрашиваю я.

Она наклоняется ко мне и шепчет:

— В вашем разговоре с Себастьяном был сексуальный подтекст.

— Правда?

Отем ничего не отвечает, но ее молчание воспринимается словно еще один собеседник, сидящий рядом.

Когда я наконец взглядом встречаюсь с Одди, мне хочется понять, что именно она видит в моих глазах. Потому что даже не сомневаюсь, что у меня на лице так же ясно, как рекламном плакате, написано:

СЕБАСТЬЯН И ТАННЕР ВСТРЕЧАЮТСЯ

— Таннер, — медленно и драматично, будто приближаясь к концовке романа Агаты Кристи, говорит Отем.

Я поворачиваюсь к ней всем телом. Под одеждой кожа горит огнем, а в груди горячо и колет.

— Думаю, я приглашу на выпускной Сашу.

«Т,

Как прошли выходные? Твои родители в итоге съездили в Солт-Лейк-Сити?

На этой неделе в доме Бразеров царил настоящий хаос. Казалось, в дверь звонили без остановки. В субботу в церкви прошло несколько важных мероприятий. Мы с Лиззи помогали с организацией, но попытки выстроить в ряд два десятка шестилеток были похожи на дрессировку диких кошек. Еще мне кажется, что Сестра Купер после занятий угостила детей конфетами, потому что они так бесились.

В субботу я пришел домой поздно и сразу же отправился в свою комнату. И думал о тебе не меньше двух часов, прежде чем смог уснуть. Вернее, я думал о тебе, потом молился, а потом

снова вернулся мыслями к тебе. После обоих этих действий я чувствовал себя потрясаяще — чем больше молился, тем становился увереннее, что в том, чем мы занимались, нет ничего неправильного, — но потом ощутил одиночество. Мне хочется, чтобы в итоге мы были вместе и разговаривали бы, находясь друг с другом рядом, а не обменивались письмами. Но пусть будет хотя бы так.

А еще у нас с тобой впереди четверг. Это безумие, что я так взволнован? Возможно, тебе придется меня контролировать. Все, чего я хочу, — это целовать, и целовать, и целовать тебя.

Когда ты дашь мне почитать твою новую версию книги? У тебя очень хорошо получается, Таннер. Я страшно хочу увидеть, о чем ты сейчас пишешь.

Я собираюсь поехать в кампус и сегодня на Семинаре отдам тебе это письмо. Когда закончишь читать, знай, что прямо во время написания этого предложения я представлял, как тебя поцелую (да и во время написания всего письма тоже).

Твой
С».

Я прочитал письмо раз семнадцать, после чего спрятал в самый дальний карман рюкзака, где буду хранить его до тех пор, пока не приду домой, а там положу его в коробку из-под обуви на верхней полке шкафа (впрочем, если я сегодня умру, родители сразу же откроют коробку, чтобы понять, в чем причина произошедшего; так что стоит придумать тайник получше).

Эти малозначимые мысли отвлекают меня от беспокойства, которое я испытываю из-за любопытства Себастьяна по поводу моей книги.

Не поймите меня неправильно: я действительно люблю все, что написал. Но мне все равно придется столкнуться с реальностью, потому что на данный момент книги, которую можно сдать, у меня нет. До сих пор этот факт работал как отталкивающий магнит — и мои мысли летели в противоположные от него стороны. Я снова и снова говорю себе, что вполне могу показать часть написанного, дать Фудзита прочитать несколько страниц в качестве примера (прежде чем по сюжету появляется прототип Себастьяна) — сославшись на просьбу о конфиденциальности — и попросить его поставить мне оценку исходя из тех фрагментов, которые он прочитает. Фудзита не сильно заморачивается насчет четкого соблюдения правил, и думаю, сможет это для меня сделать. Или же могу признаться Себастьяну, что книга по-прежнему о нас, и уговорить его поставить оценки нескольким проектам, включая мой, под предлогом желания освободить Фудзиту от части работы.

Но что, если Фудзита на это не пойдет? Что, если по первым двадцати страницам он не поставит мне проходной балл? Я писал как умалишенный. С момента той редакции с Себастьяном я не поменял ни единой детали — даже имена остались нашими. В текущей версии наши отношения выставлены на всеобщее обозрение во всей своей сияющей красоте, и я хочу, чтобы все оставалось, как есть. Семинар. Епископ Бразер. Наши с Себастьяном прогулки в горы и к символу Y. Мои родители, сестра и друзья. Мне не хочется скрываться и прятаться, хотя понимаю, что именно этого Себастьян от меня и ждет.

Наступает четверг, и ровно в три он ждет меня у начала тропы. До заката осталось всего несколько часов, но я надеюсь, мы задержимся сегодня подольше и растянем удовольствие от встречи до темноты. Завтра у Себастьяна до обеда занятий нет, и я рад, что ему удастся немного поспать.

— Привет, — тряхнув головой, он отбрасывает прядь волос со лба. Моя кожа начинает

вибрировать. Хочу прижать Себастьяна к дереву и ощутить, как его волосы скользят между моими пальцами.

— Привет.

Боже, ну мы и идиоты. Стоим и ухмыляемся, будто только что завоевали золотую медаль размером с Айдахо. У Себастьяна проказливый взгляд — мне в нем это нравится, когда он так смотрит. Интересно, кто еще в нем это замечает. Предпочитаю думать, что читающиеся в его взгляде чувства — чистая правда.

— Ты взял с собой воду? — спрашивает он.

Я поворачиваюсь боком, чтобы показать ему бутылку CamelBak.

— Ага, да побольше.

— Это хорошо. Сегодня будем много подниматься вверх. Готов?

— Я пойду за тобой куда угодно.

С широченной улыбкой Себастьян разворачивается и идет по тропе сквозь густые и мокрые от дождя заросли. Я иду следом. По мере подъема ветер становится все сильнее, и наши пустые разговоры стихают. Это напомнило мне, как мы с папой во время его конференции в Новом Орлеане оказались в заведении со шведским столом с морепродуктами. У папы было очень сосредоточенное выражение лица. «Не ешь наполнитель», — сказал он мне, имея в виду хлебные палочки, маленькие сэндвичи на один укус и какие-то крошечные безвкусные пирожки. После чего папа направился прямиком к крабам, лангустам и жареному тунцу.

Задышавшись от ходьбы, разговаривать ни о чем — все равно что есть хлебные палочки рядом с изобилием морепродуктов. Я хочу чувствовать прижатое ко мне тело Себастьяна, когда мы будем о чем-то говорить.

Большинство людей, гуляющих в местных горах, останавливаются у огромной буквы Y. Но после того как дошли до нее спустя полчаса ходьбы, мы продолжаем идти дальше, оставив позади простирающийся внизу город. Мы идем туда, где тропа сужается, и, следуя сначала на юг, поворачивает на восток, а потом к Слайд-Каньону. Дорога здесь становится сложнее, так что мы ступаем осторожнее, чтобы не обжечься о крапиву и не поцарапаться о кустарник. Наконец мы доходим до той части горы, где растут сосны. Они нужны нам скорее для приватности, чем для тени — уже похолодало, и по ощущениям сейчас чуть ниже нуля, но нам, одетым в теплые куртки, не холодно.

Себастьян замедляет шаг и садится под деревьями, откуда открывается вид на гору Каскейд и Шингл Милл Пик. Я без сил падаю рядом, ведь мы шли больше часа. Крутящийся у меня в голове вопрос о том, проведем ли мы здесь ночь, отброшен в сторону. Сегодня мы ушли дальше, чем обычно заходим в выходные, не говоря уж про будни, и чтобы вернуться домой, нам потребуется не меньше еще одного часа. Солнце начинает садиться за линию горизонта, превращая цвет неба в густой и чарующий синий.

Скользнув своей рукой в мою, Себастьян откидывается на спину и прижимает наши ладони к своей груди. Даже сквозь его дутый жилет я ощущаю исходящее от тела тепло.

— Ни чер... вот это прогулка.

Я остаюсь сидеть, опираясь на другую руку для равновесия, и смотрю на каньон. Горы ярко-зеленые с пятнами белого снега. Их острые вершины и гладкие склоны покрыты деревьями. Здесь все так не похоже на долину, усеянную ресторанчиками TGIFridays и магазинами.

— Танн?

Повернувшись, я смотрю на Себастьяна. Соблазну забраться на него и целовать часы напролет сопротивляться невероятно трудно, но до чего же хорошо просто сидеть здесь и держать за руку

своего

парня.

— Что?

Он подносит мою руку к лицу и целует костяшки пальцев.

— Можно мне ее прочитать?

Вопрос прозвучал слишком скоро. Конечно же, я ожидал его, но не сейчас.

— Позже. Я просто... Она *не закончена*.

Себастьян садится.

— Я понимаю. Ты ведь недавно начал ее, правильно?

От постоянного вранья у меня внутри наверняка уже все почернело.

— Вообще-то, — начинаю я, — это было непросто. Я очень хочу написать новую книгу.

Правда. Но каждый раз, когда сажусь за ноутбук, я пишу... про нас.

— Это мне тоже понятно, — какое-то время Себастьян молчит. — Но я готов повториться: ты действительно хорошо пишешь.

— Спасибо.

— Поэтому, может, позволишь мне помочь с редактурой? Сделаю все менее узнаваемым.

Уверен, он справится с этим на отлично, но у него и так дел по горло.

— Я не хочу, чтобы ты волновался об этом.

Себастьян медлит, а потом сжимает мою руку.

— Не волноваться мне трудно. Ты не можешь сдать эту книгу Фудзите. Но если вообще ничего не сдашь, пролетишь с оценками.

— Знаю.

Меня гложет чувство вины. Даже не знаю, что хуже: просить его помочь или начать другую книгу.

— Мне тоже нравится думать о нас, — говорит Себастьян. — Наверное, я искренне хочу отредактировать твою книгу.

— Я бы отправил тебе те фрагменты, которые сейчас у меня есть, но не хочу посылать их на твой университетский ящик.

По видимому, о возможности иметь отдельный адрес электронной почты Себастьян раньше не задумывался.

— Ой, точно.

— Создай новый почтовый ящик, и я пришлю их тебе туда.

Начав медленно, он кивает все быстрее и увереннее, будто у него в голове вырисовывается полная картина. Я знаю в точности, о чем он думает: мы сможем переписываться *постоянно*.

Себастьян такой милый; ужасно не хочу его расстраивать.

— Дома будь осторожен, — говорю я. — Мама создала программу Parentelligentsia. И мне лучше всех известно, как легко с ее помощью отследить каждое твое действие.

— Сомневаюсь, что мама с папой подкованы в современных технологиях, — смеется он. — Но спасибо за предупреждение.

— Программа на удивление легкая в использовании, — возражаю я, отчасти гордый мамой, отчасти извиняясь перед теми представителями моего поколения, кто успел тайком полазать по интернету до появления маминого изобретения. — Именно так мои родители и узнали о... моем интересе к парням. Они установили прогу в общее Облако и могли видеть все сайты, куда я заходил, даже если очистил историю поиска.

Лицо Себастьяна посерело.

— Родители пришли поговорить со мной, и тогда я признался, что летом целовался с парнем.

Мы с ним оба об этом знаем, но еще никогда не обсуждали так открыто.

Себастьян садится лицом ко мне.

— И что сказали родители?

— Мама не удивилась, — я беру камень и бросаю его со скалы. — Папе было трудней, но он старался не усложнять. Думаю, он как-то сам потом справился со своими чувствами. А во время первого разговора лишь спросил, не кажется ли мне, что это временный период. Я ответил, что все возможно, — я пожимаю плечами. — Честно говоря, я тогда и сам не понимал. Ничего подобного мне раньше испытывать не доводилось. Просто знал, что мои чувства схожи, когда я смотрю на фото обнаженных парней и на фото обнаженных девушек.

На щеках Себастьяна вспыхивает ярко-красный румянец. Кажется, я еще ни разу не видел его настолько покрасневшим. Неужели он никогда не видел голые фотки? Неужели я его смутил? Потрясающе.

Его следующие слова звучат немного невнятно.

— Ты уже занимался сексом?

— У меня было несколько девушек, — признаюсь я. — А с парнями я только целовался.

Он кивает, будто видит здесь какую-то логику.

— А ты когда понял? — интересуюсь я.

Себастьян приподнимает брови.

— Что понял? Что ты би?

— Нет, — смеюсь я, но потом тут же прекращаю, потому что мне не хочется, чтобы он решил, будто я насмехаюсь. — Что ты гей.

Замешательство на его лице усиливается.

— Я не такой.

— Не какой?

— Не... *из этих*.

В движущиеся шестеренки моего мозга будто что-то попадает, и все останавливается. И становится больно в груди.

— Ты не гей?

— Я хочу сказать... — снова густо краснея, начинает Себастьян, — меня привлекают парни, и прямо сейчас я с тобой, но я не гей. Это совершенно иное, и я не выбираю этот путь.

Даже не знаю, что сказать. У меня ощущение, будто я тону.

Я выпускаю его руку.

— Например, когда ты не гей и не натурал, а просто... сам по себе, — подавшись вперед, он ловит мой взгляд. — Я не гей. И не натурал. Я — это я.

Я хочу его так сильно, что мне физически больно. Поэтому когда он меня целует, стараюсь, чтобы эти ощущения затмили собой все остальное. Я хочу, чтобы наш поцелуй был признанием и заверением, что ярлыки не важны, а важно лишь происходящее сейчас.

Но это не так. Все время, пока мы целуемся, и потом — когда встаем и направляемся назад — у меня по-прежнему присутствует ощущение, будто я тону. Себастьян хочет прочитать мою книгу. Книгу о том, как я в него влюбляюсь. Но как я могу отдать ему свое сердце, если он совершенно недвусмысленно дал понять, что не говорит на моем языке?

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

В субботу после обеда Отем бежит вслед за мной по подъездной дорожке. Мы выбрались из плена моего дома, и теперь ей можно больше не сдерживать шквал вопросов.

— Это с ним ты говорил, когда я пришла?

— Ага.

— И ты еще убеждаешь меня, будто ему не нравишься? Таннер, я же вижу, как он на тебя смотрит.

Я открываю водительскую дверь своей машины. Для подобного разговора я сейчас совершенно не в настроении. Даже после утреннего звонка Себастьяна в моей голове до сих пор звучат его слова, сказанные в четверг на прогулке.

Я не гей.

Не... из этих.

— Ты правда не видишь, как он на тебя смотрит?

— Одди, — я не отрицаю и не подтверждаю. И этого пока должно хватить.

Она тоже садится в машину, пристегивается и поворачивается ко мне.

— Кто твоя лучшая подруга?

Правильный ответ на этот вопрос мне известен.

— Ты, Отем Саммер Грин, — я включаю зажигание и смеюсь несмотря на плохое настроение. — Надо же было придумать такое имя. Лучше и быть не может [Autumn — дословно осень, Summer — лето, Green — зеленый — прим. перев.].

Отем не обращает внимания на мою шутку.

— И кому ты доверяешь больше всех на свете?

— Папе.

— А после него? — она поднимает руку, чтобы сразу уточнить. — А так же после мамы, бабушки, родственников и бла-бла-бла.

— На Хейли полагаться я бы не стал, — отвечаю, смотря назад, чтобы выехать с подъездной дорожки. Папа не разрешает мне доверять камере заднего вида в Камри, которую я вожу.

Отем шлепает по приборной доске.

— Ты понял, о чем я! И хватит мне зубы заговаривать.

— Ты моя лучшая подруга, — повернув, я выезжаю из нашего района. — И тебе я доверяю больше всех на свете.

— Тогда почему мне кажется, что ты не делишься со мной чем-то важным?

Снова включила режим ищeyка. Мое сердце громко колотится о грудную кость.

Я действительно разговаривал по телефону с Себастьяном, когда Одди пришла ко мне домой. Мы обсуждали его день и церковную деятельность, которую проводят для молодежи.

Мы не говорили про то, какой он не гей.

И не обсуждали мою книгу.

— Ты *постоянно* с ним, — пытаюсь вывести меня на откровенность, замечает Отем.

— Во-первых, на работу с моей книгой у нас действительно уходит уйма времени, — говорю я, и за очередное вранье в меня вонзается воображаемый нож. — Ты решила работать в паре с Клайвом — я не против — но теперь мы в паре с Себастьяном. Вот и общаемся. Во-вторых, я понятия не имею, гей он или нет, — что отчасти правда. — А в третьих, его сексуальные предпочтения нас не касаются.

Единственная причина, по которой она касается меня, это...

Я только сейчас понимаю, что подпитывать наши отношения энергией, не относящейся к мирку Себастьян+Таннер, на самом деле замечательно. Даже сама мысль, что теоретически я могу поговорить об этом с кем-то кроме мамы и папы, ощущается глубоким вдохом — первым за несколько недель. Мне очень нужно обсудить с кем-нибудь — особенно с Одди — произошедшее в четверг.

— Если он все-таки гей, — покусывая ноготь, говорит она, — то надеюсь, его родители не слишком плохо это воспринимают. Иначе было бы грустно, — Одди поднимает руку. — Я знаю, ты не гей, но разве сыну епископа позволено проявлять интерес к парням?

Этот разговор начинает вызывать у меня тошноту. Почему я до сих пор не рассказал Одди о себе? Видимо, на мне сказалась мамина паника, а дружба с Одди для меня важнее всего. Похоже, я не хотел рисковать. Но тем не менее. Про Отем Саммер Грин ведь никак нельзя сказать, что она зашоренный человек, разве нет?

— На кого-то скоро снизойдет откровение, — говорю я ей. — Звони пророку и дай ему знать, что пришло время всем сердцем принять не таких, как все.

— Совсем скоро так и будет, — откликается она. — Кому-то будет откровение. Совсем скоро.

Откровение занимает важное место в вере мормонов. Это довольно прогрессивная идея: мир меняется, и Церковь нуждается в Боге, чтобы справиться с переменами. Тем более что мормоны прихожане Церкви именно последних дней Христа. И они верят, что каждый может получить откровение — непосредственно от Бога, — пока ищет его с намерением сделать что-то хорошее. Но только ныне живущий пророк — президент Церкви — получает откровения, влияющие на учение в целом. «Под сенью вдохновения Божьего» он (а это всегда «он», не «она») сотрудничает с Кворумом Двенадцати Апостолов (также мужчинами), определяет текущую позицию Церкви и подлежащие изменению правила.

Например, вечно больной вопрос. В прошлые времена многоженство было в порядке вещей. Мама Отем мне как-то рассказывала, что среди первых поселенцев было много женщин и слишком мало мужчин, которые сумели бы их защитить. А взяв себе несколько жен, мужчины могли лучше их обеспечивать и брать под защиту в своей общине. Но когда я сам искал информацию, то прочитал, что правительство США не одобряло эту сторону мормонских обычаев и не собиралось предоставлять Юте права полноценного штата. Так что в 1890 году президент Церкви Уилфорд Вудрафф объявил, что полигамный брак не угоден Богу — по-видимому, на этот счет ему было откровение.

Именно это и хотело услышать правительство США. Вскоре Юта стала штатом.

Каждый раз, когда думаю о нашем с Себастьяном прошлом или возможном будущем, я возлагаю большие надежды на идею откровения относительно открытого принятия членов ЛГБТК-сообщества. Сам Бригам Янг однажды сказал о своих надеждах, что прихожане не просто станут слушать про откровения Господа и лидеров Церкви про откровения Господа, но и будут самостоятельно находить истину в своей душе.

Папаша Янг, конечно же, не имел в виду гомосексуальность, но те из нас, кто живет в современном мире — и кто не мормоны, — искренне надеются, что это всего лишь вопрос времени — когда явится откровение и гомосексуальность перестанет быть грехом.

Но даже с учетом с легализацией однополых браков этого так и не происходит.

Отем постукивает пальцами по бедру в ритм звучащей музыки. До этого я не прислушивался, а теперь понимаю, что играет моя любимая песня. У нее медленный, создающий структуру ритм, а голос певца гортанный и хриплый. Слова сначала кажутся самыми обыкновенными, но потом становится ясно, что речь о сексе — впрочем, как и почти в каждой песне на радио.

Песня заставляет меня задуматься о сексе и представить, каким он может быть с Себастьяном. На что он может быть похож... у нас с ним. Это совершенно незнакомая мне территория, и она захватывает дух и пугает одновременно.

— Ты уже разговаривал с Сашей? — внезапно интересуется Отем.

— О чем?

Она удивленно смотрит на меня,

— О *выпуске*.

— Слушай, Одди. Почему ты так заиклилась на этой теме?

— Потому что ты сказал, что собираешься ее пригласить.

— Ну а тебе-то почему не все равно?

— Просто хочу, чтобы ты появился на своем выпускном, — с обворожительной улыбкой говорит она. — И не хочу идти одна с Эриком.

От такой постановки вопроса я начинаю беспокоиться.

— Погоди. Это почему?

— Мне хочется, чтобы с ним все шло помедленней. Он мне нравится, но... — Отем смотрит в окно и, видимо, решает промолчать, увидев, что мы подъехали к озеру.

— Но что? — паркуюсь, спрашиваю я.

— Да нет, все хорошо. Просто хочу, чтобы ты был на выпускном, — она смотрит мне в глаза, и проходит секунда... вторая... третья. — Уверен, что не хочешь пойти со мной?

— А ты хочешь пойти со мной? Одди, конечно же, я пойду с тобой, если нужно.

Она откидывается на спинку сиденья.

— Я сейчас не готова отказать Эрику.

По телу растекается облегчение. Конечно же, Себастьян бы понял, но танцевать с Отем было бы нечестно для них обоих.

Заглушив мотор, я откидываюсь назад и закрываю глаза. Меня не тянет проводить сейчас время с Мэнни и другими ребятами из школы и возиться на парковке с дистанционно управляемыми машинами. Мне хочется вернуться домой и воплотить в слова эти путанные мысли, плавающие мозги. Я расстроен из-за Себастьяна и бешусь, что его весь день нет рядом, в то время как сам чувствую себя вывернутым наизнанку.

— Сколько у тебя было девушек?

Я поворачиваюсь к Отем, вздрогнув от неожиданного вопроса.

— Что?

Даже когда думаю о прошлом, я все равно ощущаю это странное чувство: будто изменял Себастьяну, переспав с кем-то еще.

Отем покраснела. Она выглядит смущенной.

— Просто любопытно. Иногда мне кажется, будто я единственная девственница на земле.

Я мотаю головой.

— Совершенно точно нет.

— Ага. Но я уверена, у тебя есть целая куча историй, о которых мне ничего не известно.

Господи, из-за нее я действительно начинаю тревожиться.

— Одди, ты же знаешь, с кем я был. С тремя девушками. С Джессой, Кайли и Трин, — я протягиваю ей руку. Мне нужно глотнуть свежего воздуха. — Пойдем.

Озеро Юта всегда было великолепным. Ярким и броским. А еще отличным местом для экологически безответственных водных видов спорта, что ужаснуло моих родителей, когда они впервые здесь побывали. По мнению моего отца, гидроцикл — это изобретение дьявола.

Теперь уровень воды понизился, а водоросли стали настолько густыми, что даже в подходящую для купания погоду залезать в озеро никто не рискует. Вместо этого мы располагаемся между парковкой и берегом, едим пиццу, которую принес Мэнни, и бросаем в воду камни, кто дальше.

Я мечтаю о студенческой жизни в большом городе, где свободное время смогу проводить в музеях или спорт-барах за просмотром футбола, или делать что-то еще, не похожее на эти посиделки и треп о ерунде, которую мы и так обсуждаем в школе каждый день. Мечтаю уговорить Себастьяна поехать со мной и показать ему, что быть геем не так уж и плохо.

Коул привел с собой друзей из колледжа, которых я не знаю, и сейчас те недалеко от парковки запускают радиоуправляемые вертолеты. Они крупного телосложения (явно игроки в футбол, крикливые и часто матерятся) — рядом с такими людьми я всегда чувствую дискомфорт. Я, конечно, не Мэнни, но все же не мелкий, и знаю, что мое спокойствие нередко интерпретируется как угроза. Один из тех парней, Илай, окидывает взглядом меня, а потом и стоящую рядом со мной Отем — будто собирается закатать ее в кусок пиццы и съесть. Илай мускулистый и не вызывающий доверия, с толстой шеей и усыпанным рубцами от угрей красным лицом.

Отем пододвигается ко мне ближе и делает вид, будто она моя девушка. Тут же включившись в игру, я обнимаю ее и смотрю ему прямо в глаза. Илай отводит взгляд.

— Не хочешь поэкспериментировать вон с этим? — шучу я.

— *Вот уж нет,* — ворчливо отвечает Одди.

После нашего прерванного появлением Отем разговора по телефону Себастьян уехал участвовать в церковном мероприятии в какой-то парк в Саут-Джордан. До шести часов его дома не будет, что, впрочем, не останавливает меня от бесконечной проверки сообщений: не пришли ли какие-нибудь наводящие на определенные мысли эмодзи?

Но ничего нет.

Мне не нравится, как мы отставили все в сторонку — сказав друг другу: «Обсудим это позже», — и особенно не нравится то, что Себастьян вроде бы даже не заметил, как на меня повлияли его слова, сказанные в четверг. О чем-то похожем я читал в брошюрах, которые мне приносит мама, — мол, квир-людям свойственны постоянные сомнения, поскольку мы понимаем, что нас могут отвергнуть не только из-за нашей идентичности, но и по более глубоким причинам — вот только ничего подобного я раньше не чувствовал. Если Себастьян не считает себя геем, то какого черта он делает рядом со мной?

Я поближе притягиваю к себе Отем и успокаиваюсь от ее тепла.

Мэнни собирает несколько ребят, чтобы те помогли ему собрать большой радиоуправляемый Хаммер, и когда они заканчивают, то по очереди запускают его по ведущей к озеру неровной тропинке между валунами и парковкой.

Наше внимание привлекает потасовка недалеко от моей машины. Друзья Коула борются, смеются, и все мы наблюдаем, как один крупный парень — кажется, его зовут Мика — побеждает Илая. Лежащий под ним Илай пихается, но встать не может. Не знаю, как так случилось, что его уделали, пусть даже и в шутку, но смотреть на это одно удовольствие. Мы даже не сказали это вслух, но и так всем понятно, что он форменный мудака.

— Слезь с меня, *пидор!* — орет Илай, заметив, как много внимания к нему приковано.

Внутри меня будто все замерзает и перестает функционировать. И вся моя энергия сейчас направлена на то, чтобы контролировать выражение лица.

Одди рядом со мной тоже замирает. Слово «пидор» словно эхом проносится над поверхностью озера, но оно задело только нас двоих.

Смеясь еще сильнее, Мика встает и помогает подняться Илаю.

— У тебя конкретный стояк, гомик поганый, — говорит Илай и отряхивает джинсы. Его лицо становится краснее, чем было.

Отвернувшись, я делаю вид, будто хочу всего лишь полюбоваться красивым видом, но краем глаза замечаю, что Одди уже готова голыми руками оторвать Илаю яйца. И винить ее не могу — я и сам в ужасе, что люди где-то еще продолжают употреблять такие слова.

Мика тем временем равнодушно отходит в сторону. Остальные парни подходят к нему, пока он поднимает валяющийся на земле пульт, и напряжение отступает так же легко, как разбиваются волны о скалистый берег.

— Отвратительно, — шепчет Одди. Она смотрит на меня, а я пытаюсь ей улыбнуться сквозь сдерживаемую ярость. Я сейчас подражаю Себастьяну и впервые понимаю его потрясающую фальшивую улыбку. У него большой опыт.

Отем встает и отряхивает сухую траву со своих джинсов.

— Думаю, нам нужно уйти.

— Ты в порядке? — сделав то же самое, спрашиваю я.

— Ага, — отвечает она. — Просто не моя тусовка. Зачем только Коул общается с этими мудаками?

Это тоже не моя тусовка. Я чувствую облегчение.

— Понятия не имею.

Мэнни идет за нами и пытается отговорить.

— Ребят, вы же только что приехали. Неужели не хотите устроить гонки этих машин?

— Я говорила Таннеру, что еще с утра неважно себя чувствую, — сочиняет Одди. — А сейчас стало хуже.

— Отвезу ее домой, — говорю я, пожав плечами, будто она тащит меня отсюда против воли. Но гонки дистанционно управляемых машинок плюс гомофобия — это все-таки не мое.

Проводив нас до машины, Мэнни останавливает меня, прежде чем я успеваю сесть за руль.

— Таннер, по поводу того, что сказал Илай...

По шее покалывающе проносится жар.

— А что он сказал?

— Ой, да ладно тебе, — смеется Мэнни и смотрит в сторону, словно говоря «Не заставляй меня повторять это вслух». — В общем, Илай идиот.

Я хочу скорее сесть в машину.

Это так странно.

И *очень* плохо.

Словно он знает обо мне. Но как он узнал?

Не любящий ходить вокруг да около, Мэнни поднимает солнцезащитные очки на голову и, смущенно прищурившись, смотрит на меня.

— Танн, подожди. Хочу, чтобы ты знал: у нас все окей, да? Я бы никогда не позволил, чтобы кто-то наговорил тебе всякого дерьма.

Я не сопротивляюсь, когда он притягивает меня в свои объятия, но при этом чувствую себя рядом с ним бессильным и маленьким. Где-то на задворках памяти пытаюсь найти, где и как успел выдать себя, и когда Мэнни понял, что мне нравятся парни. Но ничего подобного вспомнить не получается.

— Мэнни, приятель. Все окей. Я даже не понимаю, о чем ты.

Отстранившись, он смотрит на Отем, стоящую очень неподвижно. А потом снова поворачивается ко мне.

— Эй, ладно тогда, чувак. Извини. Я недопонял.

Мэнни поворачивается и уходит, оставив нас с Отем стоять на ветру. Какое-то время мы молчим.

— *Что* это было? — наблюдая, как он уходит, спрашивает Одди.

— А я откуда знаю? — я смотрю на нее и пытаюсь найти произошедшему какое-нибудь простое объяснение. Собственно, я всегда так и делаю. Вот только обычно соображаю быстро. Супербыстро. Но сегодня... сам не знаю, может, я устал. Или может, мне надоело защищаться. А может, меня добило, что Себастьян отрицал очевидное. Или же ураган, состоящий из моих чувств — лжи и полуправды — просто сорвал с петель ставни на моих воображаемых окнах, и Одди теперь видно, что было скрыто внутри.

— Таннер, что происходит?

Таким же голосом тогда задал мне вопрос и Себастьян, в горах. «Я не понимаю, почему ты так расстроен».

Отем все прекрасно понимает — так же, как и Себастьян. Просто хочет, чтобы я произнес это вслух

— Я... — начинаю я и смотрю в небо. Там летит самолет. Интересно, куда. — Кажется, я влюблен в Себастьяна.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Одди улыбается, но ее улыбка чересчур радостная и какая-то искусственная. Я едва не смеюсь, потому что моя первая мысль — Себастьян умеет фальшиво улыбаться намного лучше. Отем, но ляпнуть это сейчас не самая лучшая идея.

— Давай поговорим в машине, — предлагаю я.

Также на автомате она поворачивается и идет к пассажирской двери. Я нахожусь в какой-то прострации, потому что слова Мэнни и выражение его лица без остановки вертятся у меня в голове, а еще вот-вот произойдет разговор с Отем, но поскольку я ждал его так долго, чувствую безумное облегчение.

Она захлопывает дверь. Я сажусь рядом и вставляю ключ в замок зажигания, чтобы включить обогрев.

— Итак.

Поджав под себя ногу, Отем поворачивается ко мне.

— Так, ладно. Что сейчас произошло?

— Судя по всему, Мэнни догадался, что мне нравятся парни.

Она несколько раз моргает. Я знаю, что Отем поддерживает геев — обожает Эмили и Шивани, злится на Церковь СПД из-за их позиции относительно нетрадиционной ориентации ее последователей, а прошлой весной помогала раздавать флаеры в Прово Хай перед мероприятием Альянса геев и гетеросексуалов. Но одно дело поддерживать чисто теоретически. И совсем другое — столкнуться с этим лицом к лицу. В лице ее лучшего друга.

— Чисто технически я би. И был таким, наверное, всегда, но убедился в свои тринадцать лет.

Одди показывает пальцем на свое лицо.

— Если у меня сейчас какое-то другое выражение, отличное от нормального принятия, то надеюсь на твое понимание: это лишь потому, что я расстроена. Ведь ты не сказал мне раньше.

Я пожимаю плечами. Нет необходимости заострять внимание на том, что выбор подходящего времени для подобных рассказов от нее не зависит.

— Ну, короче. Дела обстоят примерно так.

— Похоже, это реально важно.

Я смеюсь.

— Так и есть. Важно. Я практически рассказываю тебе, как именно бьется мое сердце.

Отем выглядит озадаченной.

— Но ты же целовался с Джен Райли в десятом классе. Я сама видела, — говорит она. — А как насчет Джессы, Кайли и Трин? Ты ведь занимался сексом. С девушками.

— Я и с тобой целовался, — напоминаю ей я. Отем краснеет, а я показываю на себя: — Я би.

— Разве не было бы странно, если у нас в школе была бы девушка — которую мы оба обсуждали и считали нереально сексуальной, милой и просто идеальной — при этом я была бы

в нее влюблена, но варила в своих чувствах в одиночку, ничего тебе не сказав?

В таком ключе обо всем этом я не думал, и даже от гипотетической ситуации мне становится грустно, потому что вот он я — доступен для разговора, но Одди не рассказала бы мне из-за отсутствия доверия.

— Да, пожалуй, ты права. Но в свою защиту хочу заметить, что это *Прово*. И ты же знаешь мою маму. В этих вопросах она... занимает как бы воинственную позицию. Я не могу позволить находиться в моем ближнем окружении кому-то, кто не мог бы меня полностью поддерживать. Поэтому идти на риск, чтобы ты конфликтовала сама с собой или имела проблемы из-за меня, я не хотел.

— Боже, теперь мне многое стало понятно, — Отем делает глубокий вдох и, отвернувшись к окну, медленно выдыхает. Когда на стекле появляется конденсат, она рисует на нем пальцем сердечко, фотографирует, капсом подписывает «ВАУ» и размещает в Снэпчате. — Давай вернемся к Себастьяну.

— Ага, Себастьян знает, — сделав вид, будто понял ее неправильно, отвечаю я. — Хотя узнал он случайно. В описании своей книги... я забыл убрать слово «квир», а в том, что она автобиографична, сомнений нет.

От того, насколько обыденно я произношу это слово, глаза Одди округляются. Я и забыл, что не у всех дома мама ходит в пижаме с надписью «МОЙ СЫН КВИР, И ОН КРУЧЕ ВСЕХ».

— Твоя книга о нем?

— Я начал писать о том, каково быть мной в подобном городе. А потом появился Себастьян, и... да. Книга о том, как я в него влюбился.

— А он...

— Он не говорил, что гей, — отвечаю я. И чисто технически не вру. Хотя в любом случае аутинг я ему устраивать не стану. — И он по-прежнему собирается на миссию, так что я предположил...

Отем с улыбкой берет меня за руку.

— Это не значит, что он не гей, Танн. Множество мормонов геи. Множество миссионеров и даже женатых мужчин.

— Возможно. Просто я... подавлен.

Отем сжимает мои пальцы. И, прежде чем она задает вопрос, ее щеки вспыхивают:

— А ты занимался сексом с парнем?

Я мотаю головой.

— Только целовался. И в течение нескольких месяцев у меня был парень. Это еще до моего приезда сюда.

— Ого, — она прикусывает губу. — Как представляю себе вас с Себастьяном... целующихся...

У меня вырывается радостный хохот.

— А вот и она. Отем собственной персоной.

Мы принимаем решение поехать в торговый центр, и по дороге она засыпает меня вопросами.

Как отреагировали мои родители?

Что обо всем этом думает Хейли?

Кто еще из парней в школе мне нравится?

Со сколькими парнями я целовался?

Есть ли отличие от поцелуев с девушками?

С кем мне больше нравится?

Думал ли я открыться для всех?

Я отвечаю на все. Почти. Естественно, мне не хочется признаваться, что поцелуи с Себастьяном лучше, чем с кем бы то ни было.

И, конечно же, я говорю ей, что как только перееду в колледж, сразу «выйду из шкафа». В общем-то, я и в Пало-Альто не особо скрывался. Так что едва пересеку границу этого штата, начну размахивать радужным флагом.

Во время нашего разговора ощущается подтекст, игнорировать который невозможно: Отем больно, что я не рассказал ей раньше. К счастью, ее легко можно отвлечь объятиями, шутками и мороженым. И в душе снова весна.

Отем знает.

Значит, все хорошо.

Остаток дня проведя под прицелом ее вежливых, но настойчивых расспросов, я осознал еще одно преимущество: исчезли навязчивые мысли о том, что Себастьян уехал, что он не гей и — это особенно важно — что Мэнни сказал мне у озера. Наверное, стоит порадоваться его поддержке, но меня раздражает тот факт, что всю свою жизнь мне, видимо, придется провести в сортировке всех знакомых на две категории: безоговорочно принимающие правду обо мне и те, кому давно пора бы. Я рад, что Мэнни оказался на правильной стороне, но позволить себе излишне увлекаться вопросом о том, *как же он догадался*, не могу. Пытаюсь как-то уравновесить облегчение (в моем поведении заметили что-то необычное, но это не превратилось в проблему) и беспокойство (вдруг это станет заметно еще большему количеству людей... и превратится в проблему). Хочется успеть уехать из Прово, прежде чем по этому поводу тут разразится скандал.

С рожками мороженого в руке мы с Отем бродим по торговому центру среди многолюдной толпы, типичной для субботнего вечера. По субботам все ходят по магазинам. Воскресенья же предназначены для богослужений и отдыха. Мормоны не должны в этот день делать что-то, подразумевающее работу для кого-либо другого, поэтому после церкви они идут домой. Так что сегодня в магазинах толпы просто безумные.

Еще сразу заметно, что не за горами выпускные: витрины всех магазинов кричат о наличии у них платьев, смокингов, туфель, украшений, цветов. И кругом распродажи, распродажи, распродажи. Потому что выпускной, выпускной, выпускной.

Поскольку Эрик собрался наконец с духом и пригласил Отем, я снова становлюсь Поддерживающим Лучшим Другом, что означает терпеливо ждать ее у примерочной кабинки, пока она примеряет платье за платьем.

Первое платье черное, облегающее талию и длиной в пол, с короткими рукавами и небезопасно глубоким вырезом. Еще у него есть боковой разрез до середины бедра.

— Оно немного... — я тут же морщусь, стараясь не опускать взгляд ниже лица Одди. — Вернее, *очень*.

— Очень — то есть *крутое*?

— Подходит ли оно для школьных танцев в Юте? Оно... — сделав паузу, я качаю головой. — Ну, не знаю... — показываю на нижнюю половину ее тела, и Отем наклоняется посмотреть, что я имею в виду. — Да мне практически видно твою вагину, Одди.

— Таннер, нет. Не говори слово «вагина».

— А ты сесть-то в нем сможешь?

Отем подходит к пушистому розовому креслу и демонстративно садится нога на ногу. Я отвожу взгляд в сторону.

— Спасибо, что подтвердила мою правоту.

— Ну и какого цвета мое нижнее белье? — с широкой улыбкой интересуется она, думая, что я вру.

— Голубого.

Отем встает и одергивает платье.

— Черт, а мне оно понравилось, — она подходит к зеркалу, а у меня в груди вспыхивает желание ее защитить, едва я представляю на ее теле руки одержимого подростковыми гормонами Эрика. Одди встречается со мной взглядом в зеркале. — Значит, тебе не нравится?

При мысли, что из-за меня она может почувствовать себя не идеальной и не носить понравившиеся вещи, я чувствую себя козлом. Но заглушить свой инстинкт старшего брата (вместе с желанием связать руки Эрика за спиной) тоже не в состоянии.

— Нет, ты выглядишь очень сексуально. Просто... оно слишком открытое.

— Я выгляжу сексуально? — с надеждой в голосе переспрашивает Одди, и я чувствую, как хмурюсь.

— А ты разве сомневаешься?

Задумчиво хмыкнув, она рассматривает свое отражение.

— Я бы отправила это в папку «Наверное».

Отем уходит в примерочную, и под раздвижной дверью мне видно, как к ее ногам падает платье, и она отпихивает его в сторону.

— Кстати, что там с твоей книгой? Теперь, когда я знаю чуть больше прежнего, мне стало еще интереснее.

Прокручивая ленту новостей Инстаграма, я издаю стон.

— Мне она нравится, но сдать Фудзите я ее не смогу.

Отем высовывается из примерочной.

— Почему?

Отвечая, я стараюсь не углубляться в детали:

— Потому что сразу станет понятно: она о том, как я влюбился в Себастьяна. И сомневаюсь, что сын епископа высоко оценит возможность стать звездой истории нетрадиционной любви.

Голос Одди становится приглушенным, когда она примеряет другое платье.

— Поверить не могу, что книга о нем. Если хочешь, я могу быть твоим бета-ридером.

Ее предложение запускает волну панической дрожи у меня в груди. Я чувствовал бы себя куда менее открытым и уязвимым, если бы решил отправить кучу голых селфи по общешкольной рассылке, нежели если бы дал кому-нибудь почитать свою книгу. Даже Отем.

Дверь снова распаивается, и она появляется в платье, которое сшито из на треть меньшего количества ткани, чем в предыдущее. Внезапно я чувствую, будто что-то упустил. Она и раньше переодевалась при мне, но это было в духе «Ай, мои сиськи вот-вот вывалятся из выреза, так что не смотри, а лучше беги подальше». Но сейчас все совсем иначе. Более... демонстративно.

Боже, я чувствую себя придурком, всего лишь думая об этом.

— На купальник больше похоже, — замечаю я.

Ничуть не сбита с толку, Отем перекидывает волосы на левое плечо и поправляет короткое платье.

— Так мне можно почитать или нет?

— Я еще не совсем уверен. Но скоро скажу, — я смотрю, как она одергивает подол, и, не чувствуя особой радости от поворота, куда сворачивает разговор, решаю, что обсудить платье будет более безопасно.

— Вот это мне нравится. За него тебя посадят под домашний арест вплоть до вручения дипломов, но будет весело.

Еще раз глянув в зеркало, Одди поворачивается, чтобы увидеть себя со спины.

— Кажется, слишком короткое, — размышляет она. Ее задница едва прикрыта. Если Отем наклонится поправить туфли, подол платья окажется на спине. — Но сегодня я все равно ничего

не куплю. Просто присматриваюсь и набираюсь идей.

— Типа как ты это делала со свадебным платьем?

Показав мне средний палец, Отем скрывается в примерочной.

— Ты уверен, что не пойдешь на выпускной? Без тебя все будет совсем не то.

Когда она выглядывает из-за двери, я скептически смотрю на нее.

— Да-да, знаю, — говорит Одди и снова исчезает, — Ну, я к тому, что ты можешь пригласить его.

Так странно, что сейчас это стало моей реальностью: упоминать мою ориентацию в разговоре с кем-то, помимо родителей. И говорить о нем.

— Он совершенно точно откажется.

Я смотрю вниз и вижу, как она надевает джинсы.

— Паршиво тогда.

Мне беспокоит, что Отем начнет думать, будто между нами с Себастьяном что-то происходит, даже если я на это не намекнул.

— Давай-ка перечислим причины, почему это нереальная затея. Я не знаю, гей он или нет. Он мормон. Окончил школу в прошлом году. Совсем скоро уедет в книжный тур, а потом и на миссию. Так что я уверен, последнее, чего ему захочется, — это пойти со мной на выпускной.

Где-то в середине моего монолога Отем вышла из примерочной и теперь стоит, огромными глазами глядя мне куда-то за спину. Обернувшись, я замечаю выходящих из магазина Джули и Маккену, которые быстро-быстро что-то строчат в телефонах.

Отем считает, что девчонки ничего не слышали, но, черт, разве она может поручиться? Она ведь большую часть времени пробыла в примерочной. Я пытаюсь не дергаться, но как бы ни старался донести до Отем, что быть квиром в этом городе рискованно, ее болтовня меня не успокаивает.

Мой мобильный не перестает жужжать от сообщений, но все они не от Себастьяна. Я впервые рад, что его телефон недоступен: меньше соблазна, что расскажу ему про события с участием Мэнни, Отем, Джули и Маккены. Нужно принять меры и свести возможные последствия к минимуму, иначе он просто ВЗБЕСИТСЯ.

— Как думаешь, может, мне написать Мэнни и попытаться выяснить, откуда он узнал? — спрашиваю я у Отем, сворачивая на ее улицу.

Подруга согласно хмыкает.

— Или хочешь, я у него спрошу?

— Нет, я могу и сам, просто... Может, оставить все как есть? И притвориться, будто ничего не произошло.

Я паркуюсь у бордюра.

— Но как же он все-таки узнал? — спрашивает Отем.

Как раз это я и не могу понять. И если знает Мэнни, то, может, уже знают все. А если все знают и увидят меня с Себастьяном... то они поймут и про него.

Я снимаю стресс просмотром «Милых обманщиц», когда приходит первое сообщение от Себастьяна.

«Только что приехал домой. Ничего, если я зайду?»

Я оглядываю пустой дом. Хейли у подруги, а родители где-то наслаждаются редким вечером вдвоем. Сейчас почти девять вечера, но еще пару часов дома никого не будет. Я помню, что папа сказал насчет встреч украдкой у нас дома, но Себастьян ведь может просто зайти, верно? Мы сядем на диване и посмотрим телевизор. В этом нет ничего плохого.

«Ага, дома только я. Приходи, когда захочешь».

Почти сразу же я получаю ответ:

«Круто. Скоро буду».

Я бегу наверх и переодеваю футболку. Беру из кухни мусорный пакет и сгребаю в него банки из-под газировки, крошки от чипсов и пустые коробки из-под пиццы. Едва успев войти в дом через гараж, я слышу дверной звонок, останавливаюсь сделать несколько успокаивающих вдохов и иду открывать дверь.

Он стоит на пороге, одетый в черную футболку, потертые джинсы с дырой на колене и красные, почти выцветшие конверсы. Даже без своего обычного лоска Себастьян выглядит... потрясающе. А упавшая на глаза прядь волос не в состоянии скрыть искорки во взгляде.

Моя улыбка такая широкая, что лицо болит.

— Привет.

Я делаю несколько шагов назад, чтобы он смог войти. Себастьян ждет, когда я отойду от двери, и прижимает меня к стене. Его губы такие же горячие, как и рука на моем бедре, а большой палец лежит чуть выше пояса джинсов. Это легкое прикосновение словно сработавший стартовый пистолет — кровь несется по венам с бешеной скоростью, а я подаюсь вперед, настолько возбужденный близостью его руки к другим частям тела, что даже не в состоянии сообразить, почему ему сейчас не стоит так себя вести. Я хочу, чтобы он стянул с меня джинсы. Хочу увести его к себе в комнату и посмотреть, как далеко простирается его румянец.

Поцелуев становится все больше, и Себастьян хватая ртом воздух, после чего проводит зубами по контуру моей челюсти. С тихим стуком откидываю голову на стену, и только в этот момент до меня доходит, что входная дверь все еще открыта.

— Дай я сначала... — начинаю я, и Себастьян отступает на шаг. В легкой панике он наконец смотрит по сторонам, словно только что осознал, где находится.

Так же посмотрев вокруг, я говорю ему:

— Мы одни.

Себастьян заметно ошарашен случившимся — он просто вошел и начал меня целовать, совершенно не замечая ничего вокруг и не задумываясь, есть ли кто дома. Не стану притворяться, будто я тоже не удивлен. Подобная импульсивность скорее в моем стиле, а он всегда казался более сдержанным. Мне нравится, что я могу порушить его искусно выстроенные стены. Это дает ощущение той силы, о которой мне говорил папа, и надежду.

Притащив Себастьяна на диван, я наблюдаю, как он падает на него рядом со мной. Так-то лучше. Уверен, он до изнеможения строил сегодня дома, выкапывал канавы и делал все возможное, чтобы служить людям.

— Как твой день? — спрашиваю я.

Обняв за плечи, Себастьян притягивает меня к себе.

— Хорошо, — отвечает он. Немного откинувшись назад, я вижу, как по его коже пятнами расплзается румянец. — Я соскучился по тебе.

Вот этот хорошо различимый звук — это мое сердце несется на предельной скорости,

разгоняется, а потом взлетает. Я и сам не знал, как важно мне было услышать эти слова, пока Себастьян их не произнес. Они ластиком стирают те, другие: «Не... из этих».

— Я тоже по тебе соскучился — на случай если ты не понял по многочисленным сообщениям.

Несколько минут проходят в комфортном молчании.

— Танн?

Я поворачиваюсь к Себастьяну и вижу, что он, прищурившись, озадаченно смотрит на экран.

— Что это?

— А. Это «Милые обманщицы», подростковый вариант мыльной оперы с заводящими в тупик и сбивающими с толку сюжетными поворотами, но господи, я не могу оторваться. Сколько народу должно погибнуть, прежде чем вызовут полицию? — взяв пакет чипсов, я предлагаю ему угоститься. — Я в шоке, что ты его не видел, Брат Бразер. Это при твоём-то количестве свободного времени!

Он смеется.

— Чем ты сегодня занимался?

Мое сердце бьёт меня изнутри.

— Встречался с Отем.

— Мне нравится Отем. Кажется, она милая.

В животе все сжимается от настойчивого вопроса, рассказать ли ему, что теперь она знает обо мне, но я тут же отбрасываю эту идею. Ведь о нас с ним она не знает, правильно? Было бы круто встречаться и болтать втроем, но сомневаюсь, что он хотя бы отчасти к этому готов.

— Отем лучше всех.

Все произошедшее сегодня преследует меня тенью: Мэнни, Джули, Маккена.

Но Мэнни тоже про нас ничего не знает. А если Джули и Маккена все-таки подслушали мою болтовню в магазине, то слышали лишь, что Себастьян не гей и не пойдёт со мной на выпускной. Значит, он в порядке, так?

Жужжит его лежащий на столике телефон, и Себастьян берет его. Затем откидывается на спинку дивана и притягивает меня к себе. Если поверну голову, то смогу снова его поцеловать.

Набрав пароль, он хмуро смотрит на экран.

— Все нормально? — спрашиваю я.

— Ага. Просто... это мама, — он отбрасывает телефон на другой конец дивана. Сев ровнее, я немного отодвигаюсь от него — в первый раз, с тех пор как он вошел в дом. У него красные глаза и припухшие веки. Не похоже, чтобы он плакал, но явно много раз тер глаза. Я часто видел, что он так делает, когда напряжен.

— Вот черт. Что на этот раз? — помимо учебы, репетиторства и написания второй книги, ему приходится не забывать и о грядущей миссии.

— Да нет, все в порядке, — отмахивается Себастьян. — Мама лишь хочет обсудить произошедшее в лагере.

У меня в голове раздается тревожный звоночек.

— А что произошло в лагере?

— У нас там было упражнение, которое далось мне нелегко.

Я всматриваюсь в него.

— Какое упражнение?

Мерцание экрана телевизора отражается в глазах Себастьяна, но я знаю, что тот его не смотрит — мыслями он где-то в горах.

— Оно называется «Путь к свету». Слышал о таком?

У меня на лице, видимо, написано недоумение, поэтому Себастьян не ждет ответа и со

смехом продолжает:

— Нам завязали глаза и поставили в колонну, чтобы мы держались за плечо впереди стоящего.

Завязать людям глаза в лесу? Больше похоже на фильм ужасов, нежели на церковное мероприятие.

— Тот, кто стоит впереди всех, дает указания: «Идем налево, идем направо». И пока ты чувствуешь плечо человека перед тобой, а на своем плече руку стоящего позади, все нормально, — сделав глубокий вдох, Себастьян опускает взгляд вниз, после чего снова смотрит на экран. — Какое-то время. Но вот в один момент ты чувствуешь руку, а в следующий уже нет. И настает твоя очередь идти вперед и следовать инструкциям.

— Звучит пугающе, — замечаю я.

Себастьян берет мою руку и соединяет наши пальцы.

— Не очень. Большинство из нас уже делало это упражнение, и я знал, чего ожидать, но... на этот раз все ощущалось по-другому.

— По-другому — это когда еще больше сбивает с толку? — спрашиваю я, потому что, если честно, все это звучит просто жутко.

— Не знаю, как тебе это лучше описать. Ведущий уводит тебя с тропы и оставляет сидеть одного и усердно призывать благословение Духа. Но в этот раз сами *ощущения* были совсем другими.

Я сажусь ровнее и полностью поворачиваюсь к Себастьяну.

— Тебя оставили в лесу одного?

— Знаю, звучит жутко, но уверен, что если бы снял повязку, то увидел, что мы находились недалеко друг от друга и от основной тропы. Вот только видеть мы не могли, поэтому молча сидели, ждали и молились.

Посмотрев вниз, я переплетаю наши пальцы.

— И о чем молился ты?

— Чтобы смог получить все, в чем нуждаюсь, — Себастьян смотрит на наши руки, и я замечаю, как подрагивает его подбородок. — Так что я сидел на земле, ничего не видел, а спустя некоторое время услышал неподалеку какой-то звук. Кто-то звал меня по имени. Я узнал голос отца. Сначала он говорил тихо, а потом громче, когда подходил все ближе и ближе. Он звал меня по имени и говорил возвращаться домой.

По лицу Себастьяна стекает слеза.

— Я был на этом упражнении и раньше, и оно всегда немного пугало. Ты ничего не видишь, так что, конечно же, это пугает, но именно для меня в этот раз что-то было иначе. Почувствовав какое-то странное желание поспешить, я встал и пошел на голос. С завязанными глазами я постоянно спотыкался и надеялся, что не упаду со скалы и не врежусь прямо в дерево. Но продолжал идти, зная, что отец не даст мне серьезно пострадать, и при этом чувствуя, что мне нужно торопиться. Когда я наконец нашел его, он крепко меня обнял и сказал: «Добро пожаловать домой». И что он любит меня и гордится тем, каким мужчиной я становлюсь. А в голове у меня все крутилось: «Правда гордишься? А будешь ли продолжать гордиться, если узнаешь про Таннера?»

У меня в груди становится тесно.

— Себастьян...

Покачивая головой, он вытирает слезы тыльной стороной ладони.

— Знаешь, однажды мне приснился сон, в котором я обо всем рассказал родителям: что в восьмом классе мне нравился один мальчик, а потом и еще несколько, хотя никто ни о чем не подозревал. Во сне я признался, что не хотел целовать девочек — ни разу — и что я не могу

пообещать когда-нибудь жениться. А потом я ждал в лесу, но никто не пришел. Все остальные уходили к ждущим их семьям, а я сидел один с завязанными глазами, — он смотрит в потолок и несколько раз моргает. — Вот почему я был так рад, что наяву отец был там, и тогда почти пообещал себе не делать ничего, что поставит под угрозу наши с ним отношения. Но что, если я никогда не захочу жить жизнью, которой отец для меня желает? Что, если ничего не смогу сделать из этого?

Мое горло будто заполнено мокрым песком. Я даже не знаю, что на это сказать Себастьяну. Поэтому притягиваю его к себе, и он прижимается лицом к моей шее.

— Просто в последнее время я так много об этом думаю, — приглушенным голосом говорит он, — и пытаюсь понять, что все это означает. Но ответов на мои вопросы нигде нет. Есть множество книг о любви, о семье и браке, о родительстве. Даже о том, как пережить потерю ребенка, или о сомнениях веры. Но об *этом* нет ничего — ничего полезного, по крайней мере. Везде написано что-то вроде «Влечение к человеку того же пола — чисто технический термин; оно вас никак не идентифицирует. Свои чувства вы контролировать не сумеете, но зато сможете взять под контроль их проявление». И это такое вранье. Нас учили посвящать свои жизни Христу, и тогда он укажет нам путь. Но когда я молюсь, Отец Небесный говорит мне «да», — Себастьян потирает глаза. — Он говорит, что гордится мной и любит меня. А когда я целую тебя, это кажется чем-то правильным, хотя везде, где я читал, написано противоположное. Это сводит с ума.

Он поворачивается ко мне, и я целую его в висок, стараясь не слететь с катушек. Теперь его слова, что он не «из *этих*», приобрели совсем иное значение — подобный ярлык заберет у Себастьяна все, что он когда-либо имел. Я хочу быть сильным. Потому что лично мне принять самого себя получилось легко. И поддержки у меня было немало. Больно видеть, что у него ее нет.

— Милый, мне так жаль, — шепчу я.

— Мы, мормоны, должны молиться и слушать — я так и делаю. Но когда хочу говорить о важном с другими людьми, это как... — Себастьян качает головой, — будто я брежу в темноте и вроде бы знаю, что впереди безопасно, но иду туда один, а за мной никого.

Я по-прежнему взволнован, когда несколько дней спустя паркуюсь у дома Себастьяна.

После той своей исповеди он встал, сходил в туалет, а когда вернулся, сел рядом со мной, улыбаясь, будто ничего не произошло. Я еще не встречал никого, кто так хорошо меняет тему беседы и умеет отодвигать свои чувства в сторонку до более подходящего момента. Не могу решить, это впечатляет или удручает.

Держась за руки, мы смотрели телевизор, но когда снова зазвонил его телефон, Себастьян сказал, что ему пора. У двери он поцеловал меня и несколько раз оглядывался через плечо, пока шел к дороге, а ближе к ночи прислал электронное письмо, где написал, что все в порядке.

У Себастьяна быть в порядке получается реально хорошо.

За последнее время Церковь кое-что поменяла в своих формулировках, что, по словам Себастьяна, подчеркивает их доброту и принятие — все-то у них с добротой — по отношению к тем, кто сопротивляется проявлениям своей сексуальности. Но на самом деле это не кардинальное изменение позиции, а скорее способ противостоять обвинениям в том, что Церковь СПД не приветствует ЛГБТК-сообщество. Когда я читал статьи на эту тему, нашел, что они совсем недавно высказались против конверсионной терапии и признали, что нельзя ожидать или требовать изменений от родителей или церковных лидеров. Так что чисто технически Себастьян может заявить, что он гей, и не оказаться за это изгнанным. Но быть со мной ему все

равно нельзя. Иметь бойфренда означало бы, что он открыто ведет гомосексуальный «образ жизни», а это против правил.

Так что в принципе ничего не изменилось.

Припарковав машину, я тут же выскакиваю из нее. Мама Себастьяна выгружает из багажника продукты, и хотя на самом деле я хочу у нее поинтересоваться, кому может прийти в голову принять религию, которая выгоняет людей только за то, кого они любят, вместо этого бегу ей помочь.

— Боже, Таннер. Ты такой милый. Спасибо, — говорит она и берет сумочку.

Войдя за миссис Бразер в дом, я ставлю пакеты на стол, после чего иду на улицу за остальными. Себастьяна нигде не видно, но в гостиной на ковре растянулась Фейт и что-то рисует.

— Привет, Таннер, — сверкнув улыбкой без одного зуба, говорит она.

— Привет, Фейт, — опустив взгляд на раскраску, я понимаю, что она про Десять заповедей. Интересно, у этих людей есть хоть что-нибудь, не имеющее отношение к религии? Рисунок на раскрытой странице наполовину раскрашен — на горе стоит Иисус с голубыми волосами и обращается к толпе, облаченной в одежду цветов радуги. Пожалуй, мне нравится эта девочка.

— Классный рисунок, — говорю я, а потом показываю на верблюда с подрисованными крыльями: — Очень креативно.

— Я приклею сюда блески, но это можно сделать только на кухне. Ты ищешь моего брата?

— Ага, — отвечаю я. — Он поможет мне с книгой.

Вообще-то, нет, но это отличное алиби.

В гостиную заходит миссис Бразер и улыбается нам обоим.

— Ого, — говорит она Фейт. — Голубые волосы?

— У Иисуса вполне могут быть голубые волосы, — карандаш девочки дерзко порхает над бумагой, и мне хочется сказать ей, чтобы она никогда не забывала этот момент и никаким правилам не позволила изменить свои убеждения.

— Да, пожалуй, вполне могут, — соглашается миссис Бразер и поворачивается ко мне. — Таннер, дорогой, я думаю, Себастьян внизу, у себя в комнате.

— Спасибо, — говорю я. — Отличный рисунок, Фейт.

— Я знаю, — широко мне улыбаясь, отвечает она.

— Таннер, там на столе есть печенье, — выпрямившись, миссис Бразер идет на кухню. Захватишь с собой? А то он работает над чем-то совсем без перерывов.

О да, миссис Бразер, разумеется, я принесу печенье вашему потрясающему сыну. С огромным удовольствием.

— Конечно, — взяв свои вещи, я иду за ней на кухню.

— Скоро я повезу Фейт на танцы, так что если вам понадобится что-нибудь еще, смело угощайтесь.

На гранитной столешнице стоит тарелка печенья с шоколадной крошкой. Только я собираюсь повернуться к лестнице, как что-то снаружи привлекает мое внимание — вспышка синего на качелях. На Себастьяне сегодня синяя футболка. Она обхватывает широкую грудь и демонстрирует бицепсы. Я с трудом могу сфокусировать внимание на чем-то еще. Интересно, одеваясь по утрам он нарочно задается целью меня помучить?

Тихо открыв раздвижную стеклянную дверь, я выхожу во внутренний дворик. Отсюда мне видно, как Себастьян сидит опустив голову и подчеркивает что-то в книге желтым текстовыделителем.

Я иду по лужайке, когда, заметив меня, он поднимает голову.

— Привет, — говорит он и опускает взгляд на тарелку в моих руках. — Ты принес мне

печенье?

— Вообще-то, это твоя мама передала.

— А ты ей нравишься, — качаясь и проводя ногами по траве, замечает Себастьян. — Как и остальным. Я знал, что ты всем понравишься.

Я смеюсь.

— Понятия не имею, почему.

— Ой, да ладно тебе. Ты всем всегда симпатичен. Девушкам, парням, учителям, родителям. Бабушка назвала тебя «тот, очаровательный, с красивыми волосами».

— Твоя бабушка считает меня очаровательным?

Он смотрит на меня, прищурившись от солнца.

— Думаю, ты и сам знаешь, что очаровательный, — хочу, чтобы Себастьян написал это, тогда я могу по сто раз перечитывать его слова. — Так ты угостишь меня печеньем?

Выдержав паузу, я протягиваю ему одно. Печенье еще теплое.

— Твоя мама сказала мне отнести их к тебе в комнату, — многозначительно подняв бровь, говорю я. — Думает, что ты там.

Сегодня он выглядит намного лучше — счастливым. Судя по всему, травмирующий опыт того упражнения позади. Умственная и эмоциональная выносливость — вот его суперсила.

Когда Себастьян улыбается, мое сердце ноет в груди.

— Если мама думает, что я в доме, предлагаю укрыться здесь.

— Она сейчас повезет Фейт на танцы.

— На улице все равно приятней, — Себастьян собирает свои вещи, и мы вместе идем в тень большого дерева. Мы скрыты под навесом из весенних ярко-зеленых листьев, и из дома нас не видно.

Взяв одно печенье, я разламываю его пополам.

— Что ты читал до моего прихода?

— Психологию, — он захлопывает книгу и растягивается на траве. Я стараюсь смотреть ему в лицо, но когда Себастьян поворачивается ко мне, понимаю, что он застучал меня за разглядыванием дорожки волос, идущей от его пупка вниз. — Как сегодня работалось с Макэшерами? — интересуется он.

На первый взгляд кажется, будто его не интересуют сплетни, но по факту это не так. Себастьян замечает все и вся.

— Она чуть со стула не свалилась, демонстрируя глубину своего декольте.

— Я заметил, — смеется Себастьян и откусывает кусочек печенья.

— Как прошел остаток твоего дня?

— Была контрольная по экономике, — он откусывает еще, жует и глотает. — Потом контрольная по латыни. И репетиция хора.

— Хотел бы я взглянуть.

— Может, в следующий раз тебе стоит прогулять школу и прийти посмотреть, — открыв один глаз, Себастьян смотрит на меня. — Ты же любишь послать правила на три буквы.

— Ага, я такой. Круглый отличник и несовершеннолетний преступник одновременно, — слизывая шоколад с большого пальца, краем глаза я замечаю, что теперь он следит за моими движениями. По позвоночнику пробегает дрожь. — Отем почти закончила свою книгу.

Себастьян размышляет и не торопится отвечать. Возможно, видит напряжение в моем взгляде.

— Это хорошо, но так скоро не обязательно. У тебя впереди еще месяц. Кому-то нужно больше времени, кому-то меньше. Тебе в срок нужно сдать готовый черновик, а не отредактированную рукопись.

Я избегаю смотреть ему в глаза, и Себастьян наклоняет голову, чтобы поймать мой взгляд.

— Ты пришлешь мне свои главы?

Мне не нравится мысль, что я заставляю его переделывать мою книгу.

Еще меньше мне нравится, что он во всей красе увидит мои страхи и неврозы.

Поэтому я решаю его отвлечь:

— А когда ты закончил свою?

— М-м... — прищурившись, Себастьян смотрит на ветки над головой. — Я закончил ее в мае — прямо перед дедлайном, если не ошибаюсь, — и неделей позже отшлифовал. До сих пор сомневаюсь, что получилось хорошо.

— Но судя по всему, получилось как надо.

— Разным людям нравится разное. Ты можешь прочитать мою книгу и не впечатлиться.

— Сильно сомневаюсь.

— Можешь-можешь. Мама уже, наверное, собралась раздарить все мои авторские копии, но одну я тебе достану. Таким образом мы будем в расчете, потому что ты дашь мне прочесть свою книгу, — Себастьян улыбается мне самой очаровательной из своих улыбок.

Я легонько пинаю его ботинок носком своего.

— Твою уже прочитал крутой нью-йоркский редактор, и ее издали. Ты же понимаешь, что она не дерьмовая?

— Твоя книга тоже не дерьмовая, Таннер. Это просто невозможно. Само собой, часть деталей нужно будет поменять, чтобы защитить упомянутых там людей, но она не дерьмовая. Ты слишком вдумчив и слишком чувствителен... — он широко улыбается, — Да, я сказал «чувствителен». В тебе это есть. Помимо показного желания послать все на три буквы.

— «Показного»?.. — с ухмылкой начинаю я и тут же замолкаю, услышав голоса наверху.

— Ты что здесь делаешь? — спрашивает мама Себастьяна, и мы наклоняемся ниже, будто нас застукали за чем-то неприемлемым. — Я не ждала тебя дома до ужина.

Подавшись вперед, я замечаю открытое окно ванной прямо над нашим деревом. Она разговаривает не с нами.

Себастьян начинает собирать свои книги.

— Пойдем в дом, — шепчет он. — Я не хочу...

— На прошлой неделе в Калифорнии Бретт Эйвери женился на своем бойфренде, — мы оба замираем, услышав голос отца Себастьяна. Он звучит неодобрительно.

Широко распахнув глаза, Себастьян смотрит на меня.

Могу только представить перепуганное выражение лица миссис Бразер, потому что отец Себастьяна тяжело вздыхает и с грустью говорит «Да».

— О нет, — причитает она. — Нет-нет-нет. Я знала, что он переехал, но не была в курсе, что он... — сделав паузу, чтобы не произнести страшное слово «гей», миссис Бразер понижает голос: — Как его родители?

На короткое мгновение Себастьян меняется в лице, и мне хочется закрыть ему уши, утащить к себе в машину и увезти далеко-далеко.

— Полагаю, как-то справляются, — отвечает ей мистер Бразер. — Судя по всему, Джесс приняла новость более спокойно, чем Дэйв. С ними молится Брат Бринкерхофф, еще он добавил их в список, чтобы помолились остальные. Я пообещал им зайти, поэтому и заехал домой переодеться.

Голоса родителей Себастьяна стихают, когда они идут в другую комнату. Он невидяще смотрит в даль, а я, пораженный, стараюсь сообразить, что же ему сказать.

«Как его родители?»

Себастьян не мог не заметить, что его мама поинтересовалась не Бреттом и не тем,

счастлив ли он: она спросила про его родителей, как будто иметь сына гея — это нечто, с чем приходится справляться. Что приходится объяснять. Улаживать.

Парень всего лишь гей, он *не умер*. Никто не заболел. Я знаю, родители Себастьяна хорошие люди, но, черт возьми, они невольно заставили своего сына ощущать себя так, будто ему нужно полностью себя переделать. Чтобы его приняли. Чтобы одобрили.

— Мне очень жаль, Себастьян.

Собирая маркеры, он поворачивается ко мне и напряженно улыбается.

— Ты про что?

Проходит несколько секунд озадаченного молчания.

— Тебе не странно было слышать, *как* они говорят?

— Про то, что Бретт гей? — когда я киваю, он пожимает плечами. — Сомневаюсь, что кто-то удивлен реакции его родителей.

Я вглядываюсь в его лицо, пытаюсь понять, почему он выглядит таким смирившимся и безропотным.

— Даже не знаю... Может, если разозлится достаточно большое количество людей, все изменится?

— Может, да. А может, и нет, — он подается вперед, стараясь при этом удерживать мой взгляд. — Просто так было всегда.

Просто так было всегда.

Он смирился или же старается реально смотреть на вещи?

Чувствовал ли Себастьян хотя бы раз, что эта тема касается и его тоже?

— Просто так было всегда? — переспрашиваю я. — То есть ты просто уедешь, куда бы тебя ни направили, будешь проповедовать Евангелие и говорить людям, что быть геем неправильно?

— Быть геем не неправильно, но в этом и Господнего плана нет, — он качает головой, и в этот момент меня осеняет, что идентичность Себастьяна — не квир. Он не гей. Даже не игрок в футбол, не брат и не сын. Он мормон.

— Я знаю, что для тебя все это похоже на какую-то бессмыслицу, — осторожно подбирая слова говорит он, и паника стискивает меня изнутри. — Уверен, ты понятия не имеешь, что за отношения у тебя со мной и как я отношусь к тебе, и если ты...

— Нет, — я сжимаю его пальцы, уже не беспокоясь, что нас могут увидеть. — Я имел в виду не это. Я хочу тебя. Но мне неприятно думать, что твои родители будут смотреть на нас как на людей, требующих переделывания.

Проходит немало времени, прежде чем Себастьян отвечает, и я понимаю, что ему не очень нравятся мои предыдущие слова, потому что он убирает руку и зажимает ее между коленей.

— Я не возьмусь предположить, почему Отец Небесный поступает так или иначе. Но в глубине души верю, что у Него есть план для каждого из нас. И он привел тебя в мою жизнь не просто так, Таннер. Причину я не знаю, но она точно есть. Я просто *знаю* это. Быть с тобой не кажется чем-то неправильным. Как и мои чувства к тебе. Так что каким-нибудь образом все образуется.

Опустив голову и глядя на траву, я киваю.

— Присоединяйся к нам в следующие выходные, — тихо предлагает Себастьян. В его интонации я слышу просьбу: ему важно, чтобы я пришел на мероприятие Церкви. Еще слышу, как тем самым он, по сути, приподнял уголок воображаемого ковра и аккуратно замел под него лежащую перед ним и доставляющую неудобства кучу мусора. — Мероприятие грянет молодежное. Будет весело.

— То есть ты хочешь пригласить своего *парня* на церковное мероприятие?

Себастьян на мгновение хмурится, а потом тут же надевает нейтральное выражение лица.

— Я хочу пригласить *тебя*.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Сомневаюсь, что Себастьян на самом деле ожидал, будто я приму его предложение. Даже Отем в шоке уставилась на меня, когда я заявил, что собираюсь на церковное мероприятие. И тем не менее вот они мы, Себастьян и Таннер, паркуемся у футбольного поля в старом добром Парк-Форт Юта.

Мы вылезаем из машины, и я иду за ним к небольшому холму, где все уже собрались вокруг огромных нераспечатанных коробок. Для середины апреля погода стоит превосходная. Уверен, если температура упадет ниже нуля, все мгновенно заболеют, но сейчас, когда на дворе около 15 градусов выше нуля, каждый, кому меньше двадцати лет, демонстрирует бледные ноги в шортах.

Но хочу заметить: в отличие от суперкоротких шортиков, которые обожает Хейли, штанишки присутствующих выглядят довольно прилично. Эта скромность в одежде среди местных не редкость, и мне любопытно, каково представителям мормонской молодежи в других городах, где они в меньшинстве.

Многие девушки таращатся на подходящего Себастьяна и переминаются с ноги на ногу. Я замечаю, что и кое-кто из парней смотрит на него дольше обычного. Интересно, Себастьян осознает, какое влияние оказывает на окружающих? Он ведь даже не ведущий мероприятия, но похоже, что все ждали именно его.

К нему подходят несколько человек и приветствуют рукопожатием. Меня знакомят с Джейком, Келланом, двумя Маккенами (это другие, не из школы) и Люком, после чего я уже перестаю беспокоиться об именах и просто с широкой улыбкой здороваюсь со всеми ижимаю руки. От небольшой стоящей поодаль группки отходит парень примерно нашего возраста или, может, чуть постарше и представляется мне. Его зовут Кристиан, и он рад, что я к ним присоединился. Если правильно понимаю, он ведущий упражнения.

И наконец мы начинаем.

— Сегодня нас ждет служение другим, — начинает Кристиан, и небольшая толпа смолкает. Все снова обращают внимание на шесть огромных коробок, когда он облачивается на одну из них. — Парк постарел, так что настала пора его украсить, — он слегка хлопывает по коробке. — В этой коробке, друзья мои, есть все, что вам нужно, чтобы сделать стол или скамью, — говорит Кристиан и с широкой улыбкой добавляет: — А фокус в том, что у вас не будет ни инструментов, ни инструкций.

Я смотрю на остальных. Похоже, таким правилам никто не удивлен. Никаких инструкций — допустим. Но как же без инструментов?

Мой внутренний голос в панике вопрошает: *«То есть там составные части?»*

— Мы разделимся на шесть команд, — когда Кристиан объявляет это, я чувствую, что Себастьян как бы ненароком от меня отодвигается. Бросаю взгляд в его сторону, но он качает головой. — Для начала нужно оттащить уже существующие столы и скамейки к парковке, откуда их заберет Брат Этвелл с помощниками. Потом будем сооружать новые. А после — перекусим. Нас ждет пицца и вода в бутылках. Но помните: это не соревнование. Не торопитесь. Сделайте на совесть. Именно так мы и работаем на благо людям, — с улыбкой завершает инструктаж Кристиан, и я чувствую себя очень и очень лишним, когда он добавляет: — А теперь пусть кто-нибудь произнесет молитву.

Его слова застают меня врасплох, и я ловлю виноватый взгляд Себастьяна, после чего он склоняет голову.

Парень постарше выходит из общего круга вперед.

— Отец Небесный, благодарим Тебя, что собрал нас в этот прекрасный весенний день. Спасибо за Твою милость и за нашу силу, которой мы будем сегодня пользоваться. Благослови нас, чтобы мы запомнили этот урок и смогли использовать его в повседневной жизни. Чтобы помнили, что лишь через Тебя сможем найти свое спасение. Пожалуйста, не дай Брату Дэвису усомниться и промахнуться, как на прошлой неделе, чтобы нам не пришлось снова вызывать скорую, — по толпе проносится хихиканье, а парень, спрятав улыбку, заканчивает: — Благослови нас, чтобы все мы благополучно вернулись домой. Во имя Иисуса Христа. Аминь.

Когда все поднимают голову, мне становится понятно, почему Себастьян отошел от меня: Кристиан просит нас рассчитаться и разделиться таким образом на шесть команд. Мой бойфренд только что обеспечил нам места в одной команде.

После жеребьевки мы с ним присоединяемся к двум без конца хихикающим тринадцатилетним девочкам, к девятикласснику по имени Тоби и парню из одиннадцатого класса — Грегу. Тоби, Грег, Себастьян и я вместе с другими участниками мужского пола оттаскиваем старые столы для пикника. Девочки же стоят и смотрят — в основном, на Себастьяна.

Я пытаюсь представить в этой ситуации Хейли. Она бы сошла с ума, начини мы заниматься физическим трудом, не рассчитывая на ее помощь.

Думая поначалу, что упражнение окажется незамысловатым, я с удивлением нахожу в коробке семьдесят кусков дерева и совершенно не понимаю, какая часть чему принадлежит. Зато сразу становится ясно, что Грег и Себастьян участвуют в подобных мероприятиях всю свою жизнь. Они быстро сортируют фрагменты по форме и размеру, в то время как мы с Тоби вынуждены задействовать лишь мышечную силу и перетаскиваем их, куда нам скажут.

Себастьян подключает к работе и девочек — Кэти и Дженну Ли.

— Можете отыскать все фрагменты такого размера? — спрашивает он и показывает на деревянную планку сантиметров десять длиной. После того как мы перевернули коробку и высыпали содержимое, эти детали теперь разбросаны по всей траве. — Но берите только те, на которых одинаковое количество штырей и отверстий, ладно? Вот, смотрите, — он показывает, как соединяются между собой планки, и девочки тут же принимаются за поиски, радуясь, что и у них есть задание.

— Танн, — зовет Себастьян, и от того, что он меня так по-дружески называет, по моему телу пробегает легкая дрожь. — Иди помоги мне.

Мы работаем бок о бок и соединяем деревянные фрагменты, которые станут столешницей. Принимаем решение использовать одну короткую и тяжелую деревяшку в качестве молотка, чтобы подогнать части друг к другу, а потом при помощи ботинка Грега устанавливаем на место последний фрагмент. Задумка просто блестящая, но этот восторг по ощущениям и рядом не стоит с радостью, которую я испытываю лишь потому, что сижу рядом с Себастьяном, занят общим с ним делом и ощущаю его тепло.

Ей-богу, если он позвал меня сюда, чтобы я обрел новую веру, то его миссия практически выполнена.

Справившись с заданием первыми, мы разделяемся и помогаем остальным, кто все еще пытается догадаться, как использовать фрагменты досок в качестве инструментов. Пожалуй, сказать, будто все это оказалось непосильным трудом, было бы сильным преувеличением, но и легким задание не назовешь, так что когда привозят пиццу, я радуюсь, поскольку **СТРАШНО ПРОГОЛОДАЛСЯ**.

Мы с Себастьяном садимся под деревом в стороне от остальных. Вытянув ноги перед собой, жадно поглощаем пиццу, будто не ели несколько недель.

Мне нравится наблюдать за тем, как он ест, — обычно это завораживающее зрелище,

поскольку он хорошо воспитан. Но сейчас Себастьян — грубый строитель, поэтому его кусок пиццы свернут пополам, и большая часть тут же отправляется в рот. Впрочем, на его подбородке или футболке нет ни капли соуса. Я же, едва откусив, тут же испачкал свою футболку упавшим ломтиком пеперони.

— Какого хрена... — бормочу я.

— Танн.

Поворачиваюсь к Себастьяну, а он улыбается, но потом наклоняет голову, словно говоря: «Следи за выражениями!»

Я смущенно извиняюсь.

— Я не против, — тихо говорит он. — Но кое-кому из присутствующих это не понравится.

Мы сидим на расстоянии от остальных, от чего создается иллюзия интимности.

— Ты давно с ними знаком?

— С некоторыми всю жизнь, — глядя на ребят, отвечает Себастьян. — Хотя вот семья Тоби переехала сюда всего два года назад. А кое-кто из них ребят новообращенные. Кажется, для Кэти это первое дело на общее благо.

— Ни за что бы не догадался, — смеюсь я.

— Да брось, она милая.

— Что не помешало ей потратить минут двадцать на подсчет сорока штырей.

С тихим смешком он со мной соглашается.

— Извини, что не предупредил тебя насчет молитвы. Вечно забываю.

Небрежно отмахнувшись, я поворачиваюсь к остальным и теперь смотрю на группу подростков другими глазами.

— А с кем-нибудь из них ты ходил на свидания?

Себастьян кивком показывает на высокую девушку, которая сидит у футбольных ворот на другой стороне поля.

— С Амандой.

Я с ней знаком. Она выпустилась вместе с Себастьяном и состояла в студсовете. Красивая, умная, и о ней я не слышал ни одной грязной сплетни. Уверен, Себастьяну Аманда подошла бы просто идеально.

— Долго? — спрашиваю я. Ох, вопрос звучит слишком грубо.

И он это замечает.

— Ревнуешь?

— Немного.

Очевидно, что Себастьяну это нравится. Его щеки розовеют.

— Мы встречались около года. С десятого класса по одиннадцатый.

Ого. Мне хочется расспросить, чем они занимались, часто ли целовались и насколько сблизились... Но вместо всего этого я говорю:

— Но даже тогда ты знал...

Себастьян резко поднимает голову, смотрит по сторонам, и выражение его лица смягчается, когда он понимает, что нас никто не услышит.

— Да. Знал. Но думал, что если я все-таки попытаюсь...

Его слова ощущаются тысячей вонзившихся мне под кожу иголок. Отношения длиной в год означают немало попыток.

Я не... из этих.

— Но ты ведь с ней не спал?

Себастьян берет еще один огромный кусок пиццы и мотает головой.

— И ты считаешь, что однажды можешь жениться на Аманде?

Когда он, жуя пиццу, поворачивается ко мне, в его взгляде я замечаю раздражение.

— А ты считаешь, это подходящее место для такого разговора?

— Можем перенести на потом.

— Я хочу *тебя*, — тихо отвечает Себастьян и наклоняется за новым куском. Расправившись с ним, он смотрит прямо перед собой и добавляет: — Больше никого.

— Как по-твоему, Церковь изменит свое отношение к нам? — интересуюсь я. А потом киваю в сторону ребят на поле. — Опомнятся ли все они когда-нибудь?

Себастьян пожимает плечами.

— Я не знаю.

— Но ты счастлив со мной?

— Более счастливым я никогда не был.

— Значит, ты не считаешь наши отношения ошибкой.

Когда он наконец поворачивается ко мне, его глаза сияют искренностью.

— Конечно же, *нет*.

Он наплыва эмоций я чувствую, как сдавливают горло. Мне очень хочется его поцеловать. Взгляд Себастьяна опускается на мои губы, а потом он снова краснеет и отворачивается.

— Ты ведь знаешь, о чем я думаю, — говорю я. — О чем думаю постоянно.

Кивнув, он наклоняется вперед за бутылкой воды.

— Да. Я тоже.

К тому моменту, когда мы собрали все столики и скамейки и убедились в их надежности, солнце уже начинает садиться за горизонт. Ребята смеются, играют в салки и бросают фрисби. Это куда лучше драк и обзывательств, которые были основным развлечением у озера. Здесь же ощущается уважение ко всему вокруг: к общине, к ближнему, к самим себе и к их Богу.

Большинство ребят садятся в большой минивэн, который отвезет их на парковку у церкви. Но мы с Себастьяном решаем остаться и машем им вслед, пока они не скрываются из виду.

Себастьян поворачивается ко мне, и в этот момент его показная улыбка исчезает.

— Ну как тебе? Ужасно?

— Вот прямо сейчас и думал, что все прошло неплохо, — отвечаю я, и он смеется. — Даже круто, на самом деле. Все очень милые.

— «Милые»? — слегка покачав головой, переспрашивает Себастьян.

— Ну а что? Вообще-то, я серьезно. Они милые и хорошие люди.

Мне нравится бывать в обществе мормонов не потому, что я надеюсь, будто смогу вписаться в их сообщество, а чтобы лучше понять Себастьяна. Что стоит за его словами, когда он говорит что-то вроде: «В эти выходные я сильнее ощущал присутствие Духа». Или каким образом в молитвах находит ответы на вопросы. Себастьян всю свою жизнь прожил в этой атмосфере и понимает этот язык. Церковь СПД имеет свою специфическую лексику, которая и по сей день звучит для моих ушей несколько высокопарно, но для мормонов она естественна, и, как мне кажется, я начинаю понимать, что его слова главным образом означают «Я стараюсь сделать лучший выбор» или «Мне нужно понять, насколько правильны мои чувства».

В парке сейчас тихо, слышно только пение птиц на деревьях и отдаленный гул машин.

— Чем хочешь заняться? — интересуюсь я.

— Домой точно не хочу.

Все мое тело начинает мелко дрожать.

— Тогда давай домой не поедем.

Мы садимся в мою машину, и я кожей ощущаю предвкушение от грядущего вечера. Выехав с

парковки, я просто еду куда-то вперед. Не думая, куда мы в итоге попадем и что будем делать, когда остановимся. Но когда оказываемся в нескольких километрах от города, Себастьян кладет руку мне на колено и медленно скользит вверх. Дома вдоль шоссе реденут, и вскоре мы попадаем на пустынную дорогу. Повинуясь какому-то инстинкту, я сворачиваю на грунтовую дорогу, ведущую к берегу озера, доступ к которому ограничен.

Себастьян оглядывается назад, когда мы въезжаем в распахнутые ворота с висящим на них знаком «Въезд запрещен», наполовину скрытым ветками деревьев.

— Нам действительно стоит сюда ехать?

— Наверное, не стоит, но ворота открыты уже давно, так что мы не единственные, кто сюда заявлялся.

Себастьян ничего не отвечает, но по напряженной позе и замершей руке на моем бедре я ощущаю его неуверенность. Надеюсь, он расслабится, как только поймет, что после наступления темноты нас здесь совершенно никто не увидит.

Грязь на дороге становится гуще, и, свернув на обочину, я выключаю фары и глушу мотор. В наступившей тишине тихо щелкает двигатель. Если не считать мерцающего на поверхности озера отражения луны, на улице почти совсем темно. Отец научил меня всегда держать в багажнике вещи, которые могут пригодиться в чрезвычайных ситуациях — в том числе и теплый плед, — так что несмотря на наступивший холод, решаю воплотить одну свою идею.

Я открываю дверь и поворачиваюсь к Себастьяну.

— Пойдем.

Тот неохотно выходит.

Достаю из багажника плед и расстилаю его на еще теплом капоте. Из запасных курток и случайно оказавшегося тут пляжного полотенца делаю нам обоим по подушке и кладу их на лобовое стекло.

Мы можем лежать и смотреть на звезды.

Увидев, чем я занят, Себастьян помогает мне все разложить и забирается на капот. Мы ложимся на спину и одновременно издаем довольный стон.

Он хохочет.

— Выглядело это более комфортно.

Я поддвигаюсь к нему поближе, от чего капот машины протестующе скрипит.

— Не так уж и плохо, вообще-то.

Луна над нами висит низко, а до звезд можно дотянуться рукой.

— Кое-что мне в этих местах особенно нравится, — замечаю я. — Здесь звезды видны всю ночь. Что было невозможно в Пало-Альто — слишком много искусственного освещения.

— Тебе нравится тут *только* это?

Я поворачиваюсь к Себастьяну и, наклонившись, целую.

— Извини. Не только.

— Я не разбираюсь в звездах, — признается он, когда я снова откидываюсь на спину и смотрю на небо. — Все хочу начать изучать, но времени нет.

Показав пальцем на звезды, я говорю:

— Вот здесь созвездие Девы. Видишь вон те четыре звезды наверху, образующие кривую трапецию? А вон гамма Девы и Спика — они чуть ниже и похожи на что-то вроде воздушного змея.

Прищурившись, Себастьян подползает ближе, чтобы получше увидеть, куда я показываю.

— Вон там?

— Нет... Кажется, ты сейчас смотришь на Ворона. А Дева... — я тяну его за руку, и в итоге она оказывается над моей грудью. Мое бешено колотящееся сердце вот-вот выскочит через горло

и покинет тело. — Вот она.

— Да. Вот она, — с улыбкой шепотом повторяет Себастьян.

— А вон та яркая точка — это Венера...

Он взволнованно охает.

— Точно! Я помню...

— А рядом с ней — видишь плотное скопление? Это Плеяды, — говорю я. — Они постоянно приближаются друг к другу.

— Где ты все это узнал?

Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на него.

Себастьян тоже смотрит на меня. Наши лица так близко.

— От папы. После заката в походе дел мало, и остается только лишь жарить маршмеллоу, рассказывать страшные истории или наблюдать за звездами.

— Я всегда был предоставлен самому себе, и никто мне ничего про звезды не рассказывал, поэтому могу распознать разве что Большую медведицу, — отвечает Себастьян. Его взгляд опускается к моим губам.

— Без отца я бы тоже мало что узнал о звездах.

Себастьян отводит взгляд и снова смотрит на небо.

— У тебя замечательный отец.

— Он замечательный, да.

От его слов в груди становится больно. Отчасти потому, что мой папа действительно самый лучший, он хорошо знает меня и любит таким, какой я есть. А отчасти из-за того, что отец Себастьяна совершенно им не интересуется. Когда приеду домой, я запросто могу рассказать папе обо всем случившемся сегодня — даже о том, как мы лежали с Себастьяном на капоте старой маминой Камри, — и наши отношения не изменятся.

Судя по всему, мысли Себастьяна сворачивают в том же направлении, поскольку после продолжительного молчания он произносит:

— Я не перестаю думать о том дне, когда отец крепко меня обнял. И готов поклясться всей своей жизнью: единственное, чего я в тот момент хотел, — это чтобы он был мной доволен. Странно произносить вслух подобную мысль, но мне всегда казалось, если отец мной гордится, то значит и Бог тоже мной гордится. Чувства отца — это внешнее проявление любви Господа.

Что ему ответить, я не знаю.

— Даже представить себе не могу, что бы сделал отец, узнай он, где я был, — смеется Себастьян и кладет свою руку себе на грудь. — Что свернул на какую-то подозрительную дорогу, проехал под запрещающий знак. Что лежу рядом со своим парнем...

От этих слов — «со своим парнем» — меня по-прежнему бросает в дрожь.

— Я так усердно молился, чтобы не увлечься парнями, — признается он.

Я поворачиваюсь и смотрю на него.

Себастьян слегка качает головой.

— И после таких молитв всегда себя чувствовал ужасно, словно просил о чем-то незначительном, в то время как у других людей проблемы посерьезней. Но когда познакомился с тобой...

Мы оба не заполняем словами эту паузу. Предпочитаю думать, что окончанием этой фразы может быть «...Бог сказал мне, что для меня это наилучший выбор».

— Да, — отвечаю я.

— Кстати, в школе никто не знает, что ты предпочитаешь парней, — замечает он.

Я заметил, что Себастьян опять избегает употреблять слова «гей», «би» или «квир». Сейчас самый подходящий момент рассказать ему про Отем, Мэнни, Джули и Маккену, но

проигнорировать эту идею проще. В конце концов, что именно слышали девочки, неизвестно, Мэнни до сих пор держал язык за зубами, а Отем под страхом смертной казни поклялась молчать. Раз у Себастьяна есть свои секреты, то и у меня вполне могут быть свои.

— Ага. Наверное, потому что меня видели с девушками, вот большинство и считает меня гетеро.

— До сих пор не понимаю, почему ты не выбрал встречаться с девушкой, раз можешь.

— Все дело в самом человеке, а не в потенциальных возможностях, — я беру его руку и сплетаю наши пальцы. — Это не мой выбор. В той же степени, как и не твой у тебя.

Кажется, Себастьяну не нравятся мои слова.

— Но как думаешь, ты смог бы рассказать о себе другим? Например, оставшись в итоге с парнем, ты бы... открылся?

— Все тут же узнают, если ты, например, придешь со мной на выпускной.

Себастьян с ужасом смотрит на меня.

— Что?

Моя улыбка становится неуверенной. На самом деле, я не всерьез говорил про совместный поход на выпускной. Впрочем, нежелание пойти туда с ним я тоже не имел в виду.

— Что бы ты ответил, если бы я предложил?

Себастьян явно мечется между вариантами ответа.

— Но я... Я не могу.

Шарик надежды в моей груди сдувается, но это не удивительно.

— Все нормально, — успокаиваю я его. — Ну, то есть, конечно же, я был бы рад пойти с тобой, но ты не обязан соглашаться. Я даже не уверен, что на все сто процентов к этому готов.

— Но сам-то ты пойдешь?

Я откидываюсь на спину и отвечаю:

— Наверное. С Отем, если только она отвяжется от Эрика. Мы с ней по умолчанию «плюс один» друг к другу. Хотя она хочет, чтобы я пригласил Сашу.

— Сашу?

Я отмахиваюсь жестом, говорящим, что все это неважно.

— А ты когда-нибудь был с Отем? — интересуется Себастьян.

— Мы как-то однажды целовались. Магии не получилось.

— Ты про себя или про нее?

С широкой улыбкой я поворачиваюсь к нему.

— Про себя. Что чувствовала она, я не знаю.

Его взгляд скользит по моему лицу и останавливается на губах.

— Думаю, она в тебя влюблена.

Вот только мне сейчас совсем не хочется говорить про Отем.

— А ты?

Сначала Себастьян не понимает, о чем я. Между бровями пролегают тонкие линии, нарушив гладкость его лба.

Но потом морщинки разглаживаются. И он, поняв, округляет глаза.

Я буду вспоминать об этом позже и гадать: Себастьян поцеловал меня, чтобы ничего не отвечать, или поскольку его ответ настолько очевиден, что он просто взял и молча поцеловал меня. Но в момент, когда он подается вперед, перекачивается на меня и прижимается горячими и ставшими такими знакомыми губами к моим, мои эмоции превращаются в воду; а грудную клетку заполняет океан из них.

Я совершенно не в состоянии писать, когда позже вспоминаю этот момент: как Себастьян прикасается ко мне, а его ладони подчиняют меня себе, оставляя на коже практически

обжигающие отпечатки. Мне хочется не только запечатлеть все это в собственной памяти, но и *объяснить* свои эмоции, разложить по полочкам. Но я не могу облечь в слова эту произошедшую между нами перемену, этот буйный вихрь, в который превратились наши тела. На ум в качестве метафоры приходит приливная волна. Осязаемая сила воды, которую не остановить.

Когда прикосновения Себастьяна из неуверенных превращаются в решительные, а он сам впивается в меня взглядом, полным восторга, я взрываюсь, — в этот момент я уверен лишь в том, что мы оба считаем происходящее идеальным и правильным. И что это мгновение, как и следующее, полное тишины, отредактировать нельзя. Как и переписать. Как и стереть.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Когда я прихожу домой, папа еще не спит и с чашкой чая сидит на кухне. Его недовольное лицо намекает, что я нарушил свой комендантский час.

Я ощущаю, как от появившегося чувства вины уголки моих губ начинают опускаться, но нет — мою улыбку с лица так просто не стереть. Я все еще помню прикосновения Себастьяна и мысленно нахожусь в нашем с ним мирке.

Будто разгадав причины моей улыбки, папа вскидывает бровь.

— Отем? — интересуется он, но голос звучит неуверенно. Отец и сам знает, что я никогда так не выглядел после встреч с Отем или с кем-либо еще.

— Себастьян.

— А-а, — протяжно произносит он, кивая и вглядываясь мне в лицо. — Ты предохранялся? О боже.

От смущения моя улыбка грозит вот-вот растаять.

— *Пап.*

— Что? Это обоснованный вопрос.

— Мы не... — начинаю я, потом поворачиваюсь к холодильнику, открываю и беру Колу. В голове мелькают конфликтующие между собой образы: Себастьяна надо мной и папы, сидящего сейчас тут с настороженным взглядом. — Знаешь, мама тебя убьет, если узнает, что ты, по сути, благословил меня на лишение невинности сына епископа.

— Таннер, — по тону отца трудно сказать, хочет ли он посмеяться или же отвесить мне подзатыльник. Кажется, он и сам не решил.

— Шучу. До этого у нас не дошло.

С громким звуком папа ставит кружку на полированную столешницу.

— Танн, рано или поздно дойдет. А я всего лишь хочу быть уверен, что ты осторожен.

Когда я открываю банку, раздается приятное шипение.

— Я не допущу, чтобы он от меня забеременел. Обещаю тебе.

Папа закатывает глаза, и, словно специально выбрав момент, в дверном проеме кухни появляется мама.

— *Что-что?* — с огромными глазами переспрашивает она. На ней сегодня ночная рубашка с надписью «ЖИЗНЬ И ТАК СЛИШКОМ КОРОТКА», сделанной радужными буквами над аббревиатурой ЛГБТ.

Папа смеется.

— Нет, Дженна. Он просто был с Себастьяном, но не в том смысле, про который ты подумала.

Нахмурившись, мама смотрит то на него, то на меня.

— Ну и что же я подумала?

— Что у них с Себастьяном... все *серьезно*.

Я тут же поворачиваюсь к нему.

— Эй, вообще-то, у нас с ним *действительно* все серьезно.

— Ты сейчас имеешь в виду любовь? — уточняет мама. — Или секс?

— И какая из этих двух проблем *большая*? — со стоном спрашиваю я.

— Здесь нет *проблем*, Танн, — осторожно подбирая слова, говорит папа, поглядывая на маму. Судя по их молчаливому обмену взглядами, они обсуждают мои отношения с сыном епископа гораздо чаще, чем что-либо еще.

— Знаете, а вам крупно повезло, — говорю я им обоим и подхожу заключить маму в объятия. Она расслабляется и обнимает меня в ответ.

— Это еще почему? — спрашивает мама.

— Раньше я вас еще ни разу так не пугал.

Папа хохочет.

— Из-за тебя у нас было несколько сердечных приступов, Таннер. Не обманывайся, пожалуйста.

— Но сейчас все куда серьезней.

Отец снова становится серьезным.

— Я думаю, твоей маме принять происходящее гораздо тяжелее, чем она пытается показать, — говорит он. Уткнувшись лицом мне в грудь, мама согласно хмыкает. — Это провоцирует большую волну эмоций. Поднимает со дна много гнева. Наверное, немало и грусти. Она хочет защитить тебя от всего этого.

В груди становится тесно, и я сильнее сжимаю ее в объятиях.

— Я понимаю.

Мамины слова звучат приглушенно:

— Мы так тебя любим, малыш. И хотим, чтобы ты жил в более прогрессивном городе.

— Как только получу письмо из колледжа, убегу без оглядки, — с широкой улыбкой говорю ей я.

Мама кивает.

— Молюсь, чтобы UCLA в этом плане не подкачал.

Папа смеется в ответ.

— Просто будь осторожен, ладно? Будь внимателен.

Знаю, он сейчас не имеет в виду секс. Подойдя к нему, я обнимаю его за плечи.

— Может, ты перестанешь так сильно беспокоиться? Со мной все в порядке. Мне нравится Себастьян, и я вполне осознаю всю сложность ситуации.

Мама подходит к холодильнику взять что-нибудь перекусить.

— Если даже не принимать во внимание его родителей и их чувства, ты знаешь, что его могли выгнать из университета только за то, что он провел вечер с тобой? Со времен моей юности Церковь по отношению к своим последователям во многом стала более благосклонной, но нормы поведения Университета Бригама Янга не позволяют ему делать хоть что-нибудь из того, чем вы сегодня занимались.

— Мам, день, когда я смогу просто получать удовольствие от отношений, он когда-нибудь настанет? — честное слово, сейчас мне меньше всего хочется анализировать каждую мелочь. Я и так каждый день именно этим и занимаюсь. — Проблема не в нас с Себастьяном; она в самих правилах.

Мама смотрит на меня через плечо и хмурится. Папа тут же вступает в разговор.

— Я понимаю, о чем ты, но все не так просто. Только лишь из-за ошибочных правил нельзя делать что хочется.

Приподнятое настроение от вечера наедине с Себастьяном начинает испаряться, поэтому

мне хочется уйти из кухни как можно быстрее. Паршиво, что я чувствую себя так из-за родителей. Мне нравится иметь возможность все и всегда им рассказывать. Нравится, что они хорошо меня знают. Но каждый раз, когда мы обсуждаем наши с Себастьяном отношения, их забота обо мне превращается в тень, падающую на все вокруг.

Поэтому я принимаю решение ничего не отвечать. Чем дольше буду спорить, тем более спокойно они станут рассуждать. Вздыхнув, папа еле заметно мне улыбается и кивком дает понять, что я могу уйти. Он словно чувствует, что мне необходимо сбежать и трансформировать этот вечер в текст.

Поцеловав маму, я мчусь вверх по лестнице. Слова в голове бушуют и рвутся соскользнуть с пальцев. Все произошедшее, как и все испытанные чувства, строчками струятся из меня.

Когда слова иссякли, но эмоции все еще продолжают переполнять грудь — от воспоминаний, как Себастьян с расслабленной и удовлетворенной улыбкой снова рухнул на спину на капот, — я беру свои стикеры и забираюсь в кровать.

МЫ ПРОВЕЛИ ДЕНЬ В ПОСТРОЙКЕ.

«НА БЛАГО ЛЮДЯМ», — СКАЗАЛ ОН.

НОВЫЙ ОПЫТ, НОВОЕ МЕСТО, НОВЫЕ ДЕТАЛИ.

ПРОСТО ПРИЙТИ И БЫТЬ БЕЗОГОВОРОЧНО ПРИНЯТЫМ.

НО МНЕ ПОНРАВИЛОСЬ, И Я СКАЗАЛ ЕМУ ОБ ЭТОМ.

ОН ПОЛОЖИЛ ДОСКУ НА ПЛЕЧО, СЛОВНО ШТЫК, И Я ЧУТЬ БЫЛО НЕ ЗАСМЕЯЛСЯ, РАЗМЫШЛЯЯ, КАКОВО ЭТО — ВЛЮБИТЬСЯ В СОЛДАТА ПО ТУ СТОРОНУ ПОЛЯ БОЯ.

Я закрываю глаза.

Наверное, этого стоило ожидать. После субботнего вечера я должен был предугадать, что в понедельник отношения между нами станут натянутыми, поскольку в воскресенье Себастьян много времени провел в церкви.

Когда после обеда я прихожу на Семинар, Себастьян не поднимая головы что-то читает, но мне заметно, что он ощущает мое появление — расправляет плечи и, тяжело сглотнув, прищуривается.

Даже Одди заметила неладное. Она садится рядом, отодвигает книги в сторону и наклоняется ко мне.

— В чем дело? — тихо спрашивает она. — У вас все в порядке?

— А что такое? — я окидываю Себастьяна взглядом, словно не понимаю, о чем речь, и пожимаю плечами. — Уверен, с ним все нормально.

Но внутри ощущаю беспокойство. Вчера он ничего мне не написал. А сейчас не хочет смотреть в мою сторону.

Что-то не так. И как бы легкомысленно я ни старался отмахиваться от беспокойства своих родителей, похоже, проблем мне все равно не избежать.

В класс врывается Эшер с сидящей у него на спине и визжащей Маккенной, а когда он опускает ее на пол самым неприличным образом, все замолкают.

С хихиканьем она скользит вниз, в то время как он завел руки за спину и держит их у нее на заднице. Их появление настолько нелепо, настолько призвано привлечь всеобщее внимание, что даже Буррито-Дэйв с недоумением спрашивает:

— Чувак, ты в своем уме?

И тут, словно объявляя о своем воссоединении, они целуются на глазах у всего класса.

— Ну допустим... — с досадой говорю я. Макэшеры публично демонстрируют свои чувства, и окружающим плевать. Все только глаза закатывают. Кстати, они оба мормоны, и, если я не ошибаюсь, не должны так себя вести в принципе — не только в школе. Но разве кто-нибудь будет их высмеивать, сторониться или угрожать им? Нет. Епископу на них никто не пожалуется. Из школы их не выгонят. И тем не менее, Макэшеры — главные генераторы шумихи в классе — теперь снова вместе, потому что, видимо, им стало скучно из-за отсутствия сплетен, которые они бессознательно подпитывают, чтобы людям было что о них болтать. И я готов поспорить на что угодно: Макэшеры занимались сексом всеми мыслимыми и немыслимыми способами. При этом Эшер все равно уедет на миссию, а после возвращения женится на хорошей мормонской девушке — возможно, даже на Маккене — и будет лицемерно вещать о ценностях СПД, как и все остальные. В то время как Себастьян не может всего лишь посмотреть на меня во время урока, потому что, как мне кажется, ругает себя за сравнительно невинные прикосновения, которые мы позволили себе в субботу.

Мое мрачное настроение сменяет начинающая закипать ярость.

— Кажется, это предстоящий выпускной сделал их более любвеобильными, — замечает сидящая рядом Отем.

— Или вконец отчаявшимися, — я вытаскиваю из рюкзака ноутбук и снова смотрю в сторону Себастьяна. Он так ни разу ко мне и не повернулся.

Жаль, что я не могу бросить в него чем-нибудь и громко крикнуть: «ЭЙ, ТЫ ЧТО, УЖЕ НЕ ПОМНИШЬ МЕНЯ?» Вместо этого достаю телефон и отправляю ему смс:

«Привет. Я тут».

Потом наблюдаю, как Себастьян достает из кармана телефон и читает.

Затем оборачивается через плечо и еле заметно улыбается, так и не встретившись со мной взглядом — посмотрев куда-то поверх моей головы, — а потом опять отворачивается.

Мои мысли превращаются в кашу. В памяти всплывает успокаивающий голос мамы, говорящий мне, что Себастьян скоро уезжает и что мормонов мне все равно никогда не понять. Как быть, если Себастьян молился и впервые почувствовал себя после этого хуже?

В классе все шумят и болтают, а я словно по спирали проваливаюсь в какую-то пустоту. Черновики писать закончили почти все, и Фудзита дает советы, как улучшить работу. По крайней мере, так мне кажется. Хорошо, что Отем дотошно за ним записывает, поскольку я не в состоянии понять ни слова. Я склоняюсь над новой пачкой стикеров и пишу.

ЛУНА ИСЧЕЗЛА, ОСТАЛОСЬ ТОЛЬКО ТУСКЛОЕ СВЕЧЕНИЕ ФАР.

ДОРОГА ДОМОЙ ДЛИЛАСЬ ВЕЧНОСТЬ, И МЫ БЫЛИ ОДНИ.

ХОЧУ СБЕРЕЧЬ ТВОЕ ТЕПЛО, КОТОРОЕ ОЩУЩАЛ, ЛЕЖА НА КАПОТЕ ЭТОЙ МАЛЕНЬКОЙ МАШИНЫ.

Я ВСПОМИНАЛ БЫ О НЕМ КАЖДЫЙ ДЕНЬ.

И ПРЕДСТАВЛЯЛ БЫ ТЕБЯ В СВОЕЙ ПОСТЕЛИ.

И ТЕБЯ В СВОЕЙ ЛАДОНИ, ТАКОГО ТЯЖЕЛОГО И ГОРЯЧЕГО.

Я БУДУ ХОТЕТЬ ТЕБЯ ВСЮ СВОЮ ЖИЗНЬ.

ТЫ УКУСИЛ МЕНЯ ЗА ШЕЮ, КОГДА КОНЧИЛ.

А ПОТОМ, НЕ ОТРЫВАЯ ГЛАЗ, ЦЕЛОВАЛ МЕНЯ.

И я делаю все возможное, чтобы не поглядывать на Себастьяна.

Хватаю свои вещи и выхожу из класса в считанные секунды после звонка. Меня окликают Отем, но я не останавливаюсь. Потом напишу ей и все объясню. Я дохожу до конца коридора, когда слышу свое имя. И на этот раз меня зовет не Отем.

— Таннер, подожди.

Ноги против моей воли ступают медленнее.

— Ну привет, — отвечаю я, не отводя взгляд от шкафчиков. Мне не стоит сейчас с ним разговаривать; мне больно, я растерян и боюсь, что могу наговорить лишнего.

— «Ну привет»? — похоже, Себастьян смущен. И не удивительно: впервые именно он тот, кто преследует.

Мы стоим посреди коридора, как два камня в реке; толпы учеников вынуждены нас обходить. Я бы не назвал это место укромным, но раз уж он решил поговорить здесь, то ладно.

— Ты идешь на урок? — спрашивает Себастьян.

Сам не знаю, почему зарождающийся внутри меня шторм выбрал именно эту секунду, чтобы разбушеваться. Почему сейчас? Почему именно этот момент? На выходных ведь все было так хорошо. Но один день молчания плюс неловкий обмен приветствиями в классе — и бум! Мой мозг в панике, а нервы взвинчены.

Я словно вернулся в горы и снова слышу, как Себастьян говорит *«Я не... из этих. Я не гей»*.

Но сегодня есть что-то еще. В его сведенной челюсти, напряженной позе, и в том, как он держится поодаль. Это говорит мне, что наш с ним вечер принес больше вреда, чем пользы. В душе Себастьяна идет борьба, о которой он и сам не подозревает. Он по-прежнему по уши увяз в своих догмах и своем мире, полном «надо» и «должен», и не сможет признаться самому себе, что ему нравятся парни. Что ему всегда будут нравиться парни. И что это всегда будет частью его сути — идеальной частью, заслуживающей восхищения и уважения, как и все остальное в нем.

— Уроки закончились, — говорю я, — и я собрался домой.

Себастьян качает головой.

— Конечно. Я так и думал. Таннер, мне та...

Но закончить фразу ему не удастся, потому что к нам направляется Мэнни.

— Привет вам, — с улыбкой говорит он.

Вот только не «Привет», а «Привет вам» — как будто мы не просто стоим рядом, а *вместе*. Как будто мы пара. Повернувшись оценить реакцию Себастьяна, я понимаю, что он тоже уловил этот нюанс.

Господи, Мэнни. Неужели нельзя выражать свою поддержку чуть *менее* громогласно?

— Мэнни, привет, — говорит Себастьян.

Кивнув Мэнни, я опускаю взгляд в пол.

— Сегодня игра? — спрашиваю я и стараюсь, чтобы мой голос звучал непринужденно, несмотря на ощущение назревающего Большого Взрыва у себя в груди. Я так и не рассказал Себастьяну про тот разговор с Мэнни и про то, что он знает.

— Ага, баскетбол. Слушайте, в эти выходные мы открываем бассейн, и я хочу пригласить вас обоих. Будет еще народ, несколько друзей моего брата... — замолчав, Мэнни смотрит то на меня, то на Себастьяна, и если судить по выражению его лица, выглядим мы как-то не очень. Он поворачивается ко мне. — Но, Таннер, это не те ребята, которые были на озере. Все будет в порядке, так что беспокоиться вам не о чем.

— Ты сейчас о чем, Мэнни? — склонив голову набок, интересуется Себастьян.

И мне становится нечем дышать.

Несколько секунд Мэнни ошарашенно молчит, а я боюсь, что он сейчас брякнет, какая мы классная пара, от чего все станет еще хуже.

— Я хотел сказать... — он поворачивается ко мне за поддержкой. — Вы извините, просто я видел вас на прошлой неделе на прогулке в горах и подумал...

Себастьян бледнеет.

— Мэнни... — начинаю я, но тот лишь отмахивается от меня.

— Да не, я все понимаю. Короче. Вы оба приглашены — или по отдельности, если так удобней, — он доброжелательный парень, и его явно не заботит, что именно происходит между нами. Надеюсь, Себастьяна это немного успокоит. Но тот стоит словно статуя. Мельком глянув ему за спину, я понимаю, что Мэнни уже ушел, и Себастьян теперь смотрит на меня.

Черт.

— Что ты ему рассказал?

— Минуточку, — подняв руку, говорю я. — Ничего я ему не *говорил*. Он просто сказал, что видел, как мы гуляли.

Боже. Во время которой из прогулок он нас видел? Мы так часто теперь гуляем в горах и уже начали чувствовать себя там так комфортно, что целуемся, будто находимся за закрытыми дверями. И от мысли, что Мэнни нас видел... и что с ним мог быть кто-нибудь еще... все внутри меня превращается в бурлящий котел.

Себастьян отворачивается, и его профиль являет собой воплощение сдерживаемого гнева. В эту секунду я впервые осознаю нас парой. Даже забавно, ведь это происходит в полупустом коридоре школы, где помимо нас есть пара человек, понятия не имеющих, что мы с Себастьяном вместе и что мы целовались. Они не догадываются, что мне известно, как он выглядит, растворяясь в удовольствии. Что я видел, как он плачет, и держал его за руку. И что знаю, насколько он благороден, а чувствую невероятную гордость, когда понимаю, что он мой. Но ни один из этих моментов не ощущается таким же реальным и так же напрямую относящимся к нашим отношениям, как этот — когда мы можем всерьез поссориться.

— А что произошло на озере?

— Один парень вел себя как мудака, после чего Мэнни подошел к нам с Отем и сказал...

Его голос поднимается на несколько тонов:

— Отем тоже знает?

Мимо нас идет какая-то девушка, и Себастьян тут же надевает вежливую маску.

— Привет, Стелла.

Когда она уходит, я веду его к двери, выходящей на парковку. Здесь никого нет, — ни учеников, ни учителей, — даже по тротуару никто не идет, но Себастьян по-прежнему держит между нами подобающую дистанцию. «Подобающую мормону», — усмехается мой внутренний голос.

— Я имею в виду, что Мэнни нас явно где-то видел. На озере он подошел к нам с Отем, когда мы собирались уходить — потому что один идиот обозвал другого пидором, — и извинился за случившееся. Это был неловкий разговор. Как и тот, — я жестом показываю в сторону школьного коридора, — и потом Отем меня часа два допрашивала.

— Таннер, все это очень плохо, — со злостью посмотрев на меня, Себастьян отворачивается и медленно вдыхает и выдыхает. Я представляю его изрыгающим пламя драконом.

— Слушай. Мэнни нас видел. Не меня — *нас*. При этом я здесь вообще-то радужным флагом не размахиваю. И никому не говорю, что я би. Даже Отем, моя лучшая подруга, не знала об этом до прошлой недели, а про тебя я ей так ничего и не рассказал. Только упомянул о своих чувствах к тебе, но ничего о том, что они взаимны.

— Я просто решил... после субботнего вечера... — Себастьян качает головой. — Я решил, что ты рассказал что-то Эрику или Мэнни.

— Зачем мне это? — знаю, говорить следующее мне не стоило; слова прозвучали мелочно и по-детски, но мой язык не услышал приказ помалкивать: — Если только мне не захотелось бы обсудить с кем-нибудь важнейшее в эмоциональном плане событие моей жизни.

Себастьян резко поднимает голову.

— И что это значит?

— Только то, что было бы неплохо созвониться с тобой вчера. А сегодня получить от тебя хоть какой-нибудь намек, что ты меня *видел* и что не перенервничал из-за произошедшего в субботу.

На его лице написано раздражение.

— Таннер, вчера я был *занят*.

О, а это похоже на пощечину. Раскрытой ладонью. Когда на щеке остается отпечаток.

— Куча дел в церкви, как я понимаю.

Себастьян тут же цепляется к моим словам.

— Да, по воскресеньям мы именно этим и занимаемся. Разве тебе мама не говорила? Если только не забыла.

Раз...

Два...

Три...

Четыре...

Пять...

Я все продолжаю считать. И напоминаю себе, что Себастьян напуган. И что сбит с толку. Если сейчас я отступлю, то тем самым предоставляю ему решать эту проблему в одиночку. А ему нужно дать время. Но разве меня все это тоже не касается? Хотя бы немного. И, может, нам как команде нужно справиться вместе?

Отвернувшись от меня и запустив руку в волосы, Себастьян вперед-назад ходит по парковке. И выглядит готовым сбежать. Особенно интересно осознавать, что, вероятно, *именно это* он и хочет сделать — и вовсе не из-за неподходящего места для этого разговора. Он просто вообще *нигде* не хочет его вести. Себастьян готов быть со мной, но без каких-либо ожиданий и обсуждений. Это как с облаками — они плывут куда-то вдаль и там растворяются, но для наблюдателя существуют лишь здесь и сейчас.

Поэтому я спрашиваю его:

— Ты хотя бы теоретически допускаешь возможность признаться родителям, что ты гей?

Похоже, Себастьян не удивлен, что разговор свернул на эту тему. Он не вздрагивает и не переспрашивает. Лишь больше хмурится и отходит от меня еще на шаг.

— Мне нужно выяснить о себе еще очень многое, прежде чем начать с ними подобный

разговор.

Я впиваюсь в него взглядом.

— Себастьян, а ты гей?

Ну, то есть, конечно же, он гей.

Разве нет?

Он смотрит на меня, как на незнакомца.

— Я не знаю, как ответить на этот вопрос.

— Но он простой. «Да» или «Нет».

— Я знаю, кем хочу быть.

— *Кем хочешь быть?* — и какого хрена это должно означать?

— Хочу быть добрым и щедрым, брать пример с Христа.

— Но какое это отношение имеет к моему вопросу? Ты уже такой. А еще надежный, заботливый и преданный. И все эти качества делают тебя тем человеком, которого я люблю. Ты уже такой. Быть геєм не значит что-то из этого изменить.

И вот он, этот момент, когда мои слова словно оседают на его коже, а спустя секунду впитываются. Я сказал это. И не про гея. Я сказал «люблю».

Пробормотав мое имя в ответ, Себастьян смотрит куда-то в сторону.

Я сказал, что люблю его, а он на меня даже не смотрит.

Поэтому мой следующий вопрос кажется важнее предыдущего.

— Себастьян, ты слышал, что я сейчас сказал? Я люблю тебя. Ты обратил внимание на мои слова?

Он кивает.

— Обратил.

Я замечаю румянец на его щеках, и знаю, что это от радости. Потому что уже привык распознавать разные оттенки его румянца. Странно, правда?

Себастьяну одновременно и нравится слышать, что я люблю его, и нет.

— Для тебя это чересчур, — говорю я. — Верно?

— Да, — отвечает он. — Откровенно говоря, слышать это чересчур. И я не про твой вопрос, — здесь он понижает голос, — гей я или нет. Просто мне нечего сказать, ведь скоро выход моей книги, потом я уеду на миссию, и вообще сейчас происходит слишком много всего.

— То есть слышать, что я тебя люблю, тебе сейчас не совсем удобно?

Себастьян морщится.

— Таннер. Нет. Просто я не знаю, смогу ли дать тебе то же, что ты хочешь дать мне.

— Дело не в желании *одарить* тебя своими чувствами, — мне почти смешно. — Я просто говорю тебе *о природе своих чувств*.

Себастьян смотрит на меня как на сумасшедшего.

Как будто не верит мне.

— Я люблю тебя, потому что ты — это ты. Люблю не за твой румянец, глаза или за то, как действуют на меня твои прикосновения, — говорю я, и он снова краснеет. — И моя любовь никуда не денется, когда ты уедешь в свой книжный тур. Она никуда не денется, когда уедешь и на миссию. Я останусь здесь и по-прежнему буду думать обо всем этом. По-прежнему буду стараться стать лучше как человек, друг, сын. И по-прежнему буду гадать, как стать тебе лучшим бойфрендом. А ты уедешь на миссию, и все твои мысли будут о том, как сильно ты не хочешь быть геєм.

Кажется, Себастьян злится. Поначалу я жалею о сказанном, но потом это чувство растворяется как дым: потому что на самом деле я убежден в каждом произнесенном слове.

— Дело не в нежелании... — начинает он, но потом отворачивается и со злостью

стискивает зубы.

— Так значит, это все? — интересуюсь я. — Мы сейчас достигли твоего предела?

Себастьян качает головой, но, помолчав, все же отвечает:

— Ты ждешь, что я буду являть собой нечто, не соответствующее моей сути.

Нечто. Не быть кем-то. А являть *нечто*.

— Я просто хочу, чтобы тебе было комфортно осознавать себя тем, кто ты есть *сейчас*. И знаю, что из нас двоих я не единственный, кто влюблен.

И тут он словно прицеливается и стреляет. Со спокойной миной на лице.

— Думаю, нам лучше расстаться, — говорит Себастьян и делает паузу, в течение которой внутри меня все превращается в камни и обрушивается вниз. — Все это зашло не туда.

Объяснить, что произошло в конце дня, мне трудно.

Я ушел сразу же после тех его слов. И даже толком не мог вспомнить, что делал. Наверное, поехал к озеру. Или просто без остановки ездил то тут, то там.

Когда стемнело, а экран моего телефона не переставал светиться от миллиона смс от Отем (от Себастьяна не было ни одного), я развернулся и поехал прямо к ее дому.

Раньше я никогда не замечал, что у нее в комнате пахнет ванильными свечами, а лампа отбрасывает успокаивающий голубой свет. Как никогда и не замечал, что Отем обнимает как бы постепенно. Сначала обхватывает руками, потом сжимает в объятиях, а потом стискивает сильнее, в то время как мой мозг распознает разные уровни близости — от «Привет, как ты?» к «Таннер, поговори со мной», а потом и к «О боже, что произошло?»

После чего мы достигаем еще одного уровня: Отем мягко уговаривает меня сесть. Держит руки у меня на лице, а я бессвязно лепечу что-то и плачу, но даже не осознаю этого, пока она не начинает сцеловывать мои слезы. Я признаюсь ей, что мы с Себастьяном были вместе. Рассказываю обо всем случившемся и чем это закончилось, а также каким жалким я себя сейчас ощущаю.

Губы Отем, приоткрытые от удивления, оказываются совсем рядом с моими, а потом случается кое-что еще.

И вот так я наломал дров.

И все разрушил.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Я понятия не имею, что делаю. Мне не стоит сейчас здесь находиться. У меня красные глаза и взъерошенные волосы. На мне та же одежда, в которой провел ночь, вот только

а) я кинулся в душ, едва пришел домой,

б) заснуть мне так и не удалось.

Я в диком раздрае.

Пока иду к шкафчику Отем, оглядываю коридор. Обычно Одди хорошо заметна в толпе: ее рыжие волосы как огненная вспышка в море джинсовой одежды спокойных цветов, а голос можно услышать с другого конца школы.

Но ее здесь нет.

Поворачиваю колесико на шкафчике Отем вправо, потом влево, а потом еще раз вправо, открываю дверцу и вижу, что внутри нет ни куртки, ни рюкзака.

Блин.

Раздается звонок, ученики устремляются в классы, и вскоре коридоры пустеют. Ощущая ужас и всплеск адреналина, я стою один посреди коридора и жду, что вот-вот раздастся звук шагов нашего директора. Сейчас мне нужно быть на современной литературе — вместе с Одди, которая так и не поменяла ее на Шекспира. Я подхожу к классу, заглядываю внутрь и, увидев пустой стул на месте, где сейчас должна сидеть Отем, разворачиваюсь. Лучше разделю вместе с ней участь, которая настигнет нас после этого прогула, но сейчас для спокойного обсуждения Джеймса Фрея и его фальшивых мемуаров я слишком на взводе.

Домой идти тоже не хочу, потому что у папы сегодня выходной. Несмотря на то, что мне в любом случае предстоит разговор с родителями, я пока не готов видеть это их выражение лица — когда одновременно с разочарованием в глазах читается жалость, — которое скажет мне, насколько они были уверены в подобном исходе и в том, что случившееся было всего лишь вопросом времени. Хотя я заслуживаю каждое «Мы же тебе говорили», потому что родители во всем оказались правы.

В верхней части лестницы стоит скамейка, находящаяся вне зоны видимости проходящих мимо учителей и идеально подходящая прогульщикам вроде меня, недостаточно умным, чтобы покинуть территорию школы. Сжимая в ладони телефон, какое-то время я молюсь, чтобы меня ждала хоть какая-нибудь новость, когда его включу. Но нет. Никаких уведомлений.

Одди с прошлого вечера не отвечает на звонки. В отчаянии я нахожу номер ее домашнего, записанный рядом с мобильным, и нажимаю кнопку вызова. Спустя два гудка мне отвечают.

— Алло?

— Добрый день, миссис Грин, — сев ровнее, я откашливаюсь. С мамой Отем я общаюсь почти так же часто, как и со своей, но сейчас начинаю дергаться. Рассказала ли ей Отем о произошедшем? Она знает, что я сделал?

— Привет, Таннер.

— Отем случайно не дома? — спрашиваю я и вытираю вспотевшую ладонь о бедро.

На какое-то время в трубке воцаряется молчание, и я понимаю, что не представляю, о чем буду говорить с Отем, если она сейчас подойдет. Сказать, что люблю ее — пусть и не в том смысле, на который она надеется? Признать, что мы совершили ошибку — хотя нет, это я ее совершил, но все равно не хочу терять Одди? Вот только будет ли ей этого достаточно?

— Дома. Бедняга проснулась с каким-то жутким расстройством желудка и решила не ходить в школу. Разве она тебе не написала?

Смотрю на зеленую светящуюся табличку с надписью «Выход», а потом зажимаюсь. Сегодня ночью я выбрался из кровати Отем и ушел, так ни разу и не обернувшись. А когда наконец собрался с мыслями, на мои звонки, смс и письма по электронной почте она не ответила.

Я тру глаза ладонью.

— Видимо, я не заметил.

— Мне жаль, Танн. Надеюсь, ты не долго ее сегодня прождал.

— Не долго. Она уже проснулась? С ней можно поговорить? — мой голос надломлен от отчаяния. — Сегодня тест по математике, и я надеялся, что у нее в шкафчике лежат кое-какие записи.

— В последний раз, когда я проверяла, она спала. Если хочешь, могу разбудить.

Помедлив, я в итоге отвечаю:

— Да нет. Не нужно.

— Я сейчас уйду на работу, но положу под дверь записку. Когда проснется, Отем ее увидит. Стараясь сохранять голос ровным, я заканчиваю разговор и засовываю телефон в карман.

Спустя какое-то время раздается звонок, коридоры наполняются учениками, потом звучит

еще один, и снова становится пусто, но я остаюсь на месте. Даже не знаю, который час.

Наверное, на фоне большого окна я выгляжу сидящей статуей. Сгорбившись и уперев локти в колени, смотрю в пол и стараюсь не двигаться. В голове царит хаос, но пока сижу и не шевелюсь, мысли тоже постепенно начинают успокаиваться.

Мне не трудно признать, что я поступил как мудака и действовал импульсивно — впрочем, как и всегда, — и что, скорее всего, я растоптал чувства важного для меня человека, пытаюсь заглушить боль от своего разбитого сердца. Пока сижу здесь, начинаю представлять, будто меня вырезали из чего-то холодного и бесчувственного. Понятия не имею, действительно ли меня не замечают окружающие, или же они просто понимают, что этого парня лучше оставить в покое, ведь я то и дело вижу ноги проходящих мимо, но не заговаривающих со мной людей.

Пока один из них не останавливается и не зовет меня.

— Таннер.

Подняв голову, я вздрагиваю, когда вижу Себастьяна, замершего на лестнице. Он медленно поднимается на одну ступеньку выше, потом еще на одну, в то время как мимо него в обе стороны бегут ученики, надеясь успеть попасть на третий урок до повторного звонка.

Себастьян выглядит паршиво — впервые вижу его таким за все время нашего знакомства. Меня осеняет мысль, что сегодня я о нем совсем не думал. Стоит ли ему рассказать про Отем? Пусть он много чего наговорил мне вчера, сейчас Себастьян здесь. Мы все еще вместе или нет?

— Ты что тут делаешь? — сунув руки в карманы толстовки, он направляется ко мне и останавливается на верхней ступеньке. — Я заезжал к тебе домой.

— Меня там нет, — отвечаю я лишенным эмоций голосом, сам того не желая. Статуя по-прежнему не двигается. Может, я и вправду холодный и бесчувственный.

— Ага. По ответу твоего отца я так и понял, — Себастьян не виделся с моим отцом с того дня, когда тот прервал нас, войдя ко мне в комнату. Наверное, он тоже сейчас об этом подумал, потому что сильно покраснел.

— Ты разговаривал с папой?

— Всего минуточку. А он милый. Сказал, что ты в школе, — Себастьян смотрит себе под ноги. — Не знаю, как я сам не догадался.

— А разве ты не должен быть сейчас на учебе?

— Должен.

— Прогуливаешь занятия, значит, — я пытаюсь улыбнуться, но получается кривая гримаса. — И значит, идеальный Себастьян не такой уж идеальный.

— Кажется, мы оба знаем, что я не идеальный.

Я не совсем понимаю, как вести этот разговор. К чему он нас приведет?

— Зачем ты пришел сюда?

— Не хотел, чтобы произошедшее вчера оставило после себя неприятный осадок.

От одного упоминания вчерашнего дня внутри у меня все ухает куда-то вниз.

— Ты имеешь в виду расставание?

Перед глазами возникает лицо Отем, и от того, что мы с ней натворили, меня начинает подташнивать. На полном серьезе ожидая, что сейчас мне станет плохо, я запрокидываю голову и жадно глотаю воздух.

— Да, — тихо отвечает Себастьян. — Уверен, это было ужасно: после того, что ты мне сказал, слышать такое в ответ.

Я опускаю голову и смотрю на него, ощущая, как на глаза наворачиваются слезы. «*Что ты мне сказал*». А я так хотел, чтобы он произнес это и признал таким образом мои слова и чувства.

— Да, признаться тебе в любви и слышать, что мы расстаемся, было ужасно.

Себастьян снова краснеет, и я почти чувствую, какой восторг у него вызывает слышать от

меня слова любви. Пусть моя мысль покажется детской, но несправедливо, что он получает удовольствие, в то время как мне стальной проволокой стягивает грудь — и каждый раз, когда я говорю ему о своей любви, стягивает все сильнее.

Он сглатывает, а затем стискивает челюсть.

— Мне очень жаль.

Ему жаль? Я хочу рассказать Себастьяну, что натворил — ведь это почти измена, — но сомневаюсь в своем умении найти правильные слова и не разрыдаться прямо здесь. Сейчас мы разговариваем тихо, чтобы больше никто нас не услышал. Но что будет, если я устрою эту жуткую сцену? Тогда любой поймет, какую именно беседу мы ведем. К подобному я совершенно не готов, а еще по-прежнему хочу защитить Себастьяна — даже после всего произошедшего между нами.

У него на лице читается лишь сплошное терпение и доброта. И я уже заранее вижу, каким идеальным миссионером он станет. Себастьян всегда слушает по-настоящему внимательно, но при этом он... несколько отстранен.

Я встречаюсь с ним взглядом.

— Ты когда-нибудь представлял меня в своей жизни? Например, после окончания этого семестра.

На мгновение Себастьян выглядит сбитым с толку. Это все потому, что будущее для него всегда было чем-то абстрактным. Естественно, у него есть планы — книжный тур, миссия, возвращение, окончание университета, знакомство с какой-нибудь милой девушкой и воплощение с ней Божьего замысла, — но по-настоящему обо всем этом он никогда не задумывался. Разве что мимолетно рано утром или где-нибудь в секретном уголке души, но не примеряя всерьез к реальности.

— Я мало что себе представлял, — с опаской говорит Себастьян. — Как пройдет книжный тур, я не знаю, потому что подобного опыта у меня не было. То же самое и с миссией. А еще у меня не было вот этого опыта, — он показывает на нас обоих, а тон кажется недовольным, как будто в эти отношения втянул его я.

— Знаешь, чего я не понимаю? — устало проведя рукой по лицу, спрашиваю я. — Если ты не хотел, чтобы о нас узнали — и о том, что наши отношения означают нечто хоть сколько-нибудь серьезное, — тогда зачем выставил меня на обозрение перед своей семьей и церковной общиной? Надеялся случайно попасться?

В выражении его лица что-то промелькнуло, и отстраненное спокойствие испарилось. Неужели это никогда не приходило ему в голову? Себастьян открывает рот и тут же закрывает.

— Я... — начинает он, но этот разговор больше не предполагает простых ответов или цитирования подходящих цитат из Писания.

— Я помню, ты рассказывал, как молился, а Бог сказал тебе, что в твоих отношениях со мной нет ничего неправильного, — в ответ на это Себастьян разрывает зрительный контакт и оборачивается убедиться, что мы по-прежнему одни. Сдержав растущее разочарование — в конце концов, это он сейчас ко мне подошел, господи боже! — я с нажимом продолжаю: — Но скажи, по окончании молитв подумал ли ты хоть немного о том, как именно я впишусь в твою будущую жизнь? И считаешь ли ты себя геем? И что значит быть геем в твоем случае?

— Я не...

— Да знаю я! — недовольно перебиваю его я. — Понял уже. Ты не гей. Но ты когда-нибудь действительно заглядывал себе в душу во время молитвы, чтобы понять, кто ты, вместо того чтобы снова и снова просить у Бога лишь разрешения взглянуть?

Себастьян ничего не отвечает, и у меня опускаются руки. Мне хочется уйти отсюда. Поскольку я не имею ни малейшего представления, зачем он сейчас пришел, то и исправить

сложившуюся ситуацию никак не могу. Себастьян скоро уедет, и мне нужно его отпустить.

Впервые за несколько часов я встаю. Когда кровь приливает к ногам, едва не падаю, но двигаться все равно приятно. Тем более что передо мной стоит важная задача: поговорить с Отем.

Проходя мимо Себастьяна, я останавливаюсь и наклоняюсь к его уху, улавливая его ставший таким знакомым аромат.

— На самом деле, мне плевать, что ты разбил мне сердце, Себастьян, — шепотом говорю я. — Вяжываясь в эти отношения, я знал, что подобное могло произойти, но это меня не остановило. Мне просто искренне не хочется, чтобы ты разбил еще и свое. Ты так много места в своей душе выделяешь для Церкви... Есть ли в ней место для тебя самого?

Как только выхожу из машины, я слышу музыку. Окна небольшого двухэтажного дома Отем закрыты, но в рамах отдаются вибрации басов ее любимого дэт-метала. Значит, она перестала грустить и прятаться под одеялом, раз врубила музыку.

Хороший знак.

Обычно я из тех, кто затягивает со стрижкой газона до самого лета, но лужайка у дома Отем требует ухода уже сейчас: пучки растущей вкривь и вкось травы вылезли на дорожку. Не забыть бы в конце этой недели принести газонокосилку... если, конечно, Отем мне разрешит. Еще не известно, будем ли мы разговаривать.

Сделав успокаивающий вдох, я нажимаю на кнопку звонка, понимая при этом, что Одди, скорее всего, из-за грохочущей музыки его не услышит. Никто не открывает. Тогда я достаю телефон и набираю ее номер. И вздрагиваю, когда впервые за все это время мой звонок не отправляется на голосовую почту. Впрочем, Отем не отвечает, и меня все равно перекидывает туда. Я оставляю очередное сообщение: «Отем, это я. Пожалуйста, перезвони».

Убрав телефон в карман, я звоню в дверь еще раз, после чего сажусь на верхнюю ступеньку, готовый к длительному ожиданию. Я знаю, она дома; мне просто нужно подождать.

Мимо проезжают двенадцать машин, выгуливают одну за другой двух собак, проходит почтальон, и музыка наконец резко выключается. От наступившей тишины звенит в ушах.

Оборачиваюсь и вижу выглядывающую Отем. У нее красные глаза. Я вскакиваю так резко, что чуть не падаю с крыльца, от чего уголок ее губ еле заметно приподнимается.

Мою грудь распирает от зародившейся надежды.

— Я видела, как ты подъехал, — говорит Отем, и, прищурившись от яркого дневного света, выходит на крыльцо. Получается, она знает, что я здесь уже целый час. — И подумала, что лучше открою, иначе соседи увидят сидящего на ступеньках незнакомца и вызовут копов.

— Я тебе звонил.

— И это видела, — со вздохом говорит она, оглядывает двор, а потом, опять прищурившись, смотрит на меня. — Может, зайдешь?

Я с готовностью киваю. Распахнув дверь пошире, Отем делает шаг в темную прихожую и зовет меня взмахом бледной руки.

Гостиная похожа на крепость из одеял, которую строят себе маленькие дети: шторы закрыты, телевизор включен без звука, на диване грудой свалены подушки и пледы, а рядом лежит пакет чипсов, словно разодранный группкой оголодавших хорьков. На журнальном столике лежит телефон, экран которого светится от пришедших сообщений и уведомлений о звонках. Готов поспорить, что все они от меня.

В доме Одди я бывал тысячу раз — ужинал, делал уроки, смотрел бесчисленное количество фильмов, сидя на этом самом диване, но еще никогда мне не приходилось находиться здесь и

чувствовать, что между нами с Отем выросла целая гора неловкости и недосказанности. И я не знаю, как эту гору одолеть.

Молча стою и наблюдаю, как Отем подходит к дивану, спихивает пледы на пол, садится и машет мне подойти. Вот только поговорить нам тут вряд ли удастся. В гостиной мы обычно смотрим кино, на кухне едим, но все наши разговоры — с тех пор как мы стали лучшими друзьями — проходят в ее комнате.

Впрочем, я не уверен, готов ли кто-нибудь из нас войти туда снова.

Внутри у меня все скручено в один большой узел. Зачем надо было сидеть в школе все утро и пытаться себя успокоить, если я все равно не могу придумать, что сейчас сказать?

Я смотрю на Отем и пытаюсь сосредоточиться. Когда пришел сюда вчера, на ней была черная с розовым пижама. Это воспоминание влечет за собой вопрос: она потом оделась? Или сразу же пошла в душ?

Попыталась ли смыть со своего тела произошедшее точно так же, как и я?

Сейчас на Отем спортивные штаны и толстовка университета Юты, которую мы получили на игре прошлым летом. Универ играл против УБЯ, и мы так сильно хотели, чтобы последний был повержен, что даже загадывали желание и кидали монетки в фонтаны. Кажется, это было сто лет назад. Я еще раз оглядываю Отем: ее мокрые на вид волосы собраны в косу на боку. Почему я чувствую облегчение от того, что она приняла душ? Внезапно мои мысли принимают иной оборот, и я вспоминаю, как волосы Себастьяна щекотали мне лицо, когда он осыпал поцелуями щеки и спускался к груди, но при этом совершенно не могу вспомнить, собраны были волосы Отем вчера или распущены, и вообще — ощущал ли я их прикосновение.

Появившееся снова чувство вины побуждает меня заговорить:

— Когда я пришел к тебе вчера, у меня не было намерения... — смахнув слезу, я начинаю заново: — Я не планировал... произошедшее. Мне было плохо, я ни черта не соображал, но вовсе не хотел воспользоваться тобой, и...

Подняв руку, Отем меня останавливает.

— Подожди. Прежде чем ты явишь свое благородство, дай я выскажусь.

Я согласно киваю. Дышать сейчас стало очень тяжело, словно чтобы добраться сюда, мне пришлось пробежать километров двадцать.

— Хорошо.

— Когда я проснулась сегодня утром, то решила, что все было сном, — Отем говорит это, глядя на свои колени и пальцами играя с завязками на штанах. — Я подумала, что мне приснилось, как ты пришел ко мне и мы это сделали, — усмехнувшись, она смотрит на меня. — Когда-то я мечтала об этом.

Я не знаю, что сказать. Не то чтобы я удивлен. Но влечение Одди ко мне всегда было некой теоретической возможностью и никак не причиной для вчерашних действий.

— О.

Похоже, это не самый лучший ответ.

Отем начинает накручивать кончик косы на палец, и кожа на нем белеет.

— Знаю, ты собираешься сказать, будто воспользовался мной, и думаю... отчасти это так. Но за вчерашнее несешь ответственность не ты один. Я не врала тебе, когда сказала, насколько тяжело мне было принять твои отношения с Себастьяном. По нескольким причинам тяжело. Мне кажется, ты их знаешь. И всегда знал.

Ожидая подтверждения своих слов, Отем смотрит на меня, а в моей груди поселяется какое-то неприятное ощущение.

— Наверное, именно поэтому я чувствую себя так ужасно, — говорю я. — Ведь все это фактически и есть определение термина «воспользоваться ситуацией».

— Да, пожалуй, — отвечает Отем и качает головой, — но не все так просто. За последние несколько месяцев наши отношения сильно изменились, и я до сих пор пытаюсь осознать эти перемены. И понять *тебя*.

— Что ты имеешь в виду?

— Когда ты рассказал мне о своей бисексуальности... Господи, я чувствую себя ужасным человеком, но раз уж между нами секретов больше нет, то мне нужно это сказать. Ладно? — я киваю, и Одди, подтянув колени к груди и уперевшись в них подбородком, продолжает. — Сначала я тебе не поверила. А еще был момент, когда подумала: «Просто замечательно. То есть теперь мне надо беспокоиться не только из-за девушек, но и из-за парней?». Но потом я решила, что смогу стать той, благодаря кому ты изменишься.

— О, — снова произношу я, по-прежнему не зная, что ответить. Отем не первая, кто думает, будто бисексуальность — это выбор, а не твоя суть. Так что винить мне ее не в чем. Тем более сейчас.

— Ты был так расстроен, а я... Я *знаю* тебя. И знаю, как ты реагируешь, когда тебе больно. Ты с головой ныряешь в нашу дружбу, потому что она — твое безопасное место. А вчера вечером... — покусывая губу, Отем несколько секунд обдумывает свои следующие слова. — Я сама притянула тебя к себе. Возможно, я тоже воспользовалась тобой и ситуацией.

— Одди, нет...

— Когда ты сказал, что Себастьян тебя не любит, у меня в груди словно сгорел какой-то предохранитель, — на глаза Отем наворачиваются слезы, и она мотает головой, пытаясь их сморгнуть. — Я была так зла на него. И, что еще хуже, на тебя тоже. Как ты мог позволить ему дать себя обидеть? Ведь все к тому и шло, неужели тебе не было ясно?

Не знаю, почему — честно, понятия не имею, — но ее слова меня смешат. И это мой первый искренний смех за прошедшее со вчерашнего разговора с Себастьяном время, которое кажется чуть ли не неделей.

Отем притягивает мою голову себе на плечо.

— Иди сюда, придурок.

Я прижимаюсь к ней. От запаха ее шампуня и ощущения руки, лежащей у меня на шее, перед глазами все начинает расплываться от слез, и я тихо всхлипываю.

— Прости меня, Одди.

— И ты меня прости, — шепотом говорит она. — Я заставила тебя изменить ему.

— Мы с ним расстались.

— Сначала все равно должно пройти некоторое время.

— Хотел бы я любить тебя так же... — признаюсь я.

Какое-то время Отем ничего не отвечает, и мне кажется, что мои слова вот-вот начнут казаться странными и нелепыми, но этого не происходит.

— В ближайшее время случившееся постоянно будет напоминать нам о себе, — поцеловав меня в висок, замечает Одди. Что-то подобное, пусть и по другому поводу, ее мама говорила тысячу раз. И сейчас Отем кажется девушкой, которая пытается оставаться рациональной, от чего я сжимаю ее в объятиях еще сильнее.

— Ты как?

Я чувствую, как она пожимает плечами.

— Немного побаливает.

— Немного побаливает... — повторяю я, пытаясь понять, почему она так сказала.

А потом Отем издает смущенный смешок, и этот звук оставляет у меня на сердце глубокий шрам.

Как?

Как я мог забыть?

Почему это вообще не всплыло в моей голове хотя бы на одну чертову секунду?

У меня в груди будто все разрушилось на куски, и я обессиленно подаюсь вперед.

— Одди. Черт возьми.

Она наклоняется и пытается обхватить мое лицо руками.

— Танн...

— *Господи боже*, — чтобы не потерять сознание, я опускаю голову между своих коленей.

— Ты была девственницей. Я ведь знал. Знал, но...

— Нет-нет, все в порядке...

Издав стон, который даже для моих ушей прозвучал жутковато, я мечтаю сдохнуть прямо тут, на диване, но Одди легонько ударяет меня, хватая за руку и поднимает в вертикальное положение.

— Приди в себя.

— Я чудовище.

— Да *хватит* уже! — впервые за все это время Отем выглядит рассерженной. — Мы оба были трезвые. Ты был расстроен. Я сидела дома, делала домашнее задание и читала. Была вполне в своем уме. И не под наркотой. Я отлично понимала, что происходит. И хотела этого.

Я закрываю глаза. *Вернись хотя бы в состояние статуи, Таннер. И просто послушай, что она говорит.*

— Ты меня слышишь? — спрашивает Одди и трясет меня. — Я прекрасно знала, что делала, отдай мне должное! И себе тоже, ведь ты был нежен со мной, и мы предохранялись. Вот что имеет значение.

Я качаю головой. Мои воспоминания совсем обрывочные. По большей части они представляют собой какую-то мешанину из эмоций.

— Я *хотела*, чтобы это был ты, — продолжает Отем. — Ты мой друг, и согласно несколько извращенной закономерности было вполне логично, чтобы ты стал моим первым. Даже если для этого тебе пришлось на полчаса отвлечься от собственных переживаний, — в ответ я фыркаю: на все действительно ушло лишь полчаса. Одди снова меня ударяет, но уже с улыбкой. — Я как раз та, с кем тебе полагалось совершить подобную ошибку.

— Правда?

— Правда, — отвечает Одди. В ее начавших блестеть глазах читается ранимость, и мне хочется ударить себя по лицу. — Пожалуйста, только не говори, что пожалел. Вот это было бы действительно ужасно.

— Я хотел сказать... — начинаю я и понимаю, что должен быть откровенным. — Даже не знаю, что на самом деле я хотел сказать. Нравится ли мне мысль, что я у тебя первый? Да, — Отем улыбается. — Но это все равно случилось как-то дерьмово. Такой момент должен быть с...

Приподняв бровь, Отем скептически смотрит на меня и ждет, как я закончу свою мысль.

— Хм, да, явно не с Эриком, — замечаю я. — Даже не знаю... С кем-то, кого ты любишь. Кто не будет торопиться и сделает все красиво.

— «Кто не будет торопиться и сделает все красиво»? — переспрашивает она. — Ты так хорош, что я понятия не имею, почему Себастьян порвал с тобой.

Звук моего хохота почти сразу же исчезает в наступившей тишине.

— Так значит, у нас все в порядке? — спустя минуту или две молчания спрашиваю я.

— У меня — да, — запустив руку в свои волосы, отвечает Отем. — Ты разговаривал с ним?

Я снова издаю стон. Словно какая-то вымышленная вращающаяся дверь переносит меня из пространства Худший Лучший Друг прямо на территорию Разбитого Сердца и Религиозных Предрассудков. Наваждение какое-то.

— Сегодня он приходил извиниться.

— Значит, вы все-таки вместе? — мне нравится, что ее голос звучит с надеждой.

— Нет.

Одди с сочувствием смотрит на меня, и это напоминает о том, с какой легкостью все вчера случилось между нами.

Кажется, она думает о том же. Поэтому убирает руку и зажимает ее между коленями. А я сажусь ровнее.

— Думаю, Себастьян просто пытался признать, что он дерьмово себя повел. И как бы мне ни хотелось его возненавидеть, не думаю, что он планировал сделать мне больно.

— Не думаю, что он планировал хоть что-то из произошедшего между вами, — отзывается Отем.

Я поднимаю голову, чтобы посмотреть ей в глаза.

— О чем ты?

— Мне кажется, поначалу он был заинтригован. Иногда ты бываешь весьма и весьма очарователен. И, наверное, Себастьян увидел в тебе возможность выпустить что-то внутри себя на свободу, а потом случилось прямо противоположное.

— Боже, звучит удручающе.

— Это ужасно, что мне его жаль? — интересуется Одди. — Просто я знаю это чувство, когда тебе больно и кажется, что хорошо больше никогда не будет. Но однажды все изменится. Ты проснешься и почувствуешь, что боль потихоньку начнет стихать. По крайней мере, до тех пор, пока не познакомишься с девушкой — или парнем, — которая улыбнется тебе, и ты снова почувствуешь себя идиотом.

Все, о чем она говорит, кажется невозможным.

— Вся моя книга — о нем, — говорю я. — И Себастьян собирался мне помочь с редактурой, убрать себя и заменить на кого-то еще. Но главы я ему так и не отослал. Время, которое ушло на написание, мне кажется потраченным зря, и я совершенно не понимаю, что теперь делать.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

К сожалению, после разговора с Отем только кажется, что дела в порядке.

Если сейчас в моей жизни существует хоть какой-то порядок.

В среду Отем решила пойти в школу, но из-за случившегося напряжение между нами так никуда и не делось. Когда выходим из машины, и Одди отпускает шуточку насчет моей расстегнутой ширинки, мы оба стыдливо прячем взгляд, пока я неловкими движениями ее застегиваю. А когда идем по коридору и я по привычке обнимаю Отем за плечи, она инстинктивно застывает и только потом расслабляется. У нее это получилось настолько неестественно, что мне почти смешно. Один взгляд на лицо Одди — настороженное, полное надежды и желаний наладить наши отношения, — и мне хочется крепко ее обнять, но в нас тут же врзаются бегущие по коридору ученики. Похоже, уйдет какое-то время, прежде чем мы запросто сможем позволить себе дружеский физический контакт.

Думаю, это потому, что несмотря на бесчисленные взаимные извинения, нами наконец принят этот факт: *мы занимались сексом*. Обычно мы многое обсуждаем друг с другом, и если бы речь шла о ком-то другом, я бы пожаловался Одди, что произошедшее изменило наши отношения. Но сейчас это по вполне очевидным причинам проблематично.

С мамой и папой поговорить тоже не могу, потому что не важно, как сильно они меня любят, — я совершил нечто такое, в результате чего стану в их глазах совсем другим. Родители знают только то, что я измучен расставанием с Себастьяном.

Мама с удвоенным рвением занялась поисками наклеек на бампер. За последнее время мне на подушку пришли послания от Моргана Фримена, Эллен Дедженерес и Теннесси Уильямса. Сколько бы ни подначивал маму по этому поводу, я не могу отрицать, что все это мне здорово помогает. Мне всегда дышится свободней, когда прихожу домой. И никогда не избегаю маминых объятий. Так что нам не обязательно что-то проговаривать вслух, чтобы мама знала, как я себя чувствую.

До выпускного времени остается все меньше, и это радует и страшит одновременно: я не могу дождаться, когда наконец уеду отсюда, но окончание семестра приближает день сдачи книги, а моя единственная стратегия состоит в том, чтобы показать Фудзита первые двадцать страниц, сказать, что остальное слишком личное, и надеяться на его понимание.

К страху добавляется еще и то, что мы с Отем сглупили и не подали документы в один университет. И в то время как меня приняли в UCLA, в Вашингтонский университет, университет Тафтса и Тулейнский, Отем готовы зачислить в Университет Юты, Йель, университет Райса, Северо-Западный и Орегонский. В итоге она поедет в Йель. А я в UCLA.

Я говорю себе снова и снова: «Отем уедет в Йель. А я в UCLA. Мы будем в разных концах страны».

Друг от друга мы с ней практически не отлипаем. Потому что еще несколько месяцев — и настанет пугающий миг расставания и последующей за ним боли. Внутри меня формируется пустота и еще ощущение, что я теряю не просто человека. Я теряю целую эпоху. Мысли слабака, скажете вы? Возможно. Все вокруг заняты успешной сдачей экзаменов. А родители слушают нас и смеются, как будто мы по-прежнему слишком юны и не знаем жизни.

Вероятно, так оно и есть. Хотя нет, кое-что о жизни я знаю.

Знаю, что за прошедшие две недели мои чувства к Себастьяну не притупились. Знаю, что книга, которую я пишу, стала мне врагом и тяжелой рутиной. Она безжалостна и не имеет счастливого конца. Сейчас я понимаю, что был прав, думая, будто начать писать книгу легко. С этим может справиться абсолютно любой. А вот закончить ее практически нереально.

Отем предлагает изменить имена и локации, но я возражаю, что пробовал, и ничего толкового из этого не вышло. «Таненр» тому подтверждением. Тогда она делает новое предложение: мы можем или вместе, или по отдельности переписать книгу полностью. Одди считает, что можно отредактировать рукопись, не устроив Себастьяну аутинг. Но я в этом сомневаюсь.

Оглядываясь назад, я понимаю, что сюжет моей книги до смешного простой: унылая автобиография парня и достойная жалости история его влюбленности. У несчастливой любви миллион причин: расстояние, измена, задетое самолюбие, религия, деньги, болезнь. Чем моя история ценнее других?

По ощущениям она кажется очень важной.

В этом городе мне тяжело дышать — во многих смыслах.

Но голоса одного человека в толпе не слышно.

А когда парень влюбляется в сына епископа, здесь может и не быть какой-то особенной истории, которую непременно должны услышать другие.

За последние две недели Себастьян присутствовал на Семинаре всего раз. Фудзита сказал нам, что тот взял небольшой перерыв, чтобы закончить учебный год в университете, и вернется как раз к сдаче книг.

В последний день, когда я видел Себастьяна в классе, он сидел на первой парте рядом с Сабиной и Леви, просматривая их финальные главы. Прядь волос постоянно падала ему на глаза,

и произвольным жестом он ее откидывал. Рубашка натянулась на спине, демонстрируя карту сокровищ — упругие мышцы и твердые кости, — и напоминая мне, как он выглядел обнаженным. Находиться с ним в одном помещении после нашего расставания было по-настоящему больно. И я поражался, каким образом у меня получалось ощущать почти физическую боль, когда ко мне никто даже не прикасался. В груди, в горле — саднило во всем теле.

Все это время Отем сидела рядом со мной, ссутулившись под грузом чувства вины, и пыталась слушать, как Фудзита рассказывал о техническом редактировании и форматировании текста. Время от времени она посматривала на Себастьяна, а потом на меня, взглядом спрашивая «Ты ему рассказал?»

Но Отем и сама знает ответ. Мне еще только предстоит разговор с Себастьяном, во время которого я все ему расскажу. Ну а пока мы с ним не обменивались ни смс, ни письмами, ни даже записками в папке с главами. Врать не буду: по ощущениям это сродни медленной смерти.

В детстве я видел один фильм, который, вероятно, не предназначался детям моего возраста, но одна сцена запомнилась так сильно, что заставляет содрогаться от страха, стоит ее вспомнить. В ней женщина шла по улице с ребенком, который, вырвавшись от нее, попал под машину. Не знаю, что по сюжету было потом, но в этот момент мать закричала и попыталась пойти назад, чтобы отменить произошедшее. Она была такой безумной, такой измученной, что на какое-то мгновение ее разум раскололся надвое, и она решила, будто все может изменить.

Я не хочу сравнивать расставание со смертью ребенка — я не настолько мелодраматичен, — но ощущение беспомощности, когда нет ни единой возможности изменить свою судьбу, настолько туманит мозг, что иногда меня начинает подташнивать. В нашей с Себастьяном ситуации я совершенно беспомощен что-либо изменить.

И ничего не могу сделать, чтобы его вернуть.

Родителям я сказал, что наши чувства сгорели, и в то время как мама с папой всеми силами пытаются меня приободрить, а с Отем мы стараемся вернуть в наши отношения привычную легкость, мое дурное настроение по-прежнему со мной. Я не голоден. Сплю как сурок. И мне плевать на эту дурацкую книгу.

Спустя три недели после нашего разрыва и за восемь дней до срока сдачи книги я вижу Себастьяна у себя на крыльце, когда приезжаю домой.

Этим признанием я не горжусь, но едва увидев его, начинаю плакать. Нет, на тротуар, конечно, не падаю, но горло сдавливает, а глаза жжет. Возможно, причина моих слез кроется в страхе, что его приход принесет с собой новую боль. Что Себастьян вдохнет новую жизнь в мои чувства, после чего снова меня покинет — как хорошо выполнивший свою работу миссионер.

Себастьян встает и вытирает ладони о спортивные штаны. Видимо, он приехал сюда сразу после тренировки.

— Я прогулял футбол, — вместо приветствия говорит он. И так нервничает, что его голос дрожит.

Мой тоже:

— Серьезно?

— Ага, — с неуверенной улыбкой, когда медленно приподнимается только один уголок губ, отвечает Себастьян. То есть мы в состоянии улыбаться друг другу? И это нормально?

Тут до меня доходит — и это ощущение похоже на отрезвляющую пощечину, — что Себастьяну комфортно находиться в моем обществе. Потому что его улыбка сейчас искренняя.

У него нет своей Отем, Пола и Дженны Скотт, Мэнни и даже Хейли — которая хоть и бесит,

но все равно полностью поддерживает.

Не в силах больше сдерживаться, я улыбаюсь ему в ответ; Себастьян стал заядлым прогульщиком. Господи, а видеть его невероятно приятно. Я так соскучился по нему, что мои эмоции готовы взять верх над разумом и заставить меня обнять его, прижавшись лицом к его шее.

Мой вопрос более чем очевиден:

— Что ты здесь делаешь?

Откашлявшись, Себастьян смотрит по сторонам. У него красные и припухшие глаза, и я думаю, что на этот раз он плакал.

— Дела идут неважно. И я не знал, куда еще пойти, — усмехнувшись, он зажимается. — Звучит как-то убого.

Не зная, куда пойти, он в итоге пришел *ко мне*.

— Совсем нет, — неустойчивой походкой я подхожу к нему. Достаточно близко, чтобы прикоснуться, если захочу, и чтобы всмотреться повнимательней, все ли с ним в порядке. — Что случилось?

Взгляд Себастьяна направлен куда-то на наши ноги. На нем бутсы для игры в зале — как по мне, они ему очень идут: черные адидасы с оранжевыми полосами. На моих ногах сейчас красуются потертые вансы. Пока он думает над ответом, я фантазирую, как наши ноги движутся в танце или как наша обувь стоит у входной двери.

Мой мозг чертов предатель. Едва увидев Себастьяна на ступенях моего дома, уже рисует образ женатой парочки.

— Я разговаривал со своими родителями, — говорит он, и колесики в моей голове с визгом останавливаются.

— *Что?*

— Про себя я им ничего не говорил, — тихо продолжает Себастьян. В ответ на его слова, значащие так много, мои колени слабеют. — Поинтересовался чисто теоретически.

Жестом зову его на задний двор, потому что там нас никто не увидит, и Себастьян идет за мной.

Жаль, мне не по силам описать, что именно творится у меня в груди, когда он осторожно берет меня за руку, пока мы идем мимо увитой плющом стены гаража. У меня в крови начинается разудалая вечеринка, гулом отзывающаяся в ногах и руках. С адреналином и электрическими вспышками.

— Можно? — спрашивает Себастьян.

Я опускаю взгляд на наши руки, такие схожие по размеру.

— На самом деле, я не знаю.

В голове звучит голос Отем: «Будь осторожен». Я не отмахиваюсь от ее предупреждения, но и руку не выпускаю.

Мы находим удобное местечко под маминой любимой ивой и садимся. От недавнего полива трава еще мокрая, хотя не думаю, что кому-то из нас это важно. Я вытягиваю ноги перед собой, Себастьян делает то же самое и прижимается ко мне бедром.

— С чего лучше начать? — спрашивает он. — С извинений или с рассказа?

Он собирается приносить *извинения*?

— Не совсем уверен, что моя голова работает с достаточной скоростью и понимает, о чем речь.

— Ты в порядке? Как у тебя были дела все это время?

Усмехнувшись, я отвечаю:

— Ты имеешь в виду нас? Нет. Вообще не в порядке.

— Я тоже.

Я считаю удары своего сердца. Один, два, три, четыре. Чирикает сидящая на ветке птица, ветер колышет листья. Это дерево всегда напоминало мне мистера Нюхача из «Улицы Сезам». Неуклюжее, неброское и нежное.

— Я предложил расстаться не потому, что больше ничего к тебе не испытываю, — говорит Себастьян.

— Знаю. Но по-моему, это даже хуже.

Он поворачивается и кладет обе руки мне на шею, чтобы я смотрел на него.

— Прости меня.

Его горячие руки дрожат. Я прикусываю губу, чтобы оставаться спокойным. Несколько секунд Себастьян будто обдумывает что-то, затем пододвигается ближе и, не закрывая глаз, целует меня. Кажется, я даже не отвечаю на его поцелуй, а просто сижу с отвисшей челюстью и ошарашенным видом.

— Я тоже тебя люблю, — говорит Себастьян и снова целует, на этот раз дольше. И сейчас я ему отвечаю.

После чего отодвигаюсь — возможно, потому, что мне нужно немного пространства — и, наклонившись, закрываю ладонями лицо. Этот момент в точности повторяет мои фантазии. Но шрамы на сердце еще не зарубцевались, и я сомневаюсь, что смогу содрать с них воображаемый пластырь, пока Себастьян сидит рядом и наблюдает. Мне нужно хотя бы полчаса, чтобы понять, как отреагировать на его слова — как-нибудь иначе, нежели повалить его на спину прямо на лужайке.

— Мне нужна минута-другая, чтобы уложить все это в голове, — говорю я. — Лучше расскажи, что случилось.

С раскрасневшимися щеками Себастьян кивает.

— Ладно. Помнишь Бретта, про которого тогда говорили мои родители? Когда мы их подслушали, — добавляет он.

Этот парень женился на своем бойфренде, а мама Себастьяна главным образом беспокоилась о его родителях.

— Ага. Помню.

— Он со своим мужем переехал из Калифорнии в Солт-Лейк-Сити. Кажется, в приходе сейчас переполох, — Себастьян поворачивает мою руку ладонью вниз и проводит указательным пальцем по венам и сухожилиям. — А так мне можно?

— Наверное, — отвечаю я и смеюсь, поскольку с такой интонацией, как у меня, обычно упрощают.

— В общем, родители за ужином обсуждали его приезд. Бабушка с дедушкой тоже, кстати, присутствовали, — усмехнувшись, Себастьян смотрит на меня. — Знаю, я выбрал не лучший момент, но вроде как... «вышел из шкафа».

— Можно сказать и так.

Себастьян снова смеется.

— Короче, представь себе: они говорят про Бретта и Джоша, и тут я откладываю вилку и интересуюсь у родителей, что будет, если один из их детей, окажется геем.

— Ты прямо так и сказал?

— Ага, — отвечает Себастьян и продолжает кивать, словно сам не верит в сказанное. — В последние несколько недель я чувствовал себя очень плохо. И не знаю, получится ли снова поверить, что мои чувства пройдут. Я пытался рассуждать гипотетически — например, если для тебя это всего лишь этап, перестанут ли меня в таком случае привлекать парни? Смогу ли однажды жениться на ком-то вроде Аманды? Но если честно, то нет. Я чувствую себя с тобой на

своем месте. Частично из-за тебя самого, а частично...

— Потому что я парень? — подсказываю я.

Улыбка Себастьяна на этот раз широкая и радостная.

— Ага, — он делает паузу, и мне заранее понятно, какие именно слова сейчас произнесет. Словно специально выбрав этот момент, сквозь густую листву пробиваются лучи солнца. — Я стопроцентный гей.

Из меня вырывается радостный смех.

И, обняв Себастьяна за шею, я опрокидываю его на спину.

Лежа подо мной, он смеется, пока я осыпаю поцелуями его лицо и шею.

— Я очень горд слышать, как ты это произносишь.

— Я тренировался, — признается Себастьян. — Говорил в подушку. Шепотом повторял, пока ехал сюда на велосипеде. С тех пор как мы расстались, я произносил эти слова каждый день. И они больше не кажутся чужими и странными.

— Потому что они действительно не чужие и не странные, — вспомнив, что Себастьян так и недорассказал, я сажусь и тяну его за собой. — Итак. Ты задал им теоретический вопрос...

— Мама тут же замолчала, — говорит он, и наши улыбки меркнут, потому что стало не до веселья. — Папа с бабушкой обменялись взглядами, говорящими «Ну вот, приехали». Бабушка сосредоточилась на содержимом своей тарелки и начала нарезать стейк на крошечные кусочки. А Лиззи встала из-за стола и вывела из столовой Фейт и Аарона, — Себастьян с болью во взгляде смотрит на меня. — Лиззи, мой самый близкий друг, увела их, чтобы они не слышали этот разговор. И, похоже, что никто моему вопросу не удивился.

Наверное, примерно вот так и разбивается сердце. Я с сочувствием бормочу Себастьяну что-то бессвязное.

— И наконец папа спросил: «Ты имеешь в виду влечение или действия, Себастьян?». До того момента он ни разу не называл меня полным именем, — Себастьян тяжело сглатывает. — Я ответил ему: «И то, и другое». А дальше отец в основном говорил про то, что наша семья считает, будто священное действие продолжения рода должно быть разделено лишь между мужчиной и его женой, а все остальное подрывает основы нашей веры.

— Чего ты примерно и ожидал, — с осторожностью добавляю я. Имея в виду, что какой бы жуткой вся эта ситуация ни казалась, все могло быть сильно хуже. — Как ты думаешь, они хотя бы открыты к дальнейшему разговору?

— Это было неделю назад, — шепотом отвечает Себастьян. И, глядя на меня со слезами на глазах, добавляет: — И всю эту неделю со мной никто не разговаривал.

Они неделю его игнорируют.

Целую неделю!

Я даже вообразить не могу ситуацию, при которой неделю не буду разговаривать с родителями. Даже когда они на работе или в командировках, мама с папой звонят каждый вечер и просят подробнее, чем в обычные дни, обо всем им рассказать. Себастьян же живет со своими родными в одном доме, а те обходят его стороной, будто призрака.

Точно не знаю, когда именно мы меняем тему, но это происходит вскоре после рассказа Себастьяна. Утешить мне его нечем, хотя я пробую. Но, потерпев неудачу, просто укладываю его рядом с собой и, глядя вверх на крону дерева, рассказываю обо всех глупых сплетнях, которые мне поведала Отем.

Отем. Мне нужно собраться с духом и во всем признаться.

Но не сейчас, когда мы лежим бок о бок и держимся за руки. Ладони потеют и становятся

влажными, но мы их не отпускаем.

— Чем ты занимался?

— Хандрил, — отвечаю я. — Ездил в школу. Но в основном хандрил.

— Я тоже, — свободной рукой Себастьян почесывает подбородок. На нем щетина, которая мне очень нравится. — Ну и в церковь ходил. Почти поселился там.

— Что ты собираешься делать?

— Не знаю, — он поворачивает голову, чтобы посмотреть на меня. — Через три недели стартует книжный тур. И честно говоря, сомневаюсь, что когда выйдет книга, родители продолжат вести себя в том же духе. Они гордятся мной, я это знаю. И захотят поделиться своей гордостью со всеми.

Про книгу Себастьяна я уже успел забыть. Тур словно был частью грядущей миссии и самостоятельным делом мной не рассматривался. Я дурак.

— И им не захочется, чтобы все увидели, какие они засранцы.

На это Себастьян ничего не отвечает. Еще бы. Спорить тут не с чем.

— Извини, — добавляю я. — Я не хотел поносить твоих родителей, потому что знаю, как вы близки. Просто разозлился.

— Я тоже, — он пододвигается ближе и кладет голову мне на плечо. Следующую фразу Себастьян говорит еле слышно, как будто много раз проговаривал ее в уме, и она истерлась, как заезженная пластинка. — А еще я никогда не ощущал себя таким недостойным.

Его слова словно удар ножа в живот. И в это же мгновение я хочу, чтобы Себастьян уехал из Прово ко всем чертям. Надеюсь, его книга за неделю разойдется миллионным тиражом, и все сойдут с ума от того, насколько он хорош как писатель. Надеюсь, что это Себастьяна вырастет до небес, а сам он станет просто невыносим. Все что угодно, лишь бы никогда не слышать снова, как его подрагивающий слабый голос произносит эти страшные слова.

Я притягиваю Себастьяна к себе. Он поворачивается на бок и сдавленно всхлипывает, уткнувшись лицом мне в шею.

Мне на ум приходят сплошные банальности, но они прозвучат слишком неуместно.

Ты потрясающий.

Никому не позволяй заставлять чувствовать себя недостойным.

Я не знаю никого, похожего на тебя.

И так далее, и тому подобное.

Но нам обоим всегда было крайне важно, что о нас думают наши родные. Их уважение значит для каждого из нас очень много. Кроме того, Себастьяну грозит решение Церкви, которая объявит, что так сильно любимый им Бог считает его отвратительным. И я совершенно не могу представить, как залечить его душевные раны.

— Ты потрясающий, — наконец говорю я, а Себастьян сквозь всхлипы издает смешок. — Иди сюда и поцелуй меня. Дай мне расцеловать твое потрясающее лицо.

Таковыми и находит нас мама — плачущими, смеющимися и снова плачущими, лежащими в обнимку под деревом мистера Нюхача. Сначала на мамином лице появляется беспокойство.

Но как следует рассмотрев Себастьяна, она зажимает ладонью себе рот, и ее глаза тут же наполняются слезами. Мама поднимает нас на ноги, обнимает меня, а потом молча притягивает его в свои объятия — долго не отпуская и что-то шепча ему на ухо, — и внутри меня что-то надламывается, когда вижу, что Себастьян начинает рыдать еще сильнее. Может быть, мама говорит ему «Ты потрясающий. Никому не позволяй заставлять чувствовать себя недостойным». Может, признается, что понимает, с чем он столкнулся, и надеется на благополучный исход. А

может, обещает каждую неделю дарить ему наклейки на бампер. Каковы бы ни были мамины слова, они оказываются самыми необходимыми и правильными, поскольку, перестав плакать, Себастьян ей кивает.

Солнце уже начинает садиться, и, конечно же, принято решение, что Себастьян останется у нас на ужин. Стряхнув травинки со штанов, мы идем за мамой в дом. Сейчас поздняя весна, а это значит, что несмотря на теплые дни, после заката температура стремительно падает, и я только сейчас осознаю, как холодно было под деревом. В гостиной же родители разожгли камин, а из колонок звучит вокал Пола Саймона. За кухонным столом сидит Хейли и буквально выцарапывает в тетради домашнее задание по химии остро отточенным карандашом.

Согреться мне почему-то трудно. Мы смеемся и не можем оторваться друг от друга, а происходящее кажется фантастическим сном — Себастьян здесь, у меня дома, вместе с моей семьей. Я веду его к передней двери и вручаю свою висящую на крючке толстовку — темно-красную, с белой надписью «Стэнфорд».

Себастьян терпеливо ждет, когда, застегнув молнию, я люблюсь проделанной работой.

— А тебе идут эти цвета.

— К сожалению, я уже учусь в местном университете.

«Пока что», — думаю я. Боже, готовность Себастьяна принять наши отношения как данность влияет на очень многое. Если он останется в УБЯ, во время учебы ему нельзя будет открыться. Ведь тем самым он нарушит правила. С другой стороны, в стране есть и другие университеты...

Все это как-то нереально. Я смотрю в сторону кухни, где мои родители, согнувшись пополам, хохочут над папиным комичным отвращением, вызванным прикосновением к сырой курице. Похоже, они оба готовы забыть на сегодня про свои беспокойства, поняв, что именно нам сейчас нужно: пару часов побыть самой обычной парой. Единственное указание, которое мы получаем, — это вымыть руки перед ужином.

— Кстати об университете...

При словах Себастьяна я вздрагиваю, потому что до меня внезапно доходит: с тех пор как мы расстались, прошло всего несколько недель, но случилось так много всего, что уже пора подумать о будущем. Себастьян еще не знает, куда я уезжаю в августе.

— Насколько я понимаю, ты получил ответы?

— Ага, — отвечаю я и немного расстегиваю молнию его толстовки, чтобы была видна шея и верхняя часть ключиц. Кожа у Себастьяна гладкая и идеально загорелая. Мне хочется раздеть его и устроить фотосессию.

Я даже забыл, о чем мы говорим.

— Ну и?

— Я еду в UCLA, — встретившись с ним взглядом, говорю я.

Какое-то время Себастьян молчит, а пульс на его шее ускоряется.

— Значит, ты не останешься в этом штате?

— Нет, — поморщившись, отвечаю я и надеюсь, что моя улыбка смягчит резкость последующих слов: — Ты тоже не останешься. Разве нет?

Себастьян тяжело вздыхает.

— Кто знает, — он проводит ладонью по моему плечу и спускается к животу. Мое тело ощущается натянутой струной. — Когда ты уезжаешь?

— Наверное, в августе.

— Как у тебя дела с книгой?

Внутри все отзывается спазмом, и я осторожно убираю его руку.

— Нормально. Пойдем. Выпьем что-нибудь.

Себастьян пишет родителям, что домой придет поздно, но его сообщение остается неотвеченным.

Кажется, я запомню этот вечер на всю жизнь; это не пустые слова и не преувеличение. Родители как будто под веществами — они ведут себя просто уморительно. Хейли хохочет до слез. Себастьян чуть не выплевывает воду, которую собирался проглотить, когда папа рассказывает свою любимую кошмарную шуточку про утку, зашедшую в бар и заказавшую себе изюм. К концу ужина я беру Себастьяна за руку, и несколько секунд родители молча на нас смотрят со смесью беспокойства и восхищения. После чего предлагают десерт.

Такую жизнь я и хочу для нас. Каждый раз, когда мы встречаемся с Себастьяном взглядами, я мысленно говорю ему: «Видишь? Это может быть примерно так. Причем каждый день».

Но потом мне становится понятно значение его взгляда, направленного на меня: «Может. Но тогда я потеряю все, что знаю, и всех, кто сейчас у меня есть».

Честно говоря, винить Себастьяна в том, что только наших отношений ему не достаточно, я не могу.

Через двадцать минут после начала просмотра фильма «007: Спектр» мама с папой отправляются спать. Поднимают с кресла уже посапывающую Хейли и помогают ей подняться по лестнице. Папа напоследок оборачивается через плечо, одновременно подбадривая и как бы говоря: «Не вздумайте заняться сексом на диване». После чего уходит.

Освещенные голубым сиянием экрана, мы сидим в гостиной одни, а перед нами на столе стоит почти нетронутая миска попкорна. Поначалу мы не двигаемся и продолжаем держаться за руки под пледом. Время от времени мне в голову приходит мысль: «Интересно, происходит ли с ним то же самое?» Поверить не могу, что Себастьян здесь, что мы снова вместе и что этим вечером мои родители общались с моим парнем, как будто это нечто само собой разумеющееся.

Но внутренний голос, который весь вечер многозначительно покашливал, я больше игнорировать не могу.

— Мне нужно тебе кое-что рассказать, — начинаю я.

Себастьян поворачивается ко мне. Экран телевизора освещает только левую сторону его лица, а в сочетании с резко очерченной челюстью, острыми скулами и напряженным взглядом Себастьян немного похож на Терминатора.

— Давай.

— Я лажанулся, — сделав глубокий вдох, говорю я. — Когда мы расстались, я был в раздрае. На самом деле, большую часть того дня даже не помню. Знаю только, что несколько часов где-то колесил, а потом приехал к Отем. Я плакал и мыслил недостаточно ясно.

Кажется, Себастьян сразу же понял, о чем пойдет речь, потому что, резко втянув в себя воздух, он произносит:

— О...

Медленно кивая и мучаясь угрызениями совести, я отвечаю:

— Да.

Кивнув, он отворачивается к экрану.

— Между нами все снова в порядке. Мы поговорили и, несмотря на всю неловкость, справимся с ситуацией. Я просто... не хотел скрывать это от тебя.

— Давай убедимся, что я правильно тебя понял: ты занимался с ней сексом?

Пару секунд я молчу, придавленный чувством вины, а потом говорю:

— Да.

На челюсти Себастьяна пульсирует мускул.

— Но *быть* ты с ней не хочешь?

— Себастьян, захоти я быть с Одди, уже давно был бы с Одди. Она моя лучшая подруга, и я поехал к ней, потому что был сильно расстроен. Понимаю, это звучит жутко, но нам внезапно стало настолько комфортно друг с другом, что за разговором последовал секс.

В глубине души я надеюсь, что, несмотря на тему нашей беседы, его это рассмешит. Но Себастьян поворачивается ко мне и хмуро говорит:

— Звучит и правда не очень.

— Согласен.

Подняв руку, он задумчиво потирает свою грудь. Я наклоняюсь и губами прижимаюсь к костяшкам его пальцев.

— Знаю, я сам все испортил, — тихо говорит Себастьян. — И кажется, у меня нет права на реакцию, которую хотел бы сейчас продемонстрировать.

— Есть. И будь я сейчас на твоём месте, то, наверное, спятил бы.

— Но ты не стал бы говорить мне, что делать, а что нет, после того как мы расстались, — похоже, его природное спокойствие берет верх. Даже не знаю, радоваться мне или же расстраиваться, что он не ревнует.

— Думаю, нет.

— А если мы вместе, то ты *со мной*, да? — спрашивает Себастьян. — Даже если я уеду?

Отодвинувшись немного, я внимательно всматриваюсь в его лицо.

— Ты же говорил, что во время миссии вам нельзя состоять в отношениях.

Опустив голову, он отвечает:

— Хочу решить, каким правилам следовать, а каким нет.

— Не рассказывая при этом никому правду о себе?

Себастьян поворачивается и, прижавшись лицом к моей шее, выпускает тихий стон.

— Еще не знаю, — следующие его слова звучат приглушенно: — Все связанное с Церковью значит для меня очень много. А желание говорить с Богом стало инстинктивным. Как будто это уже часть меня. Представить себе не могу, что буду делать, если уйду. Это все равно что стоять посреди поля и пытаться нащупать четыре стены. Кроме религии в моей жизни нет других опор.

Интересно, уйдет ли Себастьян из Церкви? Ведь его выбор либо/либо. Без потерь не обойтись.

— В других городах жизнь может оказаться менее напряженной, отношение Церкви в том числе, — говорю я. — Например, в Лос-Анджелесе.

Себастьян смеется и проводит зубами по моей ключице.

На какое-то время в гостиной воцаряется молчание.

Краем уха прислушиваясь, не начнет ли кто спускаться вниз, в остальном я целиком и полностью сосредоточен на тихих столах, которые издает Себастьян.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Прислушайтесь к дельному совету: никогда не ложитесь с краю, когда спите с кем-нибудь в обнимку на диване. Во-первых, скатитесь на пол, а во-вторых, разбудит вас даже не это, а судорога в шее. И скорее всего, когда проснетесь в одиночестве на полу, над вами будет стоять отец и с сомнением оглядывать вас полууголого, с прилипшими к груди кусочками попкорна из опрокинутой миски, на который вы и приземлились посреди ночи.

— Себастьян *провел у нас ночь*?

— Э-э... — я сажусь и смотрю по сторонам. Даже не глядя в зеркало, я уверен, что волосы стоят торчком. Заметив прилипший в опасной близости от соска острый кусочек попкорна,

страживаю его на пол. — Точно не знаю. Наверное, его здесь уже нет.

— Как и твоей футболки, да?

— Пап...

— *Таннер.*

Из-за того, что на папе пижамные штаны с изображением Коржика, которые ему пару лет назад подарила Хейли на Рождество и Хануку разом, серьезно отнестись к его суровому тону немного трудно.

— Ты опаздываешь, — говорит он и отворачивается, но я успеваю заметить улыбку.
— Одевайся и поешь что-нибудь.

Прихватив с кухни миску хлопьев, я несусь в свою комнату. Мне многое нужно успеть записать.

Себастьян не ответил на эмодзи с изображением курицы, попкорна и песчаного пляжа, которые я отправил ему, прежде чем поехать в школу, и днем не появился на Семинаре. Тогда по возвращении домой я отправил письмо на его личный почтовый ящик:

«Привет, это я. Просто хотел узнать, как ты. Все нормально? Если решишь зайти, сегодня я дома.

Танн».

Ответа не последовало.

Я стараюсь не обращать внимания на уже знакомую тянущую боль в груди, но к ужину аппетит не появляется. Мама с папой обеспокоенно переглядываются, когда на вопрос, разговаривал ли я сегодня с Себастьяном, отвечаю им невнятным мычанием. Даже Хейли предлагает помыть посуду вместо меня.

На следующий день я отправляю ему наш давний аварийный позывной — эмодзи с горой, — но в ответ по-прежнему тишина.

За обедом звоню. Сразу же попадаю на голосовую почту.

И в этот момент фон моих отправленных сообщений становится зеленым, как будто его iMessage отключился.

Сегодня ничего.

По-прежнему ничего.

С тех пор как Себастьян приезжал ко мне, прошло четыре дня, и только тогда я наконец получаю от него письмо по электронной почте.

«Таннер,

мне очень жаль, что я ввел тебя в заблуждение насчет своих чувств и идентичности. Надеюсь, отсутствие объяснений не причинило тебе слишком много боли.

Желаю тебе всего самого замечательного и успеха в будущей учебе в UCLA.

С наилучшими пожеланиями,

Себастьян Бразер».

Когда заканчиваю читать, не знаю, что и думать. Я перечитываю письмо раз десять, потому что во время первых девяти не могу поверить, что правильно понял написанное.

Потом открываю папку, где хранятся письма от Себастьяна. Передо мной совсем другие фразы, не похожие на формальные и отстраненные из последнего письма.

«Это странно, что я хочу проводить с тобой каждую секунду?»

Иногда мне трудно не таращиться на тебя в классе. Все время кажется, что мои взгляды заметят и всё поймут.

Я все еще ощущаю твой поцелуй на своей шее».

Так что нет, Себастьян не ввел меня в заблуждение насчет своих чувств.

На письмо о моем зачислении в UCLA я отправляю в администрацию университета ответное, дрожащей рукой подписав соглашение, что поступление будет зависеть от моих оценок за этот семестр. Переехать я должен седьмого августа. Первый ознакомительный учебный день — двадцать четвертого августа. Отправляю сообщение Себастьяну, где рассказываю об этом, но он не отвечает.

Сегодня я понял, что за прошедшие шесть дней написал ему двадцать смс с эмодзи. Безумие, да? Но сколько было других, со словами, которые я написал и удалил, так и не отправив?.. Рядом со мной Одди, мама и папа, всегда готовые выслушать, если мне это понадобится. С Мэнни мы как-то раз пообедали и провели время в комфортном молчании. Даже Хейли со мной чрезвычайно мила.

Но поговорить я хочу лишь с *ним*.

Завтра день сдачи моей книги, а я понятия не имею, что делать. Во второй главе появляется Себастьян. Фудзита сказал, что мне нужно сдать как минимум сотню страниц, чтобы он мог поставить оценку, но ему прекрасно известно — у меня написано гораздо больше. Даже если я сдам ему эту сотню, то там как раз Себастьян говорит мне, что ему всегда нравились парни. И Фудзита прочитает про наш поцелуй.

Самое смешное, что какие бы изменения в сюжете я ни сделал, они не будут иметь значения для тех, кто наблюдал за мной в классе дольше двух минут. Я могу переместить сюжет в альтернативную вселенную на какую-нибудь планету Скайтрон-1, назвать его Стивом, а себя Баки [Стив Роджерс и Баки Барнс, персонажи вселенной Marvel — прим. перев.], выдать каждому по суперспособности, но все равно будет очевидно, о ком эта книга. Как не мог контролировать выражение своего лица, когда Себастьян находился со мной в одном помещении, так теперь не в состоянии спрятать чувства, которые описаны на каждой странице, какими бы деталями я ни нагрузил книгу.

Если по этому предмету получу низший балл — что мне и светит, когда сдам Фудзите только двадцать страниц, — то год я все равно закрою, правда с гораздо худшими результатами, и заодно потеряю свой оценочный рейтинг. Но UCLA все равно меня примет. Наверное.

Понимая, что концовка книги совершенно идиотская и слабая, я даже не пытаюсь сочинить нечто стоящее, и потому это все, что у меня есть.

Каким идиотом я был, когда начал писать книгу про то, как писать книгу, и решил, будто у нее будет хэппи-энд? Изначально я планировал относительно сюжета оставаться в следующих рамках: счастливая концовка, ничем не обремененная жизнь. Но, видимо, лучше выучить этот урок сейчас, нежели потом, когда буду жить вдали от родного дома и среди людей, не настолько добрых и принимающих.

Я был счастливым засранцем, не знавшим, как устроен мир.

Я стою возле кабинета Фудзиты. У него сейчас посетитель — Джули, которая плачет и, наверное, расстроена из-за сдачи своей книги, а я чувствую онемение. Нет, не совсем так. Я чувствую облегчение, потому что оба моих страха — что отношения с Себастьяном снова закончатся и что нужно сдавать книгу — улетучились, и беспокоиться мне по этим двум поводам уже не нужно.

Когда подходит моя очередь, я вхожу в кабинет. Фудзита бросает взгляд на ноутбук в моих руках.

— Ты не распечатал книгу?

— Нет.

Теперь он выглядит озадаченным.

— Мне нечего сдать.

Есть что-то почти эпичное в том, когда учитель при тебе говорит: «Это что еще за херня?».

— Правда нечего, — я переминаюсь с ноги на ногу, ощущая дискомфорт от его пристального взгляда. — Кое-что я написал, но сдать рукопись не могу. Даже сто страниц.

— Почему?

Я не могу объяснить ему и это. Отвожу взгляд и смотрю на царящий на его столе беспорядок.

— И что ты ожидаешь от меня?

— Что вы поставите мне двойку.

— Сядь, — говорит Фудзита. — И подумай минут пять. Ты спятил?

Видимо, да, спятил. А какое еще тут может быть объяснение?

Я сажусь, ставлю на колени ноутбук и начинаю писать.

Из-под пальцев льются слова,

слова,

слова

и слова...

Себастьян

Уже которую ночь подряд Себастьян не может заснуть. Он лежит и смотрит в потолок, чувствуя при этом, как тело словно прожигает насквозь. Это ощущение, похожее на черный клубящийся дым, начинается ровно под грудной костью, а потом распространяется по всему организму, оплавливая ткани тела, как горящая спичка целлофан.

В первую ночь он решил, что это расстройство желудка.

Во вторую понял, что это не оно.

Третью ночь Себастьян ждал с ужасом, а на четвертую отправился спать пораньше, рассчитывая, что недомогание начнется с легкого толчка, который трансформируется в бурлящую обжигающую волну, горечью разливающуюся в животе. Как ни странно, на этот раз ощущение накатывает, едва голова Себастьяна соприкасается с подушкой. Раньше его отход ко сну вызывал в памяти образы Таннера: его улыбку и смех, изгиб ушной раковины и худые плечи, как тот прищуривался, прежде чем его шутки становились насмешливыми, и как виновато округлял глаза. Теперь же, когда Себастьян кладет голову на подушку, он вспоминает, что Таннер больше не его. А после не чувствует ничего, кроме боли.

Ему не хочется быть мелодраматичным, но боль лучше, чем чувство вины. Она лучше, чем страх и сожаление. Лучше, чем одиночество.

По утрам боль исчезает, а ароматы завтрака настраивают на череду однообразных ежедневных действий. Встать. Помолиться. Позавтракать. Почитать. Помолиться. Отправиться на пробежку. Сходить в душ. Сесть за стол и поработать над книгой. Помолиться. Пообедать. Еще какое-то время поработать над книгой. Помолиться. Поужинать. Почитать. Встретить боль. Заснуть.

Окончательные оценки должны быть выставлены через пару дней, и Фудзита дает Себастьяну три книги на прочтение и написание рецензий. Этот семестр оказался урожайным: все ученики курса сдали книги объемом больше чем шестьдесят тысяч слов. И, естественно, одолеть более миллиона страниц за пять дней — слишком много для одного учителя.

Книгу Таннера ему Фудзита не дал, но сколько бы раз Себастьяну ни приходило в голову попросить, в итоге он расстался с этой мыслью. Прочитав невнятно написанный манифест Эшера, безграмотный детективный роман Буррито-Дэйва и триллер про ЦРУ с очень хорошо продуманными деталями авторства Клайва, Себастьян по каждой книге составил отзыв, описал сильные и слабые стороны проделанной работы и предложил оценки.

Управившись всего за два дня, тем самым он оставил Фудзите время пробежать глазами тексты, если это потребуется для выставления оценок.

Когда днем Себастьян возвращается домой, готовый перейти к очередному шагу своего распорядка, на пороге видит Отем.

На ней толстовка с эмблемой Когтеврана, джинсы и шлепки.

Неуверенно улыбаясь, Отем держит что-то в сложенных руках.

— Привет, Отем.

Ее улыбка становится совсем уж нерешительной.

— Извини, что я просто... взяла и пришла.

Себастьян не в силах скрыть ответную улыбку. Неужели у нее не возникала мысль, что люди время от времени приходят без приглашения?

Видеть сейчас Отем ему почти мучительно, ведь она общается с ним так часто, как только захочет.

— Может, зайдем в дом?

Себастьян качает головой.

— Наверное, лучше поговорить здесь, — предлагает он. Дом, словно гигантский микрофон, усилит звуки их голосов. Там тихо и душно, а атмосфера довольно напряженная. В редкие свободные минуты Себастьян проводит время в интернете и ищет съемные квартиры в Атланте, Нью-Йорке, Сиэтле и Лос-Анджелесе.

— Итак. Во-первых, — тихим голосом начинает Отем, — я хочу извиниться. Знаю, Таннер рассказал тебе о произошедшем. Надеюсь, ты понимаешь, как сильно он был расстроен и поэтому мало что соображал. Я воспользовалась его состоянием, и мне очень жаль.

На щеке Себастьяна дергается мускул. Напоминание о случившемся между Таннером и Отем — не лучшая тема для разговора. Зато теперь у него есть ответ на вопрос, который он без конца прокручивал у себя в голове: вместе ли они теперь?

— Спасибо, но в этом нет необходимости. Никто ничего объяснять мне не должен.

Какое-то время Отем изучающе смотрит на Себастьяна. Как он сейчас выглядит со стороны, ему хорошо известно. Конечно же, Отем уже приходилось видеть чье-то горе, но теперь Себастьян знает, что оно завладевает теми частями лица, которые не участвуют в создании вымученной улыбки. Под его глазами залегли темные тени, а кожа не то чтобы бледная, но с нездоровым оттенком, будто он давно не выходил на солнце.

— Ладно. Но я все равно хотела это сказать, — произносит Отем, а затем поворачивает руку ладонью вверх, демонстрируя маленькую розовую флешку. По ее лицу и шее разливается

смущенный румянец. — А еще хотела отдать тебе книгу.

— Разве ты не сдала ее Фудзите? — срок сдачи был несколько дней назад, и Отем уж точно не могла его пропустить.

Она в замешательстве смотрит на него, а потом отвечает:

— Это *не* моя книга.

Та боль еще ни разу не приходила при свете дня. Сейчас впервые. И на солнце она распространяется быстрее лесного пожара в ветреный день. Себастьяну приходится сделать над собой усилие, чтобы заговорить.

— Где ты ее взяла?

— Из его ноутбука.

Сердце сжимается в груди, после чего трепещет и бьется с удвоенной силой.

— Как я понимаю, он не знает, что ты ее скачала.

— Ты правильно понимаешь.

— Отем, тебе нужно ее удалить. Это нарушение его границ.

— Таннер сказал мистеру Фудзите, что сдавать ему нечего. Мы с тобой знаем — это неправда. Даже Фудзита догадывается, что Таннер соврал.

Побледнев, Себастьян шепотом отвечает:

— Ты хочешь, чтобы я сдал книгу Фудзите вместо него?

— Нет. Я бы ни за что тебя об этом не попросила. Лишь хочу, чтобы ты ее прочитал. А потом, может, поговоришь с Фудзитой и попросишь самостоятельно поставить Таннеру оценку? Я слышала, ты так уже делал. Фудзита понимает, что Таннер не может сдать книгу ему, но будет рад, если хотя бы ты ее прочитаешь. У меня нет полномочий дать отзыв на книгу. В отличие от тебя.

Себастьян кивает и опускает взгляд на флешку в своей руке. Желание прочитать хранящийся в ее памяти файл почти ослепляет.

— Что касается меня, тут есть некий конфликт интересов...

Отем смеется.

— Ну да. Но я не знаю, как решить этот вопрос по-другому. Если Таннер сдаст книгу, то выдаст тебя учителю без твоего согласия. Если не сдаст, то получит плохую оценку, которая понизит его средний балл, и поставит тем самым под угрозу свое зачисление в UCLA. Мы с тобой оба знаем, что одной замены имен в книге будет мало.

— Это точно.

— Лично я не понимаю, о чем он вообще думал, — говорит Отем и смотрит на Себастьяна. — Он ведь знал, что однажды придется сдать хоть какой-то текст. Но это ведь Таннер. Всегда сначала идет на поводу у чувств, и только потом рассуждает.

Себастьян садится на верхнюю ступеньку и смотрит перед собой.

— Он говорил, будто пишет новую книгу.

— И ты правда в это поверил? Или же поверить тебе было проще? Таннер и думать не мог ни о чем другом.

Себастьян начинает ощущать все усиливающееся раздражение; ему хочется, чтобы Отем ушла. Само ее присутствие бьет по всем больным местам.

Отем садится рядом.

— Тебе не нужно ничего отвечать, потому что это не мое дело... — усмехнувшись, она замолкает и медлит. А Себастьян пытается снова сфокусироваться на своей боли, — но твои родители знают про Таннера?

Мельком посмотрев в ее сторону, он тут же отворачивается.

Знают ли они о нем?

В этом вопросе подразумевается так много всего, но ответ очевиден: *нет*. Если бы они знали о Таннере — *знали* бы по-настоящему: его способность быть нежным, его чувство юмора, умение вовремя замолчать или заговорить — то он сейчас был бы с ним. Себастьян искренне верит в это.

— Они знают, что он мне нравится. О чем-то большем я не рассказывал, да это и не имеет значения. Родители все равно устроили скандал... И поэтому я...

Вот почему Себастьян отправил Таннеру то письмо.

— У нас дома всегда висели фото и вдохновляющие цитаты, — говорит Отем. — Помню, одна гласила: «Семья — это дар на века».

— Уверен, что-то подобное и у нас есть.

— Вот только там не было примечания, что лишь при определенных условиях, — смахнув со штанины несуществующую ворсинку, Отем смотрит на него. — Мама все это выбросила. Думаю, сохранила лишь свадебное фото на фоне Храма, но и насчет него не уверена. Она очень разозлилась; так что оно тоже запросто могло очутиться в мусоре вместе со всеми другими фотографиями и табличками.

Себастьян поворачивается к ней.

— Таннер немного рассказал мне про твоего отца. Мне очень жаль.

— Тогда реакцию мамы я не поняла, а сейчас все встает на свои места. Те высказывания должны вдохновлять, но на самом деле создают впечатление, будто за спиной кто-то стоит и в подробностях припоминает, где ты потерпел неудачу или почему твоя трагедия — всеобщее благо и часть Божественного замысла. Для мамы все те цитаты перестали иметь хоть какой-то смысл.

Себастьян отводит взгляд и смотрит вниз.

— Вполне объяснимо.

Отем толкает его плечом.

— Готова поспорить, дела у тебя идут не очень.

Желая немного отодвинуться, Себастьян подается вперед и упирается локтями в колени. Он не просто хочет, чтобы его оставили в покое, — это желание прожигает в нем дыру.

— Родители со мной практически не разговаривают.

Отем издает стон.

— Лет шестьдесят назад они были бы так же расстроены, приведи ты в дом темнокожую девушку. Она, конечно, не парень, зато с другим цветом кожи. Неужели не замечаешь, до чего это нелепо? У них нет осознанности и хоть сколько-нибудь независимого мышления; их любовь к своему ребенку зависит от устаревшего учения, — помолчав немного, Отем добавляет: — Не переставай бороться.

Себастьян встает и отряхивает джинсы.

— Брак на вечность — это закон, установленный еще до основания мира. Заключение между мужчиной и женщиной, он является частью другой, божественной семьи. Гомосексуальность ставит план Господа под сомнение, — он произносит эти слова отрешенно, как будто читает по бумажке.

Отем тоже поднимается и сдержанно ему улыбается.

— Ты станешь отличным епископом.

— Я должен. Потому что наслушался уже достаточно.

— Они расстроены, но однажды поймут, что ты прав. Или что ты как минимум заслуживаешь любви. Мало кто получает и то, и другое.

Себастьян проводит большим пальцем по флешке.

— Значит, книга здесь?

— Полностью я не прочитала, но судя по тому, что успела...

Проходит одна, две, три секунды, и он наконец вздыхает.

— Хорошо.

Избегать своих родных Себастьян не привык. Он из тех сыновей, которые помогают матери убираться, чтобы она смогла отдохнуть перед ужином, и которые до начала службы вместе с отцом идут в церковь. Но в последнее время дома к нему относятся как к гостю, которого терпят. Когда машина Отем скрывается за поворотом, ему становится жаль, что каждый день приходится идти домой.

Отношения стали напряженными, с тех пор как он спросил у родителей, что бы они сделали, окажись — чисто теоретически — один из их детей геем. Видимо, отсутствие у него явной гетеросексуальности уже было замечено и не раз обсуждено. И своим вопросом Себастьян бросил зажженную спичку в лужицу бензина.

Тот разговор произошел примерно две недели назад. Мама снова начала с ним разговаривать, но нечасто и немного. Отца постоянно нет дома, поскольку оказывается, что он вечно всем нужен, чтобы помочь какой-нибудь семье в кризисе. Бабушка с дедушкой за все это время не заезжали ни разу. Аарон, как и всегда, витает в своих мыслях, Фейт чувствует, что что-то не так, но не знает, в чем именно дело. Лишь Лиззи в курсе деталей, и — к огромному разочарованию Себастьяна — старается держаться от него подальше, словно он инфицированный из «Пациента Зеро».

Самое жуткое, он не уверен, что достоин быть убитым горем. Убитый горем значит невиновен. Это означает быть жертвой в трагической любовной истории и не нести ответственность за возникновение своей боли. Но именно Себастьян с самого начала действовал в тайне от родителей. И он влюбился, после чего сам же и порвал с Таннером.

Встреча с Отем что-то в нем изменила. Стало невозможно зайти в дом и сделать вид, будто все в порядке и будто бы сделанное Таннером для его защиты не перевернуло мир Себастьяна на сто восемьдесят градусов.

Притворяться Себастьяну раньше удавалось легко, но он сомневается, что теперь на это способен.

После того как шторы изнутри открывают и закрывают в третий раз, Себастьян наконец заходит в дом. Решив не тратить время зря, его мама идет за ним по пятам, едва он закрывает за собой дверь.

— Отем уехала?

Себастьяну хочется пойти прямо в свою комнату, но мама перегородила ему путь к лестнице. Тогда он идет на кухню, достает из шкафа стакан и дрожащей рукой наливает воду. Спрятанная в кармане флешка вот-вот прожжет там дыру.

— Да, — отвечает он. — Уехала.

Миссис Бразер обходит кухонный островок и включает миксер. Воздух тут же наполняется ароматами сливочного масла и шоколада. Она делает капкейки. Вчера печенье. А позавчера бискотти. Ее домашние дела по-прежнему все те же. Их семья не разваливается. Ничего не изменилось.

— Не знала, что вы дружили.

Себастьяну не хочется отвечать на вопросы про Отем, но он понимает, что его молчание спровоцирует новые.

— Я всего лишь помощник учителя у нее в классе.

Повисает тяжелая тишина. В общем-то, он и для Таннера был всего лишь помощником учителя, так что такой ответ мало поможет ее успокоить. Но мама решает не давить; его родные с ним больше не общаются — лишь обмениваются любезностями вроде «Передай, пожалуйста, картофель» или «Нужно постричь лужайку» — и Себастьяну кажется, что они утратили этот навык окончательно. Он всегда думал, что со временем их отношения обязательно изменятся, и однажды он сможет относиться к ним как к равным взрослым. Но увидеть ограниченность собственных родителей так скоро было неожиданно. Это словно обнаружить, будто Земля на самом деле плоская, и никаких приключений на другом полушарии тебе не светит: ты просто упадешь за край, и все.

Выключив миксер, миссис Бразер смотрит на сына.

— Ты никогда о ней не говорил.

Неужели она не понимает, что он никогда не говорил *ни об одной* девушке, даже об Аманде?

— Она заехала передать кое-что для Фудзиты.

Себастьян наблюдает, как у мамы в голове складываются два и два. На ее лице написано подозрение.

— О чем его знает, да?

Его.

— Они друзья.

— Значит, она приезжала не из-за *этого*?

Вслед за осуждаемым «его» идет неприличное «это».

Себастьян чувствует нарастающее раздражение, поскольку родители даже имя его не произносят вслух.

— Его зовут Таннер, — от этих слов сердце в его груди начинает так сильно ныть, что хочется расцарапать грудную клетку ногтями и с силой его сжать.

— Думаешь, я не знаю, как его зовут? Это ты так пошутить решил?

Внезапно мамино лицо покраснело от воротничка до корней волос, а глаза заблестели. Себастьян еще никогда не видел ее такой разозленной.

— Понять не могу, как мы к этому пришли, Себастьян. Что ты сейчас «испытываешь», — показав пальцами кавычки, говорит она, — это твое личное дело. Отец Небесный не несет ответственность за твои решения. Лишь твоя свободная воля лишает тебя счастья, — взяв деревянную ложку, миссис Бразер вонзает ее в тесто. — И если тебе кажется, будто я говорю жестокие вещи, пообщайся со своим отцом. Ты и понятия не имеешь, как больно ему сделал.

Вот только Себастьян *не может* пообщаться с отцом, потому что Дэн Бразер дома не появляется. Начиная с того памятного ужина, после работы он теперь остается в церкви или же наносит визиты семьям, а когда возвращается, дома уже все спят. Раньше во время семейных ужинов было шумно и весело. Сейчас же все молча постукивают вилками или перекидываются парой слов по поводу домашних дел, поглядывая время от времени на пустующий стул во главе стола.

— Мне очень жаль, — говорит Себастьян, словно раскаявшийся сын из Писаний. Несмотря ни на что, он уверен, что мамин гнев берет начало из ее любви к нему.

«Только представьте себе, — размышляет он, — беспокойство, что вы навсегда будете отделены от своей семьи. Вообразите искреннюю веру в то, что Бог любит всех своих детей, кроме случаев, когда они любят друг друга не так, как положено».

«Все равно что думать, будто Бог любит деревья, — Себастьян перефразирует цитату из книги, которую однажды прочитал, — но только когда они цветут по весне».

Он обходит стол и подходит к маме.

— Она правда привезла кое-что для Семинара.

— Я думала, что курс окончен.

— Мне нужно написать рецензию на одну из рукописей, которую Фудзита еще не читал,

— все это чистая правда.

— Но ты с ним больше не видишься? И не разговариваешь?

— Я не разговаривал с ним несколько недель, — это тоже правда. Себастьян старается держаться подальше и от школы, и от мест, куда они ходили вдвоем. Не гуляет в горах и отказался от репетиторства. Потому что когда искушение будет слишком велико, он обязательно остановится у дома Таннера.

У Себастьяна даже голосовых сообщений не осталось. Он успел их удалить за минуту до того, как отец отобрал его мобильный.

— Хорошо, — заметно успокоившись, говорит мама. Она убирает миксер в сторону и начинает выкладывать тесто в формочки. — Ты обязан мистеру Фудзите за все, что он для тебя сделал, так что читай все эти книги, если у тебя есть время. Тебя ждет встреча с Братом Янгом, и последнее твоё собеседование будет закончено, — миссис Бразер всегда счастлива, когда у нее есть список дел, которые она может делегировать, проверить или сделать самой. И Себастьян не противится ей, раз уж это единственный способ продолжать с ней общение. — Покончи со своими обязательствами, а потом, пожалуйста, давай двигаться дальше.

Вместе с Братом Янгом они стоят на коленях и молятся, чтобы Себастьян был сильным, чтобы, выйдя в большой мир, стал примером для многих, и чтобы смог сделать что-то хорошее.

Кажется, Брат Янг чувствует себя намного лучше, когда они оба встают, поскольку выглядит человеком, который сделал сегодня нечто значимое. Он обнимает Себастьяна, говорит, что готов выслушать его в любое время и что гордится им. Он словно старший и мудрый товарищ, хотя ему всего двадцать два.

Но когда Брат уходит, Себастьян чувствует себя хуже. Молитва — это ритуал, уже ставший рефлексом и частью его самого, и сейчас она не дает обещанного облегчения. Мама зовет ужинать, но он не голоден. В последнее время Себастьян заставляет себя есть, потому что лишение тела его потребностей кажется еще одним грехом, а их сейчас у него и так навалом.

В его комнате на кровати лежит и тихо гудит ноутбук. Себастьян включил его, едва остался один — почти час назад, — и медленно наблюдал, как садится батарея. Получился своего рода успокаивающий ритуал: когда экран начинал гаснуть, он пальцем проводил по трекпаду, и так много раз подряд.

На рабочем столе появилась новая папка с названием «О НЕМ», содержащая файл, который он хочет прочитать, но никак не решится начать. Отчасти потому, что заранее знает, насколько сильнее станет болеть в груди. Но еще Себастьян заморожен тем, как четко организованы заметки Таннера. В папке несколько версий файла, и к каждой проставлены даты. Еще тут есть фотографии Себастьяна:

СЕБАСТЬЯН ФУТБОЛ 2014

СЕБАСТЬЯН ФУТБОЛ 2014-а

СЕБАСТЬЯН «СОЛТ-ЛЕЙК ТРИБЬЮТ»

СЕБАСТЬЯН «ПАБЛИШЕРС УИКЛИ» 2016

СЕБАСТЬЯН «ДЕЗЕРТ НЬЮС» 2017

Вот она, ловушка. Эта книга ключ, чтобы проникнуть в мысли Таннера. Суетная сторона

Себастьяна хочет заглянуть туда больше всего на свете и прочитать размышления Таннера. Рациональная же сторона уверяет, что так он не только сейчас не приблизится к настоящему Таннеру, но я вряд ли когда-либо сможет. Стоит ли тогда себя мучить? Не будет ли лучше удалить папку, поблагодарить Отем и попросить ее передать Таннеру сообщение на словах? Сказав что-то искреннее и ставящее точку, хотя бы одну фразу, которую нельзя распечатать и молча передать через обеденный стол — как сделал отец Себастьяна со всеми его смс и электронными письмами.

Себастьян не заметил, как в комнате снова стало темно. Он проводит пальцами по трекпаду и щурится от яркого света. Дрожащей рукой кликает по иконке, и на экране появляются слова.

Все начинается с парня, девушки, брошенного вызова и усыпанной крошками кровати.

Но по-настоящему книга начинается со взгляда, потом еще одного и фразы: «Его улыбка не оставляет и следа от меня прежнего».

Большую часть ночи Себастьян проводит за чтением. В какие-то моменты по его щекам текут слезы. В другие он смеется — честно говоря, влюбляться в Таннера еще сильнее никогда не было так весело. Вместе с героями он идет в горы и вспоминает их первый поцелуй. Видит беспокойства родителей Таннера — предупреждения Дженны теперь кажутся почти пророческими.

Он наблюдает, как Таннер утаивает правду и держит Отем в неведении.

Пuls Себастьяна отдается в ушах, когда читает о столах, которые издают они с Таннером, и как руки и губы опускаются все ниже.

Он влюбился под тем небом, полным звезд.

Начинает светать, а Себастьян невидяще смотрит на экран перед собой. Перед глазами все расплывается. Он не двигался несколько часов, только один раз встал, чтобы подключить ноутбук к зарядке.

Резко втягивая в себя воздух, он чувствует себя обессиленным, но при этом нервным и даже ликующим. И страшно напуганным. Его семья скоро встанет, и ему нужно успеть уйти незамеченным. Хотя Фудзите Себастьян мог бы просто позвонить, объяснить, что в книге много личного, и предложить свою оценку.

Мышцы ноют, когда он встает с кровати, вынимает шнур из розетки и берет ноутбук, после чего выскальзывает за дверь.

Таннер

Таннер тупо таращится в экран и несколько раз моргает.

Его мама наклоняется к компьютеру и прищуривается.

— На что ты смотришь?

— На свои оценки.

— О! Как быстро! — радостно восклицает она и обнимает сына за плечи, когда пробегает глазами по списку.

Не то чтобы это имело значение. Таннер уже собрал вещи и готов сесть в старую Камри, и выдвинуться в сторону Лос-Анджелеса. Но оценки оказались совсем не плохими. «Отлично» по современной литературе — впрочем, не удивительно. Было легко. По матану тоже. По остальным предметам приятные открытия, но тоже не сказать что Таннер ошеломлен. Вот только пятерка за Семинар, при том что он даже не сдал книгу...

На автомате потянувшись к телефону, Таннер набирает номер школьной канцелярии.

— Будьте добры мистера Фудзиту.

— Секунду, — раздается голос секретаря мисс Хилл.

— Что ты делаешь? — наклонившись к нему и пытаясь поймать его взгляд, спрашивает мама.

Таннер показывает на пятерку, красующуюся прямо посреди списка оценок.

— Ерунда какая-то.

Это кажется ошибкой. А еще выходит так, будто Отем права в своих постоянных обвинениях. Но одно дело иметь природное очарование, и совсем другое — не выполнив задание, получить блестящую оценку по предмету, максимально влияющему на его средний балл.

Снова раздаются гудки, и наконец на звонок отвечают:

— Алло?

— Мистер Фудзита? — Таннер крутит в руке черный степлер, лежавший на родительском письменном столе.

— Да.

— Это Таннер Скотт, — следует пауза, и даже странно, как много она значит. Она заставляет тревожиться. — Я сейчас посмотрел свои оценки.

Хрипловатый голос Фудзиты по телефону кажется еще грубее.

— Хорошо...

— Я не понимаю, почему у меня пятерка за ваш курс?

— Мне понравилась твоя книга.

Помолчав немного, Таннер отвечает:

— Но я ее не сдавал.

На том конце трубки тихо, словно кто-то резко выключил звук. А потом Фудзита откашливается.

— Он тебе не сказал? Черт. Это не очень хорошо.

— Про что не сказал?

— Ее сдал Себастьян.

Таннер зажмуривается, пытаясь сообразить, что успело произойти без его ведома.

— Вы имеете в виду первые двадцать страниц?

— Нет, — пауза. — Всю книгу.

Он открывает рот, чтобы ответить хоть что-нибудь, но не может придумать ни слова.

— Книга потрясающая, Танн. То есть у меня есть, конечно, мысли насчет редакции — потому что иначе я перестану быть самим собой, — да и концовка грустная... С другой стороны, другого финала и быть не могло, так? Но в целом, книга мне очень понравилась, — Фудзита делает паузу, в течение которой Таннер опять безуспешно пытается найти слова.

Раньше, когда слышал выражение «мозги набекрень», он считал это преувеличением. Сейчас же практически ощущал, как в голове царит хаос и мелькают разные кадры: вот в шкафу спрятан его ноутбук, вот слова «Я стопроцентный гей» в одной из глав, вот лицо Себастьяна, перед тем как он заснул рядом с ним на диване, удовлетворенный, дерзкий и при этом немного смущенный, а вот бестолковое окончание его книги.

— Наверное, «понравилась» не совсем удачное слово, — продолжает Фудзита. — Мне больно за тебя. И за него. Я рисовал в уме так много вариантов развития этой истории, что долго рассказывать. Но рад, что вы во всем разобрались.

Фудзита снова делает паузу, и, казалось бы, это хорошая возможность сказать что-нибудь, но Таннер молчит. Он словно завис на последних словах учителя. Среди всех эмоций главным

образом ощущая полное недоумение. Ведь он не разговаривал с Себастьяном несколько недель.

— Что?

— Но я думаю, ты сделал кое-что очень важное, — не обращая внимания на вопрос Таннера, говорит Фудзита. — Искренне рассказал ему о своих чувствах. И твой голос обрел силу. Я знал, что ты можешь писать, но не думал, что имеешь талант делать это по-настоящему хорошо.

Способности соображать Таннеру уже не хватает, чтобы понять, что же, черт побери, происходит. Его ноутбук надежно спрятан в ящике шкафа под носками и парой журналов, просмотр которых его родители не могут отследить своей чудесной программой.

Таннер встает и несется в свою комнату. Какое-то время Фудзита хранит молчание.

— У тебя все в порядке?

Таннер роется в ящике. Ноутбук на месте.

— Ага. Просто... пытаюсь это осмыслить.

— Что ж, тогда если ты зайдешь этим летом, и мы обсудим мои заметки, я был бы рад. Еще две недели я тут точно буду, надо доделать кое-какие дела.

Выглянув в окно, Таннер смотрит на свою припаркованную Камри. Интересно, это безумие — взять и заявиться к порогу дома Себастьяна? Спросить, откуда он взял книгу и как она оказалась у Фудзиты.

Когда до него начинает доходить реальность всего происходящего, кожу затылка от нарастающей паники начинает покалывать. Себастьян прочитал его книгу. Целиком.

— Таннер? Ты еще тут?

— Да, — скрипучим голосом отвечает он. — Спасибо.

— Ты будешь на автограф-сессии?

Выйдя из оцепенения, Таннер несколько раз моргает. На верхней губе выступили капельки пота, а все тело сотрясает от лихорадочной дрожи.

— На чем?

— На автограф... — отвечает Фудзита, а потом перебивает сам себя: — О чем я только думал? Конечно же, нет. Или все же придешь?

— Честно говоря, я понятия не имею, о чем вы.

Таннеру слышно, как скрипнул стул, как будто Фудзита сел ровнее.

— Вчера вышла книга Себастьяна.

Время словно замедлилось.

— В книжном «Дезерт Бук» в Университи Плейс. Сегодня в семь. Правда не знаю, ждешь ли тебя там, — Фудзита смущенно усмехается. — Но надеюсь все-таки, что ты появишься. Надеюсь, сюжет истории повернет в ту же сторону, что и у меня в воображении. Мне просто необходимо, чтобы она хорошо закончилась.

Отем садится в машину.

— Ты такой задумчивый и загадочный. Куда мы едем?

— Мне нужна дружеская поддержка. Причем включенная на полную мощность, — не тронувшись с места, Таннер поворачивается к ней. — Не понимаю, как это произошло, но Себастьян сдал мою книгу...

Один взгляд на ее покрасневшее лицо — и ему все становится ясно.

Таннеру даже странно, почему он сразу же не догадался. Наверное, ему нравилась воображаемая картинка, на которой Себастьян героически влез в окно, покопавшись в ящиках, нашел ноутбук, скопировал файл и умчался на своем верном коне (то есть велосипеде) в школу,

чтобы сдать Фудзите рукопись и спасти задницу Таннера. Но, естественно, объяснение куда более банальное: это сделала Отем. Она прочитала книгу и выдала Себастьяну что-то вроде «Ты только загляни в эту поломанную душу. И повинен в этом ты, чудовище». Чувство вины взяло над Себастьяном верх, и он не смог позволить Таннеру потерпеть неудачу.

Значит, он сделал это из жалости.

— Ой... — расстроено произносит Таннер.

— Хочешь сказать, что он *сдал* ее?

— А ты хочешь сказать, будто не знала?

Отем взволнованно подается вперед.

— Я не знала, что Себастьян сдал книгу Фудзите. Честно. Просто подумала, что ему стоит ее прочитать. И самому поставить тебе оценку. Флешка пробыла у него один день, после чего он мне ее вернул.

— Ты без моего ведома приняла довольно важное решение.

— Я была на эмоциях, — говорит Отем, если и раскаиваясь о содеянном, то лишь слегка. — А твоя книга просто сногшибательная. Ну и вообще, деньки были безумные, — она широко улыбается. — Я только-только рассталась с девственностью.

Таннер смеется и в шутку щипает ее за ногу. За эти несколько недель их отношения пришли в норму. И, говоря откровенно, в последнее время по отношению к Отем действовало послабление относительно любых ее чудачеств. Потому что несмотря на вновь обретенную легкость в их общении, Таннеру было по-прежнему трудно ее приструнить. А иногда следовало бы.

— В общем, он поставил мне пятерку, — говорит он. — И мир не рухнул. При этом не могу представить, чего это ему стоило. Фудзита, понятное дело, теперь в курсе, — со дня окончания школы прошло уже две недели. Возможно, теперь знают все. А Себастьян сделал шаг назад и вернулся в «шкаф». — Вчера был релиз книги Себастьяна, и сегодня вечером у него автограф-сессия в Университете.

Глаза Отем округляются, когда она понимает, для чего они сейчас сели в машину.

— Да нет, мы ведь не поедem.

— Поедем.

Очередь начинается от дверей книжного, вьется мимо магазинов и растягивается еще на полквартила от торгового центра. Это напоминает Таннеру аэропорт, когда по прилету домой все ждут багаж. Видимо, если уж мормоны выходят из дома, то делают из этого массовое мероприятие.

Таннер с Отем встают в конец очереди. Сейчас начало июня, и ветер сухой и горячий. Если не считать словно вырастающие из земли горы, город ощущается плоским, во всех смыслах. Тут почти всегда ощущается атмосфера заниженных ожиданий и отказа от амбиций в сочетании с неагрессивным городским пейзажем.

Внутри у Таннера все покалывает и горит. Совсем скоро ему придется расстаться с Отем, но зато он снова будет жить у океана.

К ним подходит мужчина в клетчатой рубашке с короткими рукавами. В левой руке он держит стопку, по крайней мере, из десятка книг.

— За автографом?

Таннер кивает.

— Ага.

— Вы принесли книгу с собой или планируете купить ее здесь?

Отем с Таннером обмениваются неуверенными взглядами.

— Наверное, купим здесь, — решает Отем.

Мужчина вручает им по книге и приклеивает два стикера на обложку каждой. Таннеру почти смешно. Они голубого цвета — как и те, на которых он записал свою тоску, любовь и драму.

— Напишите на них свои имена, — говорит мужчина. — Это поможет Себастьяну сделать разговор более личным, когда подойдет ваша очередь.

Грудь Таннера словно стянули веревкой, а Отем сочувственно охает.

— После получения автографа оплатите книгу на кассе, — видимо, сотрудникам и в голову не приходит, что кто-то возьмет книгу и уйдет, не дождавшись автографа.

Мужчина уходит, и Отем поворачивается к Таннеру, прижав свою книгу к груди.

— Все это так странно.

— Ага, — отвечает Таннер и опускает взгляд на книгу в своих руках. На обложке изображен огненный пейзаж — горящая долина, которую обрамляют высокие горы, поросшие нетронутыми огнем деревьями. Очень красиво. Цвета насыщенные, а изображение почти трехмерное. У подножия горы стоит мальчик, держащий в руках факел. А ниже расположено название, выполненное блестящими тиснеными буквами:

ОГНЕННАЯ БУРЯ

Себастьян Бразер

Название пока что ничего Таннеру не говорит. Может, никогда и не будет иметь значения. Идея погрузиться в мир объемом в четыреста страниц, созданный талантливым воображением Себастьяна, кажется почти невыносимой. Возможно, однажды, когда все произошедшее будет ощущаться зажившим синяком, Таннер возьмет в руки книгу, взглянет на имя на обложке и наконец прочтет роман.

— Нет, я имею в виду то, что это для *меня* странно, — прерывая ход его мыслей, говорит Отем. — А уж каково тебе, и представить себе не могу.

— Я начинаю задаваться вопросом, какого черта мы тут забыли. Это может обернуться катастрофой.

— А ты не думаешь, что он отчасти ждет тебя?

Таннер снова задумывается. С тех пор как получил то холодное письмо, с Себастьяном он связаться больше не пытался. Скорее всего, тот решил, будто Таннер куда-то исчез. Возможно, ему стоило именно так и поступить.

— Нет.

Тогда Отем показывает на магазины перед ними.

— Неподалеку от нас магазин предметов первой необходимости в экстренных случаях. На случай если тебе что-нибудь понадобится.

— Это так по-мормонски, иметь в городе подобный магазин, — бормочет Таннер.

Отем не спорит. Она смотрит на вывески трех крупнейших магазинов торгового центра: книжный, магазин предметов первой необходимости и салон для новобрачных.

— Здесь все по-мормонски.

— А ты не скучаешь по церкви?

Отем прижимается к нему. Она едва достаёт Таннеру до плеча, поэтому когда он ее обнимает, голова Отем оказывается под его подбородком.

— Иногда, — когда она поднимает голову и смотрит на него, сторонний наблюдатель счел бы их парой. — Скучаю по мероприятиям и по той внутренней уверенности, что если люди

рядом с тобой счастливы, это значит, ты все делаешь правильно.

Таннер морщит нос.

— Ну и гадость.

— Точно, — Отем похлопывает Таннера по груди. — Именно это я и хочу сказать. Себастьян не сделал по отношению к тебе ничего плохого.

Многозначительно посмотрев по сторонам, он понижает голос:

— То есть мы теперь это на улице обсуждаем?

На этот раз Отем отвечает шепотом:

— Ты правильно сделал, что приехал сюда.

Очередь начинает двигаться, и сердце Таннера екает. Действительно ли он сделал правильный выбор, приехав сейчас в этот книжный? Ведь это словно удар исподтишка. Ну или что-то похожее. Да, Отем с Себастьяном действовали у Таннера за спиной, чтобы сдать книгу, но сейчас общение будет происходить на публике. Ему и Себастьяну каким-то образом придется держать лицо.

Взяв у Отем ручку, он записывает на стикерах их имена. И исходит не из желания насмехаться, а из практических соображений: вполне возможно, Себастьян будет слишком взволнован, чтобы вспомнить, как произнести имя «ТАННЕР».

Очередь движется неторопливо. А Таннер в своем воображении рисует сидящего за столом Себастьяна и очаровывающего каждого, кто к нему подходит.

В желудке уже урчит, солнце начинает садиться, после чего закатывается за горы. С его заходом впервые за весь день становится прохладно.

Прихлопнув комара у себя на руке, Отем говорит:

— Ладно, выкладывай.

— Что выкладывать?

Она обеспокоенно смотрит на Таннера.

— Для чего ты здесь.

Он резко и глубоко вздыхает.

— Я просто хочу поблагодарить за то, что Себастьян сделал — он поймет, о чем я — и пожелать ему удачи в книжном туре и грядущей миссии.

— И все?

— И все.

Отем приподнимается на цыпочках и целует его в щеку.

— Ты такой милый.

— А ты весьма опасна.

— По крайней мере, больше не опасная девственница.

Люди впереди них оборачиваются с огромными глазами.

— Ой, — делая вид, будто ужаснулась, произносит Отем.

Таннер опускает голову и старается не расхохотаться.

— Однажды такие шуточки выйдут тебе боком.

— Да уже сейчас — почти.

Они подошли к двери, и стало видно, что внутри очередь состоит примерно из пятнадцати человек. И в конце ее сидит Себастьян.

Таннеру его не видно, но, посмотрев по сторонам, он обратил внимание, что в магазине царит праздничная атмосфера: мужчины в костюмах, женщины в платьях и кругом чаши с пуншем. Столик с капкейками и овощами, нарезанными палочками, с дип-соусами. Кто-то принес торт. Это не только автограф-сессия; это еще и презентация.

Родители Себастьяна тоже там, вместе с какой-то женщиной с бейджем на груди и

мужчиной в костюме и галстукe они стоят полукругом и разговаривают. Когда Отем входит в книжный, Таннер идет за ней и придерживает дверь для следующего посетителя. Дверь врезается в демонстрационный столик, и звук привлекает внимание Дэна Бразера. Сначала он автоматически улыбается, но его лицо тут же каменеет.

Таннеру и в голову не приходило, что сегодня он встретится с родителями Себастьяна, что они его узнают и соотнесут с проказой, поразившей их сына. Но, конечно же, они здесь. И у них на лице написано все вышеперечисленное.

— Его отец тоже тут, — кивком показав на Дэна в другом конце зала, говорит Отем.

— Ага.

Словно в поисках руководства к действию, миссис Бразер смотрит сначала на мужа. После чего они оба меняют выражение своих лиц на нейтральное.

Отем берет Таннера под руку.

— Ты как, в порядке?

— Я хочу уйти. Но уже поздно.

Уходить действительно поздно. Осталось всего два человека, и за ними уже видно Себастьяна. Тот одет в аккуратно выглаженную синюю рубашку и темный галстук. Волосы стали короче. А на лице красуется знакомая приветливая маска. Но даже в мормонском магазине, полном мормонов, Себастьян выглядит все тем же парнем с прогулок в горах, парнем, с которым он обедал китайской едой и с которым провел вечер на капоте машины.

Когда Себастьян видит, кто именно стоит позади, маска с его лица слетает, но лишь на секунду. Хотя нет — чуть дольше. Он окидывает Таннера еще одним взглядом, и это до боли знакомо.

Шагнув вперед, Таннер протягивает книгу.

— Привет. Поздравляю.

На челюсти Себастьяна дрогнул мускул, а потом он откашливается и, приподняв брови, отвечает:

— Привет, — придвинув к себе книгу Отем, он медленно отклеивает стикер с ее именем. — М-м... — вдохнув, Себастьян делает выдох, и тот получается прерывистым. Снова покашляв, он открывает книгу на титульном листе и дрожащей рукой берет ручку.

Отем с безумными глазами смотрит то на одного, то на другого.

— Привет, Себастьян.

Подняв голову, тот несколько раз моргает, пытаясь сфокусироваться.

— Отем. Привет. Как твои дела?

— Хорошо. Через пару недель уезжаю в Коннектикут. А какой ближайший город в твоём книжном туре?

— После этой автограф-сессии я еду в Денвер, — отвечает Себастьян, а потом заученно перечисляет города: — Портленд, Сан-Франциско, Финикс, Остин, Даллас, Атланта, Чарльстон, Чикаго, Миннеаполис... э-э... Филадельфия, Нью-Йорк и домой.

— Ого, — замечает она. — Сумасшедший график.

Сдержанно усмехнувшись, Себастьян подписывает книгу: «Удачи в Йеле. С наилучшими пожеланиями и благодарностью, Себастьян Бразер».

Вручив книгу Отем, он кладет перед собой книгу Таннера. Нахмурившись, отдирает стикер и, смяв, выбрасывает его в мусорную корзину рядом со столом.

Таннер молчит, поэтому Отем слегка пихает его в бок и одними губами говорит: «Скажи что-нибудь».

— Я пришел сказать тебе спасибо, — тихо говорит Таннер, надеясь, что их никто не услышит — особенно его родители. Напрягшись всем телом, Себастьян продолжает что-то

писать. — За то, что ты сделал. Правда я не совсем понимаю, зачем, но все равно тебе благодарен.

— Большое спасибо, что пришел сегодня сюда, Таннер, — доброжелательно говорит Себастьян. Он успел восстановить самообладание, поэтому теперь его голос становится чуть громче.

Интонация настолько наигранная, что Таннеру почти смешно. А встретившись с Себастьяном глазами, он чувствует пронизывающий ужас. Если тот и справился с голосом, то со взглядом точно нет. Он напряженный, а в глазах стоят слезы.

— О боже, прости меня, — шепотом говорит Таннер. — Мне не следовало приходить.

— Тебе нравится фэнтези? — голос Себастьяна по-прежнему бодрый. Округлив глаза и поморгав, он пытается не дать слезам пролиться.

Таннер понимает, что сейчас больно им обоим, и чувствует себя чудовищем.

— Надеюсь, книжный тур пройдет хорошо, — больше не заботясь о поддержании фальшивой беседы, говорит он. — Как и твоя миссия. В августе я уезжаю в Лос-Анджелес, но звони в любое время, — в последний раз взглянув ему в глаза, Таннер добавляет: — В любое.

Взяв книгу из рук Себастьяна и больше не поднимая голову, разворачивается и направляется к двери, оставив Отем в магазине, чтобы та расплатилась. Он протискивается сквозь толпу и выходит на улицу, где есть свежий воздух, побольше пространства и нет с тревогой смотрящих на него глаз цвета озерных вод в солнечный день.

Себастьян

Уехать в книжный тур — все равно что снова начать дышать. Тут нет ни наставников, ни родителей. Нет и церкви.

Впрочем, мама Себастьяна поначалу собиралась поехать с ним. Он точно не знал, появление ли Таннера спровоцировало такое решение или же причиной было обычное материнское беспокойство, но за два дня до отъезда она написала письмо его агенту. К счастью, тот объяснил, что билеты на самолет и номера в отелях были забронированы и оплачены заранее, поэтому поездка возможна лишь в том случае, если миссис Бразер будет готова самостоятельно оплатить перемещение между тринадцатью городами страны.

Естественно, Себастьян не раз покидал пределы штата, но лишь во время школьных и семейных поездок. Издательство же организовало ему машину с водителем, чтобы добраться до аэропорта и в отель, и помощника для сопровождения на мероприятия, а в остальное время он принадлежал сам себе.

Следующая автограф-сессия была запланирована в Денвере, и хотя народу пришло не так много, как дома, мероприятие получилось все равно многолюдным. Пустых стульев во время своего выступления Себастьян заметил совсем немного. Это так невозможно и так реально одновременно — что присутствующие незнакомцы знают, кто он такой.

В очереди за автографом в основном девушки, Впрочем, есть и парни. Себастьян понимает, что Таннер не придет, но все равно продолжает прислушиваться к чьему-нибудь низкому голосу, пока сам подписывает книги, или же когда поднимает взгляд, надеется увидеть в толпе его темноволосую голову.

Иногда ему не верится, что Таннер вообще приходил. Родители, естественно, ни слова об этом не сказали. Так что после ухода Таннера и Отем спросить, действительно ли это был он, Себастьяну не у кого.

Ему хотелось рассказать, как сильно ему понравилась книга Таннера и как она что-то в нем

изменила. Что буквально на следующее утро Себастьян распечатал ее, чтобы взять с собой и перечитывать во время тура. Но в том книжном он никак не мог ему об этом сказать. Ему не хотелось, чтобы Таннер ушел, но ничего произнести Себастьян оказался не в состоянии, потому что слова «Я скучаю по тебе» затмили собой все другие мысли, звуча в голове пронзительно громко.

Из-за этой тоски он не спит ночами в Денвере, Остине и Кливленде. Она возвращается с новой силой, эта тоска, всякий раз, когда Себастьян, копаясь в своем чемодане, натывается на книгу Таннера. Он может открыть ее на любой странице — на двадцатой или восьмидесятой — и на каждой найдет историю любви, освещающую темные уголки его ненависти к себе и напоминающую ему о том, что между ними двумя произошло нечто по-настоящему важное. И правильное.

Иногда Себастьян думает о словах, которые написал Таннеру на титульном листе «Огненной бури», и спрашивает себя: открывал ли он книгу? Видел ли надпись?

Всегда твой, Себастьян Бразер

Едва Себастьян выходит из здания международного аэропорта в Солт-Лейк-Сити, его окружает жара, и он жалеет, что не переоделся в другую рубашку и не снял галстук, прежде чем поехать в JFK.

— Поверить не могу, что ты летал в Нью-Йорк, — прижимая к себе маленькую блестящую Статую Свободы, говорит Лиззи. Она снова стала прежней собой, и Себастьяну кажется, это потому, что от него все ждут ровно того же: стать прежним собой. — Там так же круто, как показывают по телевизору?

— Еще круче, — обняв Лиззи за плечи, Себастьян притягивает ее к себе и целует в макушку. Уехать было приятно, но он и представить себе не мог, как сильно по ней соскучится. — Может, однажды мы туда съездим. Например, когда выйдет следующая книга.

Лиззи делает пирует прямо на пешеходном переходе.

— Да!

— Если Лиззи собралась в Нью-Йорк, то, может, нам стоит съездить в Сан-Франциско и посетить Алькатрас. Ты там был? — глядя на него, спрашивает Фейт.

— Нет, но видел с пирса. Мой помощник отвез меня поужинать в ресторан, где подают морепродукты, а потом мы гуляли у воды. Я не знал, что ты хочешь туда поехать, а то отправил бы фото. Но, кажется, у меня есть в телефоне.

Едва успев надуться, Фейт радостно визжит на всю парковку, когда Себастьян подхватывает ее и несет, перекинув через плечо.

Миссис Бразер открывает двери, и вопрос, который задает в этот момент Себастьян, ощущается тяжелым камнем у него на груди:

— А папа и Аарон не смогли приехать?

— Твой отец взял с собой Аарона, чтобы посетить несколько семей, но сказал, что увидится с тобой за ужином.

За последние две недели Себастьян разговаривал с отцом несколько раз, но его отсутствие в аэропорту похоже на спонтанно принятое решение. И ощущается оно как пульсация крови на месте пореза. Как будто случилось нечто неправильное, чего просто не должно быть.

К счастью, долго думать ему об этом не удастся, поскольку Лиззи нараспев говорит, что на

ужин ждет сюрприз, а Фейт, не сумев сдержаться, перебивает ее и выдает секрет:

— *Пицца!*

Лиззи зажимает ладонью ей рот и громко чмокает в щеку.

— Испортила весь сюрприз, дурында.

Себастьян наклоняется, чтобы помочь Фейт пристегнуться.

— *Пицца для меня?*

Фейт кивает и из-за по-прежнему зажатого рта сдавленно хихикает.

Он кладет чемодан в багажник.

— И прежде чем сюрприз испорчен окончательно, — говорит его мама, когда он садится и тоже пристегивается, — есть кое-что еще, — с улыбкой добавляет она: — Я отправила твои документы.

Радостно ей улыбнувшись, Себастьян кивает, но смысл слов доходит не сразу, потому что в этот момент у него перехватывает дыхание. Провести время вдалеке было очень приятно. Он соскучился по церкви и тому чувству, когда тебя окружают единомышленники. Себастьян соскучился и по Таннеру, но идея отправиться на миссию по-прежнему кажется наилучшей.

Просто он думал, что отправит документы, как только вернется домой. И надеялся, что отослав их самостоятельно, укрепит тем самым решение следовать этому пути.

Мамина улыбка исчезает, будто она слишком долго собиралась с духом, прежде чем объявить ему эту новость. И будто боялась получить в ответ именно такую реакцию — неуверенность.

Себастьян делает все возможное, чтобы стереть это выражение со своего лица, и прицепляет улыбку, которая давно стала такой же естественной, как вдох.

— Спасибо, мам. Теперь... все станет еще проще. Минус одно беспокойство.

Похоже, трюк сработал. Выражение лица миссис Бразер смягчается, и она трогается с места. Они едут по эстакаде, лавируя мимо строительных конусов. Подъехав к киоску, мама засовывает парковочный талон в аппарат и поворачивается к Себастьяну.

— Я тут подумала... Как ты отнесешься к тому, чтобы сделать это всем вместе?

— Что сделать всем вместе?

— Открыть письмо, — она отворачивается, чтобы заплатить, и в течение этой десятисекундной паузы Себастьян пытается подавить панику, которая поднимается в груди из-за этих двух слов. Мама имеет в виду его призыв на миссию.

Где-то в глубине сознания внутренний голос кричит «Нет!»

Себастьян словно живет с раздвоением личности.

Закрыв глаза, он делает медленный вдох. Во время тура думать об этом было гораздо легче. На расстоянии предстоящая миссия казалась вполне привлекательным мероприятием. Но от постоянного давления его матери и груза ожиданий возвращение домой ощущается невыносимым уже спустя десять минут.

Почувствовав гул мотора, Себастьян понимает, что мама расплатилась и они едут. Посмотрев на нее, он отмечает про себя сжатые зубы и напряженный взгляд.

И тогда решает изобразить зевоту.

— Боже, как же я устал. Да, мам, отличная идея. Как я понимаю, бабушка с дедушкой тоже будут?

Ее плечи расслабляются, и снова возвращается улыбка.

— Шутишь? Да они ни за что на свете такое не пропустят.

Внутри него словно перевернулись песочные часы, и тело начал заполнять расплавленный свинец. Дыхание Себастьяна становится поверхностным.

— Но я не хочу, чтобы Себастьян снова уезжал, — с заднего сиденья заявляет Фейт. — Он

ведь только что вернулся домой.

— Он еще никуда не уезжает, милая, — встретившись с ней взглядом в зеркале заднего вида, уверяет миссис Бразер. — По крайней мере, в ближайшие пару месяцев.

Себастьян поворачивается и подбадривающе улыбается своей младшей сестренке и, не понимая, почему, чувствует сильное желание притянуть ее в свои объятия. Впереди два года... Ей исполнится почти тринадцать, когда он вернется. Аарон будет учиться водить машину, а Лиззи начнет готовиться к поступлению в колледж. Еще никуда не уехав, Себастьян скучает по дому.

— Так значит, ты не против? — уточняет мама. — Не будешь нервничать из-за присутствия остальных?

Откинувшись на спинку сидения, Себастьян закрывает глаза.

«Отец Небесный, прошу тебя, дай мне сил. Дай мудрость, в которой я нуждаюсь, и уверенность в принятом решении. Я пойду, куда бы ты меня ни направил.

— Думаю, ты все замечательно придумала, — шепотом отвечает он. — Идеально.

Положительная сторона отъезда Себастьяна заключается в том, что с расстояния его проблемы кажутся незначительными и даже ненастоящими. Лишь когда входит в дом и оказывается в окружении знакомых запахов и звуков, он это осознает. И тогда реальность возвращается.

Едва положив чемодан на кровать, Себастьян слышит стук в дверь.

— Можно войти? — спрашивает его отец и заглядывает в комнату. — Я вижу, наш путешественник вернулся.

— Ага. И страшно устал.

Словно на время выхода книги прекратив с ним войну, родители оказались в состоянии заметить гордость всей общины за Себастьяна. Но у него не было возможности провести время с отцом наедине в течение нескольких месяцев, и присутствие Дэна Бразера в комнате вызывает клаустрофобию.

— До ужина отдохнуть вполне успеешь, — говорит отец. — Я просто хотел принести тебе вот это, — он протягивает ему стопку писем. — И заодно сказать, что счастлив видеть тебя дома. Мы очень гордимся тобой, сынок. Понимаю, у тебя был трудный период, но я рад, что буквально на моих глазах ты взял ситуацию под контроль, стал сильнее, возвысился над ней. «Несчастья подобны сильному ветру. Он срывает с нас покровы, и мы видим свою истинную суть».

Себастьян хмурится, пытаясь вспомнить эту цитату в Писании.

— Я этого не слышал.

Епископ Бразер смеется и с любовью смотрит на сына.

— Это Артур Голден, «Мемуары гейши».

— Ого. Сам бы я ни за что не вспомнил.

Отец смеется еще сильнее, и в его глазах мерцают искорки.

— Думаю, стоит включить эту цитату во время Причастия на следующей неделе, — собравшись уйти, он оборачивается у порога. — Чуть не забыл: твоя мама сказала, что тебе пришло письмо от Фудзиты, — отец кивком показывает на письма в руках Себастьяна. — Там может быть твоя последняя зарплата, так что поторопись открыть.

— Я вскрыю их, как только разберу вещи.

Когда отец уходит, становится чуть свободней дышать. Себастьян закрывает дверь и начинает разбирать чемодан. Туалетные принадлежности, свитера, костюмы, джинсы. В самом

низу лежит распечатанная книга Таннера, которую он брал с собой.

Края страниц истрепались, на первой стоит жирное пятно из ресторана в Денвере, а правые верхние уголки завернулись от многократного перелистывания. Хотя Себастьян читал книгу раз десять, после первого раза он уже не начинал с начала. Пролистав наугад, открывал и читал. Иногда выбирал момент, когда Таннер с Отем и мамой ходили по магазинам. А иногда открывал на эпизоде у озера, когда произошел неловкий разговор с Мэнни.

Но пока находился вдали от дома, Себастьян ощущал себя на некотором расстоянии и от всего этого. А проблемы, которые во время поездок ощущались ненастоящими, означали, что произошедшее с Таннером тоже начинало казаться ненастоящим.

Себастьян прячет распечатки за изголовьем кровати и открывает письмо Фудзиты.

«Дорогой Себастьян,

надеюсь, что когда получишь это письмо, книжный тур подойдет к концу, и, наполненный впечатлениями от поездки, ты вернешься домой. Я хотел проинформировать тебя о рукописи книги одного нашего общего друга. Не знаю, разговаривал ли ты с Таннером, но он знает, каким образом книга оказалась у меня в руках. Он звонил мне, когда были выставлены оценки, полагая, что я совершил какую-то ошибку. Но я был рад сообщить ему, что никакой ошибки тут нет.

Я поработал с ним над изменениями, после чего он внес кое-где важные правки. Но не в основной идее книги, поскольку я считаю, что она действительно цепляет. Я предложил изменить имена и черты характеров главных героев, а также любые другие узнаваемые детали. После чего связался с несколькими издателями, так что велика вероятность, что Семинар может стать известным двумя перспективными писателями-выпускниками два года подряд. И, конечно же, насчет содержания книги мы сначала проконсультируемся с тобой.

Прими мою глубочайшую благодарность, Себастьян, за свою смелость. Желаю тебе всего наилучшего. Ты исключительный человек, с глубокой душой и живым сердцем. Никому не позволяй погасить твой внутренний свет.

С искренним уважением,

Тим Фудзита».

Вместе с письмом в конверте действительно оказывается последний чек, за что Себастьян мысленно благодарит Фудзиту, поскольку если родители поинтересуются, врать ему не придется.

Не сводя глаз с письма, он понимает желание матери поскорей отправить его заявление. Прошло всего пятнадцать минут, как Себастьян оказался дома, и он снова оказывается в той же точке — скучая по Таннеру с такой силой, что ноги готовы сами собой нести его к входной двери.

Представлять книгу Таннера уже опубликованной кажется рановато, и он отбрасывает эту мысль в сторону, внезапно чувствуя радость, что скоро снова уедет. Возможно, даже за границу. Достаточно далеко, чтобы суметь справиться с болью от желания увидеть его снова — хотя бы раз — и рассказать о своих чувствах.

Следующие несколько недель наполнены гораздо большим количеством дел, чем должны были. Себастьян ходит к семьям вместе с отцом, стрижет газоны для них и их бабушек-дедушек, помогает с переездами. У него с трудом хватает времени почитать перед сном несколько страниц из книги Таннера, прежде чем глаза окончательно устанут и закроются сами собой.

Письмо о призыве на миссию приходит во вторник и лежит нетронутым на столике в

гостиной в течение четырех дней. Из Финикса вот-вот прилетят родственники его матери, а к пяти часам придет его прабабушка из Сент-Джорджа. Из Солт-Лейк-Сити на машине едут многочисленные друзья со своими семьями, а остальные придут пешком, поскольку живут по соседству.

К трем часам у миссис Бразер на противнях выстроились небольшая армия закусок. Пельмешки цзяоцзы, киши, мини-фритос, и отдельно стоит огромная овощная тарелка. Фейт и Лиззи оделись в похожие желтые платья. На Себастьяне и Аароне одинаковые темно-синие костюмы.

Руки Себастьяна дрожат, а челюсть плотно сжата. Все расхаживают туда-сюда, болтают ни о чем и ждут.

В памяти всплывает мягкий голос Таннера: «Если ты так ненавидишь все это, зачем это делаешь?»

Ответ прост. Когда Себастьян думает об отъезде, то сразу же расслабляется. А когда в последнее время говорит с Господом, то ощущает себя лучше. И неуверенность растет в нем не из-за веры или грядущей миссии. Причина в стыде, который чувствуют его родители, и в их ожиданиях.

С сильно колотящимся сердцем Себастьян заходит на кухню.

— Пап, я могу взять ненадолго машину?

Епископ Бразер поднимает голову и обеспокоенно смотрит на сына.

— Ты в порядке?

— Нервничаю, — честно отвечает Себастьян. — Но все нормально. Я просто... Мне нужно съездить в церковь минут на десять.

Его отцу нравится такой ответ, и он подбадривающе кладет руку Себастьяну на плечо, после чего протягивает ключи.

Себастьян и в самом деле планировал поехать в церковь. Но вместо того чтобы повернуть направо, он сворачивает налево, потом едет прямо там, где стоило бы развернуться, и наконец проезжает под знак «Въезд запрещен». Припарковавшись, достает из багажника покрывало и смотрит на голубое небо, пытаясь вспомнить, как выглядели звезды.

Сейчас здесь все иначе. Во-первых, душно и полно комаров. Второе отличие — что рядом нет Таннера — ощущается еще более остро. Проходят десять минут. Потом двадцать. Себастьян пытается попрощаться с Таннером, но даже когда закрывает глаза и просит у Бога наставление или какое-нибудь заклинание, благодаря которому сердце освободится, этого не происходит.

Во время книжного тура он понял, что одной из обязанностей издаваемого писателя является наличие социальных сетей. Аккаунты у него есть, но неактивные, отчасти потому, что искушение было слишком велико.

До этих пор он успешно сопротивлялся, но сейчас, лежа на капоте машины, Себастьян уступает своему желанию и, открыв Инстаграм, ищет Мэнни. Пролистав список его подписчиков, находит нужного: @tannbanthankyouman.

У него вырывается смешок.

Аккаунт у Таннера открытый, и Себастьян большим пальцем нажимает на последнее фото, оно же фото профиля, чтобы увеличить. Зря. Он и сам это понимает. Но когда на экране появляется фотография Таннера, его сердце наполняется теплом, а все вокруг становится неважным. На ней Таннер держит огромный розовый цветок, и тот закрывает половину его лица. Ресницы кажутся почти трехмерными, глаза сияют, волосы еще более взлохмаченные, чем в последний раз, когда он его видел, а на губах играет радостная улыбка.

Его лента еще более увлекательная, чем Себастьян предполагал. Вот его фото на заднем сиденье машины — он делает вид, будто душит сидящего спереди отца. А здесь фотография

крепко спящей рядом с ним Хейли и подпись: «Мне нужно алиби! #нераскаиваюсь». Ниже бургер, какие-то жуткие фальшивые пришельцы, Камри Таннера, припаркованная у здания с названием «Дикстра-Холл», и фото, при виде которого Себастьян тихо всхлипывает, — улыбающийся Таннер в пустой комнате общежития в футболке UCLA.

Большой палец висит над сердечком. Если он лайкнет, Таннер увидит. Но разве это плохо? Таннер будет знать, что он думает о нем. Возможно, в будущем они смогли бы подписаться друг на друга и время от времени обмениваться сообщениями.

Вот только тут и начнутся сложности. Потому что для Себастьяна одних разговоров всегда будет мало. После переписки захочется созвониться, а потом и встретиться. Последуют поцелуи и нечто большее. Потому что даже сейчас, когда в его дом со всей страны стекаются друзья и родные — приехавшие сюда только ради него — он по-прежнему думает лишь о Таннере.

Через несколько недель он получит посвящение на священническое служение Мельхиседека, после чего его ждет церемония в Храме, где он получит облечение — и все равно будет думать о Таннере. Себастьян пытается представить, как будет носить храмовое белье — чего он ждал всю свою жизнь...

И ему становится тяжело дышать.

Он гей. И другим никогда не будет. Сегодня вечером от него ждут, что он скажет, как сильно рад призванию распространить слово Божье, куда бы Он его ни отправил. Вот только Себастьян больше не понимает, как вписывается в учение Господне.

Что же тогда он делает?

Когда Себастьян входит в дом, от ароматов еды его рот наполняется слюной. Подходит мама и, обняв его, угощает печеньем.

Она кажется такой счастливой, а Себастьян сейчас все испортит.

Он покашливает.

— Привет, народ, — приехали еще не все, но самые близкие тут. В его сторону поворачиваются пять улыбающихся лиц. Поправив платье, Фейт с гордостью выпрямляется, когда ловит на себе взгляд Себастьяна. Он помнит это чувство — когда ты еще маленький и смотришь, как кто-то вот-вот вскроет письмо. Это все равно что находиться рядом со знаменитостью.

Сердце Себастьяна разбивается на мелкие кусочки.

— Ты так хорошо выглядишь сегодня.

Из кухни приходит мама и останавливается у обеденного стола. На ней фартук с надписью «Сохраняй спокойствие и служи людям». На память Себастьяну тут же приходит фартук мамы Таннера с радугой, который вечно смущает ее сына. Он бы многое отдал за то, чтобы хоть кто-то из родителей принимал бы его безоговорочно. Таким, какой он есть.

— Себастьян? — подойдя на шаг ближе, произносит миссис Бразер. — Дорогой, с тобой все в порядке?

Он кивает, но чувствует рвущийся из горла всхлип.

— Мне очень жаль. Мне... очень, очень жаль. Но мне нужно несколько минут поговорить с тобой и папой наедине.

ЭПИЛОГ

Разговаривая на днях по телефону с Отем, я пошутил, что не могу решить, где лучше: в Прово или в Лос-Анджелесе. Юмор она не оценила — еще бы, ведь она живет в прекрасной

стране чудес под названием Коннектикут, где носит свитера с заплатками на локтях и гольфы (носит-носит, не переубеждайте меня и не рушьте симпатичный образ). Лос-Анджелес великолепен, не поймите меня неправильно, просто чересчур огромный. Я вырос недалеко от Сан-Франциско, поэтому крупными городами меня не удивить, но Лос-Анджелес совсем другой, а UCLA — это вообще мегаполис внутри мегаполиса. С высоты птичьего полета Вествуд-Виллидж представляет собой густую сеть артерий и артериол, встроенную в огромную сосудистую систему улиц Лос-Анджелеса и зажатую между бульварами Уилшир и Сансет. Прошло недели три, прежде чем я перестал ощущать себя затерявшимся в городских джунглях.

Мама, папа и Хейли приехали сюда со мной в августе, и ту поездку можно считать худшей в истории человечества. Каждый из нас, я уверен, не раз молился о нашествии зомби-апокалипсиса, чтобы он уничтожил родственников. Если в двух словах, дело было так: Хейли в замкнутых пространствах ведет себя из рук вон плохо, папа водит хуже слепого пенсионера, и никто из нас не смог договориться, какую музыку слушать.

Рассказываю дальше. Нормально ориентироваться в универе я начал далеко не сразу. Посетил несколько занятий о том, как не стать насильником и что делать, чтобы не умереть от алкогольного отравления. Обе темы тренингов, как мне кажется, охватывают множество важных моментов. Также все студенты прослушали лекцию про кодекс чести университета — необычный и хорошо продуманный свод предложений, сильно отличающийся от застывших правил, навязанных в УБЯ. Три недели спустя я уже не помню ни слова, впрочем, уверен, никто из присутствующих толком не вслушивался.

Меня поселили в Дикстра-Холл, что очень даже неплохо, потому что здание несколько лет назад отремонтировали. Но учитывая отсутствие опыта в таких вопросах, с уверенностью могу сказать лишь одно: это типичное общежитие. В каждой комнате по две односпальные кровати, на этаже мужская и женская ванные с душевыми у одной стены и рядом туалетов у другой. Прачечная. Вай-фай.

Моего соседа по комнате Райкера смело можно назвать самым чокнутым из всех, кого я когда-либо встречал. Вселенная словно сказала мне: «О, ты уехал из Прово ради более яркой жизни? Получай». И вот плохая новость: целыми днями Райкер зажигает на вечеринках, и от него постоянно несет пивом. Впрочем, отсюда следует и хорошая: в нашей комнате он почти не появляется.

До второго курса специализацию нам выбирать не нужно, но я уже решил, что пойду в медицину. Кто бы мог подумать, да? Образовательная программа здесь очень сильная, и если я продолжу изучать английский и литературу в качестве дополнительных предметов, мою нагрузку можно назвать разумно спланированной. Да, я дальновидный. Будь как я.

Наука оказалась вполне очевидным выбором, но все мы знаем, что я не смогу бросить английский слишком надолго. Во-первых, меня так хорошо натаскала Отем, что было бы безумием не продолжать писать. А во-вторых, писательство выявило во мне что-то неведомое раньше. Возможно, у меня получится действительно стоящая книга. Возможно, и нет, но тогда я просто напишу другую. Как бы то ни было, писать — значит держаться за ниточку, пусть и совсем тонкую, ведущую к нему. Теперь я понимаю, что мне это необходимо.

Куда бы я ни пошел, Себастьян словно где-то рядом. На первой вечеринке, которую я посетил, мы все вместе играли в какую-то игру, и я познакомился с несколькими людьми, выпил пива, пофлиртовал кое с кем, но домой отправился один. Мне пока непонятно, перестану ли я ощущать эту непрекращающуюся боль и захочу ли быть с кем-нибудь еще. Были ситуации, которые — если бы не Себастьян — вполне могли бы привести к совместно проведенной ночи. Но я хочу только его. Каким бы безумием это ни выглядело со стороны — особенно после всего произошедшего, — могу сказать с уверенностью: я не перестал надеяться. Его реакция в

книжном не выходит у меня из головы. И он нарисовал гору на титульном листе книги, которую подписал для меня. Себастьян любит меня. Я точно знаю.

Или любил...

А жить здесь — значит ощущать перемены в жизни куда более значимые, нежели просто смена города на более крупный. Вне зависимости от происходящего в остальной части страны, Лос-Анжелес дружелюбный по отношению к геям город. Тут никто не скрывается. Тут все гордятся собой. По улицам, держась за руки, гуляют парочки в самых разных комбинациях, и никто даже бровью не ведет. Не могу себе представить ничего подобного на улице большинства мелких городов — и уж точно не в Прово. Мормоны слишком хорошо воспитаны, чтобы высказать тебе что-либо в лицо, но осуждение и отвращение будут витать в воздухе.

Так и не зная, куда в итоге Себастьян отправился на миссию, я за него беспокоюсь. Хорошо ли он проводит время? Или же страдает? Приходится ли ему прятать часть своей души ради счастья важных ему людей? Зная, что свяжутся с ним все равно невозможно, я больше не пишу ни сообщения, ни письма. Но иногда, чтобы хоть как-то снизить напряжение в груди, я пишу что-нибудь и отправляю сам себе — просто чтобы крутящиеся в голове слова перестали мешать мне нормально дышать.

Отем сообщила, что миссис Бразер собралась показать в Фейсбуке момент вскрытия письма, но вынести это я оказался не в состоянии. Я предположил, что Одди посмотрела, но она клянется, будто не знает, куда направили Себастьяна. Впрочем, даже если она врет, я взял с нее обещание мне не говорить. Что, если он поедет в Финикс или в Сан-Диего? Я ведь не смогу удержаться и, приехав туда на машине, начну искать по окрестностям самого сексуального парня на свете, с длинной челкой, в белой рубашке и на велосипеде.

Иногда по ночам, когда не спится и невозможно перестать вспоминать обо всем, чем мы с ним занимались, я представляю, как сдаюсь и спрашиваю у Отем, где его найти. Представляю, как вижу его в типичной одежде миссионера и как он удивится моему появлению. И фантазирую, как предложу ему сделку: стану мормоном, если он останется со мной навсегда, пусть и в тайне.

В первый уикенд октября я, как обычно, в одиннадцать часов утра в воскресенье звоню Отем. И сначала, как и всегда, чувствую боль при звуке ее такого знакомого голоса. Может показаться странным, но как бы тяжело мне ни было прощаться с родителями и сестрой у дверей общежития, расставание с Одди оказалось еще более трудным. Иногда я ругаю себя за то, что не рассказал ей о себе раньше. А теперь у каждого из нас появятся другие близкие друзья. Что бы мы ни говорили при этом друг другу, перемен не избежать.

— Таннер, боже мой, подожди, дай я прочитаю тебе письмо!

Именно так она меня и поприветствовала. Я ничего не успел ей сказать, как она уже положила трубку, чтобы достать, как я полагаю, последний манифест Братали [производное от сочетания слов brat (капризная, избалованная) и имени Натали — прим. перев].

Ее соседка по комнате — на самом деле, Натали — склонна к экзальтации и истерикам и часто оставляет на столе Отем пассивно-агрессивные заявления насчет шума, чистоты, заканчивающейся зубной пасты в ванной, которой они вдвоем пользуются, и того, сколько кому ящиков позволено занимать. Любопытный факт: мы с Одди уверены, что она мастурбирует, когда думает, будто Одди спит. Факт этот ни к чему отношения не имеет, просто я счел эту историю захватывающей и потребовал как можно больше деталей, прежде чем согласиться с самой теорией.

Телефон падает у Отем из рук, прежде чем она умудряется схватить его покрепче.

— Обожебожебоже!

— На этот раз что-то стоящее?

— Думаю, это письмо лучшее за все время, — сделав глубокий вдох, Отем усмехается. — Помнишь, я говорила тебе, что на прошлой неделе она заболела?

Я с трудом могу вспомнить ту смс. Мои входящие забиты под завязку.

— Ага.

— В общем, записка про тот день. Итак. «Дорогая Отем, — начинает она читать. — Спасибо тебе еще раз, что принесла мне завтрак. Мне было так плохо! И я чувствую себя такой неблагодарной, когда пишу об этом...»

Я с удивлением смеюсь и жду, к чему она ведет.

— Господи...

— «...но я не могу перестать об этом думать, так что решила все же сказать. Вилка с тарелкой были грязными, в каких-то крошках. И я тогда подумала: сделала ли это Отем специально? Надеюсь, что нет. Знаю, что иногда могу быть привередливой, но я хочу, чтобы отношения между нами всегда были столь же доверительные, как и сейчас...»

— Черт, да она *не в себе!*

— «...поэтому и подумала, что лучше все-таки спросить. Или же просто хотела, чтобы ты знала, что если это было специально, то это очень плохо с твоей стороны. Само собой, если так вышло случайно, то не обращай внимания. Ты очень милая! Целую. Нат».

Я провожу рукой по лицу.

— Если честно, Одди, тебе пора найти себе новую соседку. По сравнению с этой даже Райкер милашка.

— Не могу! На моих глазах народ уже менялся соседями. Столько нервов!

— А с этой нервов типа нет?

— Есть немного, — соглашается Отем, — но еще она такая странная. От чего становится ужасно интересно.

— Хотя я очень даже понимаю ее претензии насчет крошек. Я талдычил тебе о них уже много лет. Но принести еду больному в грязной посуде...

Отем хохочет.

— Можно подумать, она в нашей столовой ни разу не ела. Посуда там выглядит довольно подозрительно.

— Действительно, как они посмели! Они вообще в курсе, что такое Йельский университет?

— Да ну тебя. Как в Лос-Анджелесе?

Я выглядываю в окно.

— Солнечно.

Отем стонет от зависти.

— А как выходные? Что интересного?

— Вчера университетская сборная играла с Вашингтон Стейт Кугарс, так что мы толпой отправились на игру.

— Кто бы мог подумать: Таннер футбольный фанат...

— Я бы не стал называть себя именно *фанатом*. Скорее осведомленным насчет некоторых правил, — откинувшись на спинку стула, я почесываю подбородок. — А вечером к нам на вечеринку приходили ребята из Хедрик-Холл. Я ходил туда с Брекином, — Брекин, мой первый здешний близкий друг, сбежал из маленького тexasского городка, и по странному совпадению он 1) гей и 2) мормон. Нарочно не придумаешь. Еще он очень умный и читает почти с таким же ненасытным книжным голодом, как и Отем. Пожалуй, я мог бы в него влюбиться, если бы мое сердце уже не было занято. — Вроде интересный день получился. А ты чем занималась?

— У Дикона было соревнование, так что мы были там.

Дикон. Ее бойфренд и звезда команды по гребле в одном лице.

Не стану отрицать, я ревную — хотя совсем чуть-чуть. Но в целом, кажется, он классный парень. Ирландец. По уши влюблен в Отем. Так что он мне уже нравится. На прошлой неделе Дикон написал мне с просьбой помочь выбрать ей подарок на день рождения. Подключить лучшего друга — умный ход.

— Я скучаю по тебе, — говорю я.

— Я тоже.

Рассказав друг другу, чем займемся на День Благодарения, мы договариваемся созвониться на следующей неделе и, переполненные любовью друг к другу, заканчиваем разговор.

Не проходит и пятнадцати минут, как я снова чувствую тоску.

Но потом в дверях вижу Брекина с фрисби в руке.

— Из-за кого из них на этот раз?

Однажды вечером после нескольких эпизодов «Во все тяжкие» подряд и моря водки с тоником я обо всем ему рассказал.

— Из-за обоих.

Брекин показывает на фрисби.

— Пойдем на улицу. Там хорошая погода.

В моей жизни было несколько моментов, когда я ощущал действия высших сил. Первый произошел, когда мне было шесть лет, а Хейли три года. Это мое самое раннее отчетливое воспоминание; все предыдущие — невнятные и обрывочные. Например, как я бросаюсь пастой или как смотрю в потолок, когда кто-то из родителей читает мне перед сном. А то очень хорошо отпечаталось у меня в голове. Мама, Хейли и я поехали в Т.Д. Махх. Стойки с одеждой стояли так близко друг к другу, что пройти мимо и не задеть какую-нибудь вещь было практически невозможно.

Глупенькая Хейли, играя, несколько раз пряталась от мамы среди вещей. Но потом совсем исчезла. Минут десять мы бегали по магазину и в панике громко ее звали, проверив каждую полку. Но найти Хейли никак и не могли. По нашей просьбе продавщицы вызвали охрану. Мама была в истерике. Я тоже был в истерике. Раньше никогда не делал ничего подобного, но закрыв глаза, я начал умолять — не человека, не силу, а, наверное, некое возможное будущее, — чтобы с Хейли все было в порядке. Всего за несколько недель до этого происшествия я узнал слово «похищение», и оно так сильно перестроило мое мышление, что возможность похищения я видел на каждом шагу.

Я чувствовал себя гораздо лучше, когда без конца повторял: «Пожалуйста, пусть Хейли найдется, пожалуйста, пусть с ней все будет хорошо, пожалуйста», — и, наверное, именно поэтому отлично понимал Себастьяна, когда он говорил, что молитва успокаивает. А тогда я понимал, что беспомощен, но все равно казалось, что у моих пожеланий есть сила и что они могут изменить случившееся с моей сестрой.

Никогда не забуду то внутреннее спокойствие. Не переставая мысленно повторять одни и те же слова, я подошел и обнял маму, и хотя продавщицы продолжали бегать и кричать, мое спокойствие передалось и ей. Мы стояли и концентрировались на своих вдохах и выдохах, надеясь, что Хейли где-то поблизости, в то время как охранники отдавали друг другу распоряжения по рации, а продавщицы осматривали каждый закуток. И наконец из-за пыльной стойки в дальней части магазина выскочила Хейли и с горделивой улыбкой до ушей закричала:

— ХЕЙЛИ ВЫИГРАЛА!

Были и другие моменты. Когда кто-то будто убедил меня не приходить на пляж в день, когда там заметили отбойное течение. Я помню это умиротворяющее чувство, когда сначала ты расстроен, а потом, не очутившись в катастрофе, просто дышишь — медленно вдыхаешь и выдыхаешь, гадая при этом, с чего это вдруг прекратилась паника и наступило расслабление. Иногда это были незначительные моменты, иногда важные, но я не перестаю считать, что такие мгновения — неотъемлемая часть человеческой жизни. Особенно когда вырос окруженным заботой близких.

Тем не менее все описанное никак не объясняет случившееся этим воскресным днем. Мы с Брекином вышли из дома покидать фрисби. На улице стояла замечательная безветренная погода — 23 градуса и ни единого облачка. Странная дымка с океана, которая часто висит над городом до самого обеда, испарилась, а небо стало удивительно синим, что обычно замечает каждый турист. Ярко-зеленый диск летал туда-сюда между мной и Брекином. Мы уворачивались от гуляющих в парке людей, приносили прощения, если фрисби прилетал кому-нибудь под ноги или — как случилось один раз — ударил по голени. К началу игры солнце было слева от меня, а после множества бросков и беготни я обнаружил, что оно светит мне прямо в глаза.

Наверное, я сейчас сильно романтизирую — когда нахожусь в здравом и склонном к атеизму уме, я *не сомневаюсь*, что склонен романтизировать важные моменты (насчет иных случаев не поручусь), — но как только вспоминаю этот день, в голове всегда одно и то же. Как будто наша игра, с ее подачами и перемещениями, имела определенный узор, выполненный с помощью линейки-спирографа. После каждой пойманной подачи Брекина мы смещались на один и тот же градус: вот мы развернулись на десять, пятнадцать, двадцать градусов, потом на тридцать и, наконец, ровно на девяносто градусов относительно места, откуда начали.

Походка каждого человека так же уникальна, как отпечаток пальца. Себастьян всегда ходил, ровно держа тело, неторопливо и с осторожностью. Каждый шаг такой же выверенный, как предыдущий. Я помнил очертания его плеч — широких и мускулистых — и как он держал голову — ровно и с изяществом. Помнил, что во время ходьбы он слегка прятал большой палец, что со стороны выглядело, как кулак, а левая рука всегда оставалась расслабленной.

И вот я увидел Себастьяна, подсвеченного сзади солнцем. Поэтому черт лица было не разглядеть, лишь манеру ходить. И он шел ко мне.

Брекин бросил фрисби, но когда солнце ослепило мои вытаращенные глаза, зеленый диск медленно пролетел мимо меня.

Проморгавшись и избавившись от солнечного зайчика в глазах, я снова посмотрел Брекину за спину. Человек подошел ближе, и оказалось, что это совсем не Себастьян. Кто-то другой, с прямой осанкой и привычкой держать правую руку почти в кулаке.

Сходство есть, но это был не он.

Из курса биологии в одиннадцатом классе я помню, что у нейронов, передающих в мозг сигналы о боли и называющихся С-волоками, на самом деле, низкая скорость проводимости. Информация о боли поступает в мозг медленнее любой другой — включая и осознание, что скоро будет больно. Учитель спросил у нас, почему, по нашему мнению, это выгодно с точки зрения эволюции, и ответ тогда казался очень простым: нам необходима возможность избежать соприкосновения с источником боли, прежде чем она нас поразит.

Предпочитаю думать, что таким образом я был готов к грядущей боли. Поскольку солнечный свет достиг меня первым, предупредив о том, что вот-вот появится источник боли: моя надежда. И напоминая мне, что, конечно же, это не Себастьян. Я же в солнечном Лос-Анджелесе.

А он был где-то еще, спасал заблудшие души. Так что его здесь и быть не могло.

«Себастьян сюда вообще никогда не приехал бы, — думал я. — И не вернулся бы ко мне».

Нормально ли я себя при это чувствовал? Нет. Но скучать по нему всю оставшуюся жизнь казалось легче, нежели вести борьбу, которая была обыденной для Себастьяна: по утрам прятать себя в условную коробочку и помещать ее внутрь собственного сердца, надеясь при этом, что оно сможет биться несмотря на всевозможные запреты, которые кажутся клеткой. Каждый день я могу ходить на занятия, оставаясь при этом самим собой, знакомиться с новыми людьми, гулять и кидать фрисби. Каждый день я был благодарен, что ни для кого вокруг не имеет значения, слишком ли или недостаточно мужественно себя веду, чересчур открыт по отношению к другим или же наоборот.

Каждый день я благодарен, что меня принимают таким, какой я есть, без тени осуждения.

Поэтому каждый день я отстаивал права Себастьяна и других людей, с кем мы находимся в одинаковом положении, но жизнь которых не такая свободная, как моя, и кто сражается за свое место в мире, диктующем, что лишь белые и гетеросексуальные люди получают все призы в этой жизненной игре.

В груди было тесно от сожаления, облегчения и решимости. «Дай мне еще, — мысленно обращался я кому бы то ни было: Богу, волшебнику страны Оз или Мойрам. — Подари мне еще одну надежду, что Себастьян вернется. Я в состоянии принять эту боль. А рациональные напоминания, что он не вернется — и почему — будут поддерживать меня в борьбе».

Подхватив фрисби, я бросил его Брекину. Он поймал его одной рукой, а я начал прыгать из стороны в сторону, расставив локти.

— Заставь меня как следует побегать.

Брекин поднял подбородок и засмеялся.

— Поосторожней, приятель.

— Все нормально. Бросай.

Он снова приподнял подбородок и посмотрел мне за спину.

— Сейчас заденешь парня.

Резко выпрямившись, я опустил руки и развернулся, чтобы извиниться перед тем, кто стоит позади.

И да, он стоял прямо позади, в полуметре от меня, отпрянув немного, будто я действительно вот-вот попал бы ему по лицу.

Внезапно потеряв контроль над собственными ногами, я осел и приземлился на задницу. Его фигура больше не подсвечена. И солнца позади него не было. Только небо.

Себастьян сел на корточки. С беспокойством нахмурившись, он спросил:

— Ты в порядке?

Тут подбежал Брекин.

— Эй, ты тут жив?

— Ч-ч-ч... — начал я, а потом, сделав глубокий вдох, прерывисто выдохнул. — Себастьян?

Брекин начал медленно пятиться назад. Куда он потом ушел, я не знал, но даже вспоминая этот момент, помнил лишь Себастьяна, зеленую лужайку и бескрайнее небо над головой.

— Да?

— Себастьян?

Боже мой. Его милая и дерзкая улыбка — словно всем понятная шутка. Незлобная и веселая.

— Да?

— Я лишь представил тебя идущим по лужайке, думая при этом, что Бог преподал мне какой-то жизненный урок, а спустя секунд двадцать ты стоишь *прямо здесь*.

Себастьян протянул мне руку.

— Привет.

— Я думал, ты должен быть где-то в Камбодже.

— Вообще-то, в Кливленде.

— На самом деле, я без понятия. Только что придумал.

— Я так и понял, — он снова широко улыбнулся, от чего вокруг моего сердца словно выстроились подпорки. — Я не поехал.

— Тебя за это в мормонскую тюрьму не посадят?

Засмеявшись, он ко мне лицом. Себастьян. *Здесь*. Он взял мои ладони в свои руки.

— Мы в процессе организации мне досрочного освобождения.

От взаимных шуток у меня в голова каша.

— Серьезно, я... — ощущая головокружение, я несколько раз моргнул. Окружающий мир возвращался в фокус слишком медленно. — Я не понимаю, что происходит.

— В Лос-Анджелес я прилетел сегодня утром, — не переставая всматриваться мне в лицо, Себастьян добавил: — Чтобы найти тебя.

Я тут же вспомнил день, когда нашел его на пороге своего дома, уничтоженного молчанием своих родителей. И по затылку тут же поползла холодная паника.

— У тебя все нормально?

— Как сказать. Этот аэропорт — сущий кошмар.

Прикусив губу, я сдержал и ухмылку, и всхлип.

— Я серьезно.

Себастьян еле заметно помотал головой.

— Но скоро будет. Мне гораздо лучше, когда я вижу тебя, — пауза. — Я скучал по тебе, — посмотрев на небо, Себастьян снова повернулся ко мне. В его глазах стояли слезы. — Я так сильно скучал по тебе. И хочу заслужить твое прощение. Если ты, конечно, позволишь.

В моей голове перемешались мысли и слова.

— *Что случилось?*

— Увидеть тебя на автограф-сессии было словно получить удар под дых. Будто кто-то встряхнул меня, чтобы я пришел в себя, — он сощурился от яркого солнца. — Потом я поехал в книжный тур. И читал твою книгу почти каждый день.

— *Что?*

— Я начал считать ее новым священным писанием, — Себастьян невесело усмехнулся. — Звучит безумно, но это так. Она словно любовное письмо. Ежедневное напоминание, кто я и как сильно был любим.

— Любим по-прежнему.

В ответ на это он резко втянул в себя воздух, а потом, понизив голос, добавил:

— Через несколько недель после моего возвращения из Нью-Йорка пришло письмо насчет миссии. Мама запланировала большую вечеринку. К нам домой приехало человек пятьдесят, а остальные смотрели онлайн-трансляцию в Фейсбуке.

— Мне Отем рассказала. Я думал, что она смотрела, поэтому запретил мне рассказывать.

Тяжело сглотнув, Себастьян покачал головой.

— Ничего так и не состоялось. В тот вечер я рассказал родителям о своих сомнениях. То есть, — исправился он, — я вполне уверен, что могу рассказывать людям о церкви, о моем пути и о том, что Отец Небесный ожидает для каждого из нас, — наклонившись и закрыв глаза, Себастьян прижался губами к моей руке. Этот жест невероятно почтительный. — Но я не был уверен, что смогу сделать это согласно их желаниям: вдалеке от тебя и от них и пытаюсь стать тем, кем никогда не стану.

— Значит, ты не уедешь?

Не поднимая головы от моей руки, Себастьян покачал головой.

— Еще я бросил УБЯ. Наверное, переведусь в какой-нибудь другой университет.

На этот раз из всех возможных реакций на его слова во мне победила надежда.

— Сюда?

— Посмотрим. Благодаря авансу за будущую книгу у меня есть время поразмыслить. И спокойно оглядеться.

— А что насчет твоих родителей?

— Сейчас у нас полная неразбериха. Мы стараемся снова наладить отношения, но я не понимаю, как они будут выглядеть, — запрокинув голову, он прищурился. — Пока что.

«Я сам подписался на это бремя», — подумал я. И, наверное, поэтому все произошло именно так. Быть может, я это заслужил. Потому что хочу быть хотя бы частично ответственным за то, что покажу ему, насколько сильно возможность жить полной жизнью перевешивает все его потенциальные потери.

— Меня не пугают трудности, которые ждут нас впереди.

— Меня тоже, — улыбнувшись, он провел зубами по моей руке, и от его тихого стога к моему лицу прилила вся кровь.

Я закрыл глаза и, досчитав до десяти, постарался успокоиться. Глубоко вдыхая и медленно выдыхая. Вдыхая и снова выдыхая.

После чего я повалил Себастьяна на спину. Оказавшись сверху, я всматривался в его округленные от удивления глаза цвета сверкающих на солнце озерных вод. Мое сердце колотилось в моей груди и отзывалось в его — словно стучась в дверь и умоляя впустить.

— Ты *со мной*, — произнес я.

— Я с тобой, — Себастьян инстинктивно оглянулся, не заметил ли кто-нибудь нас, распростертых прямо за зеленой лужайке. Но никто вокруг даже не обратил внимания.

Поэтому он позволил мне себя поцеловать. Всего раз. Впрочем, я постарался, чтобы этот раз был очень хорошим, предложив ему свою нижнюю губу.

— И *ты со мной*, — сказал он. Я почувствовал, как он обнимает меня за талию и сплетает пальцы в замок.

— Да.

— **Конец** —

Дорогие читатели!

Спасибо, что прочитали книгу. Надеюсь, мой перевод вам понравился.

Буду благодарна, если вы поделитесь эмоциями и оставите отзыв, перейдя по этой ссылке:
оставить отзыв

Ознакомиться с другими моими переводами вы можете в моей группе: vk.com/rubymiller

Переводчик Ruby_Miller

БЛАГОДАРНОСТИ

Ожидать, что у авторов может быть только одна книга, которая навсегда осталась в их сердце, немного несправедливо, но если бы нам всерьез пришлось выбирать, то это была бы «О нем». Именно она играет на самых чувствительных струнах души.

Об этой книге мы начали говорить несколько лет назад. В свое время Кристина работала в

школьном консультационном центре в Юте и общалась с множеством подростков, которые были опустошены тем, что их родители были готовы предпочесть иметь мертвого ребенка, нежели гея.

Выросшая в гей-френдли атмосфере залива Сан-Франциско, бисексуальная Лорен всегда считала своей обязанностью обращаться к подросткам, чей опыт оказался не таким легким.

Прежде чем приступить к разработке книги, мы провели множество исследований, в том числе посетили с нашим дорогим другом Мэтти Кулишем Университет Бригама Янга и Храмовую площадь в Солт-Лейк-Сити. И к моменту когда мы на самом деле сели писать историю Таннера, слова из нас лились единым потоком.

За кнут и пряник во время написании этой книги мы благодарим Кристофера Райса, Марджи Стол и Сесилию Тан. Спасибо вам за поддержку, энтузиазм и мудрые советы. И хотим добавить: да, мы писатели, но не можем выразить словами те чувства, с которыми читали твои заметки, Крис. Мы считаем твои силы и энергию, которые ты вложил в критические замечания к книге, самым великодушным поступком, о котором никогда не забудем.

Далия Адлер, спасибо тебе, что прочитала самую первую версию рукописи и что была открыта для вопросов — даже самых глупых, которые, впрочем, ты так никогда не называла. Ты настоящая драгоценность, и мы очень тебе благодарны.

Кирстен Уайт, твои отзывы были просто потрясающие, а твой рекламный текст заставил нас прослезиться. Твое отношение к проекту значит для нас очень много, бесконечное тебе спасибо. Кэндис Монтгомери, Эми Олсен и Тоня Ирвинг, спасибо, что выделили время из своей насыщенной жизни, чтобы прочитать книгу, дать нам обратную связь, и что по сей день остаетесь фанатами истории.

К нашей восемнадцатой книге издательская команда стала очень сильной. Спасибо! Эрин Сёрвис за то, что помогала нам остаться в своем уме. Адаму Уилсону за то, что ты вперед смотрящий и рулевой на этом корабле. Холли Рут — ты больше чем просто опора. Кристин Дуайер — ты душа всей команды.

Спасибо нашим семьям, которые наблюдали наше неистовство с самого начала написания книги и которые пребывали в таком же восторге, что и мы. Мы очень, очень счастливые женщины.

Зарин Джаффри, спасибо, что сделала историю лучше. И за то, что любила этих мальчишек так же сильно, как и мы. И огромное спасибо все из Simon & Schuster Books for Young Readers за работу, благодаря которой книга попала в руки читателей.

И несколько последних благодарных слов:

Энн Джемисон, ничего бы не стало реальностью, если бы ты не пообщалась с нами и не уговорила усложнить жизнь нашим героям, чтобы сюжет стал ближе к реальности. Спасибо, что познакомила нас с Мэтти, что всегда находишь для нас время — было бы чересчур сказать, что наставляешь нас? Мы считаем, что не чересчур.

И Мэтти... Что бы такого сказать, чтобы сэкономить время и отложить это на момент, когда мы вручим тебе изданную книгу и все вместе лишимся рассудка от счастья? Наши слова тебе кажутся слишком личными для такого публичного пространства, но мы вдвоем знаем, как изменилась наша жизнь благодаря этому опыту. Мы любим тебя всем сердцем. Спасибо тебе за наши прошлые идеальные поездки и за возможные будущие.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Часть из этих книг мы читали и раньше, а часть прочитали, едва составив план к будущей истории Таннера и Себастьяна.

Все они имеют отношение к ЛГБТК+ сообществу и поспособствовали расширению нашего

понимания темы, направив мысли в правильном направлении.

Очень рекомендуем прочитать.

Книги (нехудожественная литература)

Before Night Falls
by Reinaldo Arenas

Lost Prophet: The Life and Times of Bayard Rustin
by John D’Emilio

And the Band Played On: Politics, People, and the AIDS Epidemic
by Randy Shilts

Fun Home: A Family Tragicomic
by Alison Bechdel

Stonewall: The Riots That Sparked the Gay Revolution
by David Carter

Same-Sex Dynamics among Nineteenth-Century Americans: A Mormon Example
by D. Michael Quinn

Книги (художественная литература)

At Swim, Two Boys
by Jamie O’Neill

The Song of Achilles
by Madeline Miller

We the Animals
by Justin Torres

Call Me by Your Name
by André Aciman

Autobiography of Red
by Anne Carson

Night Sky with Exit Wounds
by Ocean Vuong

An Arrow’s Flight
by Mark Merlis

Giovanni’s Room

by James Baldwin

Two Boys Kissing
by David Levithan

How to Repair a Mechanical Heart
by J.C. Lillis

At the Edge of the Universe
by Shaun David Hutchinson

A Density of Souls
by Christopher Rice

The Snow Garden
by Christopher Rice

Last Seen Leaving
by Caleb Roehrig

True Letters from a Fictional Life
by Kenneth Logan

Simon vs. the Homo Sapiens Agenda
by Becky Albertalli

Aristotle and Dante Discover the Secrets of the Universe
by Benjamin Alire Saenz

More Happy Than Not
by Adam Silvera

Georgia Peaches and
Other Forbidden Fruit
by Jaye Robin Brown

Boy Meets Boy
by David Levithan

How to Make a Wish
by Ashley Herring Blake

Фильмы

Moonlight (2016) / «Лунный свет»

Tangerine (2015) / «Мандарин»

Carol (2015) / «Кэрол»

Weekend (2011) / «Уикенд»

A Single Man (2009) / «Одинокий мужчина»

Milk (2008) / «Харви Милк»

C.R.A.Z.Y. (2005) / «Братья С.Р.А.З.У.»

Hedwig and the Angry Inch (2001) / «Хедвиг и злосчастный дюйм»

But I'm a Cheerleader (1999) / «Неисправимые»

Happy Together (1997) / «Счастливы вместе»

The Adventures of Priscilla, Queen of the Desert (1994) / «Приключения Присциллы, королевы пустыни»

Paris Is Burning (1990) / «Париж горит»

Call Me by Your Name (2017) / «Зови меня своим именем»

Love, Simon (2018) / «С любовью, Саймон»

Сайты с тематическими книгами и информационные

LGBTQ Reads:
LGBTQReads.com

The Gay YA: gayya.org

Bisexual Books: bisexualbooks.com

Lambda Literary:
lambdaliterary.org

The Trevor Project:
thetrevorproject.org

GLAAD Resource List:
glaad.org/resourcelist

American Psychological
Association, LGBT Youth
Resources: apa.org/pi/lgbt/programs/safe-supportive/lgbt

It Gets Better Project:
itgetsbetter.org

LGBT National Help Center: glbthotline.org

Спасибо за внимание к книге! Не забудьте оставить отзыв в группе переводчика
<https://vk.com/rubymiller>

Переводчик Ruby_Miller